

МОНОГРАФИЯ

«СПАНГЛИШ»

в свете теории
языковых контактов

С.В. Ярцева

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ
УЗБЕКИСТАН
УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ**

ЯРЦЕВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА

**«СПАНГЛИШ» В СВЕТЕ ТЕОРИИ
ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ**

Монография

Ташкент-2026

УДК: 81'272:811.111+811.134.2

ББК: 81.006.3

Я 77

Ярцева С.В. «Спанглиш» в свете теории языковых контактов. Монография. – "ZUXRO BARAKA BIZNES", 2026. – 171 с.

Ответственный редактор:

доктор филологических наук (DSc), профессор

М.Р. Галиева

Рецензенты:

доктор филологических наук (DSc), профессор

Д.У. Ашурова

доктор филологических наук (DSc), профессор

Я.Ю. Арустамян

В монографии представлены результаты научных исследований, связанных с теорией языковой интерференции, в частности, с её результатами, представленными в виде различной степени взаимодействия контактирующих языков. Тщательно исследован лингвистический феномен «спанглиша», являющегося смешением английского и испанского, и представляющего собой результат языковой интерференции составляющих языков. Изучен процесс становления и развития «спанглиша», обоснован его языковой статус и проанализирована интерференция на различных уровнях языковой иерархии «спанглиша». На основании примеров, взятых из художественных, медийных, песенных и рекламных текстов, проведён анализ и выявлены закономерности интерференции «спанглиша» на фонетическом, морфологическом, синтакстическом уровнях, а также в области его лексики, словообразования и стилистики.

Данная монография может быть использована в качестве теоретического и практического материала по общему языкознанию, контактной лингвистике, социолингвистике, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, а также на специализированных курсах по вопросам интерференции и билингвизма.

ISBN: 978-9910-5344-1-6

© Ярцева С.В.

© "ZUXRO BARAKA BIZNES", 2026 г.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава I. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНТАКТНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	8
1.1. Становление контактной лингвистики.....	8
1.2. Теория языковых контактов.....	18
1.3. Языковая интерференция.....	25
Выводы.....	40
Глава II. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС «СПАНГЛИША»	42
2.1. История возникновения и распространение «спанглиша».....	42
2.2. Языковой статус «спанглиша».....	60
Выводы.....	78
Глава III. ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В «СПАНГЛИШЕ»	80
3.1. Фонетическая интерференция.....	80
3.2. Морфологическая интерференция.....	92
3.3. Лексическая интерференция.....	102
3.4. Словообразовательная интерференция.....	113
3.5. Синтаксическая интерференция.....	121
3.6. Стилистическая интерференция.....	130
Выводы.....	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	141
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	146
ПРИЛОЖЕНИЕ	163

ВВЕДЕНИЕ

В мировом лингвистическом научном сообществе вопросы взаимного влияния языков являются одними из наиболее приоритетных. Это связано с тем, что в современном мире языковое взаимодействие происходит практически постоянно, чему способствуют как миграционные процессы, так и развитие туристической сферы, информационно-коммуникационных технологий. Проблема языковой интерференции поднималась ещё на пике сравнительно-исторической языковой парадигмы, переход же к антропоцентрической лингвистике сделал её ещё более актуальной. Результаты интерференции могут принимать различные виды в зависимости от степени взаимовлияния языков. Слабое взаимодействие может проявляться в ошибках при изучении второго языка под влиянием первого, наиболее же развитая форма интерференции может привести к образованию новых языковых феноменов, вплоть до возникновения смешанного языка.

В современных условиях наиболее распространённым является такой смешанный язык, как «спанглиш», представляющий собой смешение испанского и английского языков, относящихся к числу наиболее значимых и широко используемых в мире, занимая второе и четвёртое место, соответственно, согласно данным Ethnologue за 2024 год (см. *Приложение 1*). Интерференция на различных уровнях языковой иерархии «спанглиша» нуждается в подробном изучении, систематизации, чему ранее не было уделено достаточного внимания. В исследованиях зарубежных лингвистов были изучены лишь некоторые лексические, морфологические и фонетические характеристики. Вместе с тем, комплексные исследования явления интерференции в «спанглише» не проводились. Также не была обобщена и проанализирована информация касательно эволюции данного лингвистического явления, его современного значения и распространения, не был идентифицирован языковой статус «спанглиша».

Наиболее значительный вклад в изучение взаимодействия языков и языковой интерференции внесли такие зарубежные учёные, как Г.Пауль, Г.Шухардт, И.Бодуэн де Куртенэ, М.Бартоли, Л.Щерба, Э.Хауген, А.Карлинский, Г.Степанов, В.Абаев, С.Myers-Scotton, R.Appel и P.Muysken, О.Домнич, М.Дьячков, Ж.Багана и Е.Хапилина, Н.Вахтин и Е.Головко и другие. Особо следует отметить исследование языковой интерференции и её видов американским лингвистом У.Вайнрайхом (U.Weinreich). Среди узбекистанских лингвистов, занимающихся проблемой языковой интерференции, необходимо отметить работы А.Абдуазизова, Дж.Буранова, У.Юсупова, М.Джусупова, Ш.Аскаровой и др.

В сфере изучения «спанглиша» наиболее значимы работы американских и латиноамериканских лингвистов, представленные, в основном, в научных статьях: I.Stavans, J.Lipski, A.Ardila, E.Juarros-Daussa, A.Muñoz, R.Nginios, J.Valenzuela, D.Ramírez и др. Так, J.Lipski уделил особое внимание повседневному использованию «спанглиша» и влиянию английского языка на испанскую составляющую. I.Stavans сконцентрировался больше на исторических, культурных и практических аспектах данного вопроса. R.Nginios и J.Valenzuela рассмотрели отдельные факты истории образования «спанглиша», E.Juarros-Daussa выделила и проанализировала отдельные аспекты интерференции, относящиеся к морфологии и лексике. Отдельными аспектами данной проблемы занимались российские исследователи, такие как Д.Киселёва, изучившая некоторые фонетические характеристики «спанглиша», Т.Осинцева, исследовавшая отдельные проблемы переключения кодов, и Н.Михеева, изучившая вопросы изменения значения испанских слов под влиянием английского языка. Следует отметить, что исследователями, в основном, приведены лишь отдельные разрозненные факты из истории образования данного смешанного языка, а касательно языковой структуры, основной акцент сделан на неструктурированном морфологическом и лексическом анализе «спанглиша».

Следует подчеркнуть, что целостные исследования, рассматривающие историческое развитие, языковой и

социокультурологический статус «спанглиша», его фонетические, морфологические, синтаксические, лексические, словообразовательные, и особенно стилистические аспекты в свете интерференции, в лингвистической науке отсутствуют.

Целью данного исследования является определение языкового статуса «спанглиша» и изучении, систематизации и выявлении закономерностей фонетической, морфологической, синтаксической, лексической, словообразовательной и стилистической интерференций «спанглиша». Указанная цель предполагает выполнение таких задач исследования, как: определить языковой и социокультурологический статус «спанглиша» на современном этапе его развития; выявить закономерности фонетической, морфологической, синтаксической, лексической, словообразовательной и стилистической интерференций «спанглиша» и провести их систематизацию; обосновать лингвистические и социокультурные особенности явления интерференции и её типов, а также определить степень влияния английской и испанской составляющих в «спанглише»; выявить особенности функционирования языковых единиц «спанглиша» в различных типах текста (художественном, песенном, рекламном, интернет-текстах).

Научная новизна монографии заключается в следующем: обоснована принадлежность «спанглиша» к классу смешанных языков на основе анализа его основных лингвистических характеристик (фонетических, морфологических, лексических, синтаксических) и социокультурологической значимости (билингвизм, культурная самоидентификация, территориальная неограниченность, использование в различных типах текста и др.); определены языковые закономерности (внутреннее и внешнее переключение кодов, фонетическая и грамматическая модификация различных частей речи, использование гибридных лексем, фразеологических единиц и стилистических приёмов, более свободный порядок слов в предложении) формирования «спанглиша» как результата интерференции и проведена их систематизация на уровне фонетических, морфологических, синтаксических,

лексических, словообразовательных и стилистических единиц; определена степень влияния английского и испанского составляющих языков на формирование языковых единиц «спанглиша» на основе интерференции, в результате которой выявлено большее влияние испанской составляющей на фонетическом и синтаксическом уровнях, а также на уровне словообразования, и приблизительно одинаковое взаимовлияние на уровне морфологических, лексических и стилистических единиц; установлены особенности функционирования языковых единиц «спанглиша» в различных видах текста и определено, что песенные тексты, а также тексты слоганов, рекламных объявлений и интернет-мемов на «спанглише» в большей степени характеризуются лексической, словообразовательной и морфологической интерференцией, в то время как художественным текстам присуще проявление всех типов интерференции.

ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНТАКТНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1.1. Становление контактной лингвистики

Контактная лингвистика как самостоятельная наука сформировалась в конце XX века. Однако, как отмечают российские лингвисты Ж.Багана и Е.Хапилина, отголоски возникновения данной дисциплины наблюдались ещё в античной культуре, что, тем не менее, не стало в те времена предметом изучения, в связи с эгоцентрическим мировоззрением древних греков и римлян, основанном на чувстве уникальности своих языков [Багана, Хапилина, 2010]. Данная тенденция продлилась до эпохи средневековья, и лишь в XV веке итальянским гуманистом Л.Баллой в работе «О красотах латинского языка» был затронут вопрос развития данного языка и влияния на него германских наречий [Лотман, 2003, с. 482-483]. Тем не менее, вплоть до конца XVIII – начала XIX века вопрос контакта языков практически не привлекал внимания лингвистов. Зачатки контактной лингвистики, датируемые концом XVIII века, просматриваются в проблеме, вставшей перед лексикографами при составлении словарей. В каждом языке было встречено множество слов иностранного происхождения, которые необходимо было проанализировать, решая, следует ли и в каком объёме включать их в словари [Muhvić-Dimanovski, 2005, с. 2]. Впоследствии, вопрос смешения языков начал вызывать повышенный интерес исследователей того времени.

Как известно, XIX век также характеризуется становлением сравнительно-исторического языкознания, что, в свою очередь, частично поднимает вопрос взаимодействия языков. Так, влияние друг на друга европейских языков и переход «невероятно большого количества слов из одного языка в другой» затрагивались Р.Раском [Раск, 1818]. Роль контакта с другими языками также рассматривалась А.Шлейхером при описании развития романских языков [Шлейхер, 1864]. Однако для А.Шлейхера язык являлся натуральным организмом, развитие которого шло в соответствии с

законами природы, в связи с чем, вопрос взаимопроникновения языков представляется ему абсурдным.

Немного позже В.Уитни развил вопрос языкового смешения. По его мнению, каждый язык претерпевает определённое контактное влияние через фонетические, лексические и грамматические заимствования. При этом многие слова и фонемы меняются в соответствии с правилами и нормами принимающего языка, обогащая его [Whitney, 1881, с. 8-9].

Также во второй половине XIX века Г.Пауль в своём произведении «Принципы истории языка» затронул тему семантических сдвигов в значении слов одного языка в результате контакта с другим и таких языковых процессов, как калькирование и заимствование [Пауль, 1880]. Наиболее важным в свете становления контактной лингвистики было выделение исследователем главенствующей роли двуязычия в процессе влияния языков друг на друга.

Один из наиболее выдающихся вкладов в становление науки внёс Г.Шухардт. Он по праву считается создателем «теории языковых скрещиваний и смешиваний» [Самарин, 2010], являющихся, как он предполагал, движущей силой формирования и изменения всех языков. Учёный утверждал, что не существует абсолютно «несмешанных языков», так как при контакте носителей языков, даже относящихся к разным языковым группам, неизбежно возникает взаимовлияние. «Возможность языкового смешения не знает никаких ограничений; она может привести как к максимальному, так и к минимальному различию между языками» [Шухардт, 2003, с. 177]. Согласно его взглядам, ни один из языков нельзя относить к определённой семье или группе, так как он может иметь несколько языков-предков, подвергшихся смешиванию. Им и И.Шмидтом была выдвинута «теория лингвистической непрерывности», в соответствии с которой влияние языков друг на друга настолько велико, что даже исконные тенденции умершего языка отчётливо проявляются в языках, последующих ему [Самарин, 2010]. Кроме того, согласно их идеям, языковые инновации из центров их возникновения

волнообразно распространяются к периферии, в результате чего языки и диалекты так влияют друг на друга, что невозможно провести между ними чёткие границы. В связи с этим, возникают сходства, которые невозможно объяснить общим происхождением. Также одним из первых Г.Шухардт начал изучать пиджины и креольские языки, затронул процессы языковой интерференции и билингвизма.

Некоторые идеи Г.Шухардта касательно романской диалектики были переняты представителями французской «лингво-географической школы», которые «изучали независимые пути распространения отдельных языковых явлений, передающихся от индивида к индивиду непрерывной сетью незаметных переходов» [Самарин, 2010]. Они развили мысль отсутствия границ между диалектами, так как на местности переход от одного наречия к другому практически незаметен и нивелируется наличием разнообразных «говоров и подговоров», в той или иной степени содержащих долю одного из романских языков.

Сближение языков Европы как результат взаимодействия их культур подчёркивал А.Мейе. Как следует из высказывания французского лингвиста, европейские языки, исходя из того, что они выражают, в чём-то являются кальками друг друга [Meillet, 1928]. Учёный сделал большой акцент на социальной составляющей сравнительно-исторического метода, став одним из предшественников такой науки, как социолингвистика.

В первой половине XX века вопрос взаимодействия языков получил своё развитие в работах итальянских неолингвистов Дж.Бонфанте, М.Бартоли, В.Пизани и французского диалектолога Ж.Жильерона.

Дж.Бонфанте выделял особое значение смешения в развитии языка, особо подчёркивая следующее: «Можно утверждать (упрощая, конечно, действительное положение вещей), что французский – это латинский + германский (франкский); испанский – это латинский + арабский; итальянский – это латинский + греческий и оско-умбрский; румынский – это латинский + славянский; чешский – это славянский

+ немецкий; болгарский – это славянский + греческий; русский – это славянский + финно-угорский и т. д.» [Шпехт, Мюллер, Пизани, 1956, с. 87]. В свою очередь, М.Бартоли занимался изучением таких явлений, как субстрат, суперстрат, контакты и вторичные схождения языков. Помимо этого, он стал основоположником развившейся в дальнейшем концепции языковых союзов и ввёл понятие «адстрат».

Другой представитель итальянской неолингвистической школы В.Пизани поставил под сомнение наличие индоевропейского праязыка как первоосновы всех последующих языков, что связано с отсутствием чётких различий между древними индоевропейскими и неиндоевропейскими языками. Также он видел сходства между первыми, как следствие языковых контактов.

Взаимодействию языков и его изучению на основе диалектов большинство своих трудов посвятил Ж.Жильерон. Участвуя в сборе материала для Лингвистического атласа Франции, он рассмотрел диалекты не только этой страны, но всей франкоговорящей Европы, указывая распространение тех или иных слов на данной территории [Панов, 1984, с. 59]. Своей работой он снова опроверг существование чётких диалектных границ, продемонстрировав взаимопроникновение и влияние языков и наречий друг на друга. Также большое внимание он уделял проблемам языкового субстрата.

Как указывает А.Мартине, для осмысления такого явления, как «языковая ситуация», в конце XIX века была предпринята попытка классифицировать возможные пересечения носителей языков. В качестве варианта градации языкового столкновения было взято взаимодействие более высокой и более низкой культуры, а также носителей языка, составлявших большую или меньшую часть населения. Однако подобные попытки показали свою недееспособность, так как, во-первых, было крайне трудно учитывать множественность и различие существующих языковых контактов, а во-вторых, составление «вневременной схемы отношений» между указанными народами вошло в конфликт с установленными историческими фактами [Ярцева, 1979, с. 9; Мартине, 1960]. Кроме того, А.Мартине был впервые введён в употребление термин

«языковой контакт». Ранее учёными-лингвистами использовалось сочетание «смешение языков», предложенное Г.Шухардтом. Структура языка, как объяснял А.Мартине, постоянна, но в то же время подвержена влиянию человеческой деятельности. В этой связи, в процессе столкновения двух языков индивиду приходится прибегать к двум лингвистическим системам, и происходит неизбежное влияние одной из них на другую [Ярцева, 1979, с. 13; Мартине, 1960].

Также можно вкратце упомянуть практическое исследование, проведённое Вернером Ф. Леопольдом на тему детского билингвизма, за основу чего он взял освоение и применение двух языков своей дочерью [Leopold, 1959, с. 115].

Среди российских учёных, занимавшихся проблемами языковых контактов, особо следует отметить И.Бодуэна де Куртенэ и Л.Щербу. Так, И.Бодуэн де Куртенэ выпустил в 1875 году книгу, в которой он рассуждал на тему смешения языков, понимая под этим их конвергентную перестройку в процессе языковых контактов, не только заимствование отдельных языковых единиц, но сближение самих языков. При изучении контакта языков И.Бодуэн де Куртенэ призывал рассматривать не только генетическую, но географическую и общественно-историческую общность, что наиболее полноценно раскрывает причины взаимовлияния. Он утверждал, что «влияние смешения языков проявляется в двух направлениях: с одной стороны, оно вносит в данный язык из чужого языка свойственные ему элементы (запас слов, синтаксические обороты, формы, произношение); с другой же стороны, оно является виновником ослабления степени и силы различаемости, свойственной отдельным частям данного языка» [Бодуэн де Куртенэ, 1963]. Данная мысль была продолжена и развита Л.Щербой. В 1907 году он начал изучение восточно-лужицкого говора сербов, в результате чего выдвинул предположение о наличии двух типов билингвизма — чистого и смешанного. Его работа стала основой для изучения контакта языков как процесса интерференции, выдвинула идею об изменении в результате взаимодействия обоих контактирующих языков, что

явилось фундаментальным для становления современной теории контактной лингвистики.

С достаточно противоречивыми и не всегда обоснованными идеями выступал Н.Марр, который отмечал, что все языки в мире можно назвать «скрещенными», и именно данный процесс является определяющим в происхождении и развитии каждого языка [Марр, 1933]. Согласно его теории, этот процесс проходит несколько взрывоподобных стадий: взаимопроникновение «структурно-различных» языков способствовало возникновению языка нового по структуре, что, однако, противоречило принципам сравнительно-исторического языкознания. Позже нашлись противники данной теории, утверждавшие, что скрещивание не может быть настолько спонтанным и быстрым, что процесс смешения занимает столетия, и в результате него появляется не абсолютно новый язык, а один из языков, участвовавших в процессе, перенимает определённые черты другого и за счёт него обогащает свой запас.

Уже в 2009 году В.Звегинцев предложил иной взгляд на данный вопрос, соединив обе эти теории. Во-первых, при столкновении и взаимопроникновении двух языков необязательно, чтобы один из них поглощал другой (хотя такая возможность и существует). На определённый период исторической необходимости они могут создавать некий симбиотический язык, однако, при дальнейшем исчезновении подобной надобности оба языка прекращают контакт и развиваются далее практически независимо друг от друга. Во-вторых, вне зависимости от наличия поглощения одним языком другого, либо же продолжения дальнейшего независимого существования обоих языков, следы смешения сохраняются и иногда не только в виде обогащающих заимствований, но и прямого проникновения в основной словарный фонд языка [Звегинцев, 2009, с. 127].

Новым этапом в развитии теории контактов стали исследования пражских учёных, написавших множество статей на тему фонологической интерференции. Однако, в первую очередь, следует упомянуть таких лингвистов, как Н.Трубецкой и У.Вайнрайх. В своей статье 1923 года «Вавилонская башня и смешение языков»

Н.Трубецкой впервые сформулировал понятие «языковой союз», подразумевая структурное сходство языков, используемых народами, имеющими близкие контакты, но не обязательно являющихся родственными [Трубецкой, 1999]. У.Вайнрайх, в свою очередь, можно справедливо назвать основателем контактной лингвистики. Как отмечают Ж.Багана и Е.Хапилина, крайне сложно вывести год зарождения какой-либо дисциплины, но в случае контактной лингвистики таковым следует условно считать 1953 г., ознаменованный выходом в свет монографии У.Вайнрайха «Языковые контакты» [Weinreich, 1953, Вайнрайх, 1979], первоначально опубликованной на английском языке, и «Норвежский язык в Америке» Э.Хаугена [Naugen, 1953]. Так как две работы были изданы практически одновременно, это привело к определённому взаимодействию между учёными. Оба они считали, что при осмыслении такого понятия, как «языковой контакт», необходимо учитывать социальные, психологические, этноисторические аспекты, ведь без рассмотрения экстралингвистических факторов определённые проблемы языковых контактов не могут быть полноценно изучены [Muhvić-Dimanovski, 2005, с. 4].

В своей работе У.Вайнрайх попытался систематизировать всю информацию, относящуюся к языковым контактам. Так, им было предложено определение «лингвистическая интерференция», используемое лингвистами по сей день. Согласно учёному, «два или несколько языков находятся в контакте, если ими попеременно пользуется одно и то же лицо. Таким образом, местом осуществления контакта являются индивиды, пользующиеся языком» [Вайнрайх, 1979, с. 22]. В ранее публиковавшихся работах описывались лишь частные случаи и отдельные индивиды-билингвы, оставалось неясным, какую степень использования двух языков можно назвать билингвизмом, не было сделано обобщения и осмысления всего процесса. Монография У.Вайнрайха подвела итог долгим дискуссиям лингвистов касательно «смешения» языков и уместности самого данного термина, дала обзор современного состояния исследований в указанной сфере. Автор признал возможность не только

фономорфологической интерференции, но и смешения элементов грамматических систем.

Результатом выхода в свет работ Э.Хаугена и У.Вайнрайха стало активное развитие контактной лингвистики. Множество языковедов посвятили свои работы данной отрасли, в состав многочисленных словарей вошли термины этой науки. В числе последних можно упомянуть «Словарь-справочник лингвистических терминов» 1976 года под редакцией Д.Розенталя и М.Теленковой, «Лингвистический энциклопедический словарь» 1990 года под редакцией В.Ярцевой, «Краткий словарь лингвистических терминов» В.Васильевой, В.Виноградова, А.Шахнаровича 1995 года.

Среди учёных, занимавшихся на тот момент проблемами языковых контактов, следует отметить нижеследующих. А.Диболдом был рассмотрен процесс зарождения билингвизма. Исследователем отмечалось продолжающееся, несмотря на исследования У.Вайнрайха, игнорирование языковедами поведения, приводящего к указанным явлениям. Согласно его мнению, лингвисты, по большей части, занимались лишь «идентификацией и регистрацией изменений» касательно двуязычия, не вникая в экстралингвистические причины его возникновения, что крайне важно для полного понимания процесса [Diebold, 1961].

Частично идеи в отношении билингвизма были развиты Е.Верещагиным, который отдельно подчёркивал, что двуязычие, помимо лингвистики, входит в сферу изучения психологии и социологии, а также затрагивает некоторые физиологические речевые процессы [Верещагин, 1969, с. 2-3].

Ю.Жлуктенко в своей монографии 1966 года дал разграничение контакту и взаимодействию языков. На его взгляд, они не идентичны, а связаны как причина и следствие. «Между двумя парами языков может установиться одинакового типа контакт, а взаимодействие между ними может приобретать разный характер, в зависимости от целого ряда лингвистических и внелингвистических факторов» [Жлуктенко, 1966, с. 12]. Также в общелингвистическом плане исследование языковых контактов на основе развития славяно-

молдавских отношений провёл Т.Ильяшенко [Ильяшенко, 1970].

Из чисто теоретической, основанной лишь на сравнительно-исторических исследованиях в отношении индоевропейских языков, проблема языковых контактов, как отмечал В.Розенцвейг, перешла в разряд «общественной и государственной практики», затрагивающей неисчислимы языки и диалекты мира. В своих работах он на основе социально-исторических аспектов рассматривал вопросы двуязычия, скрытой и явной интерференции, а также отдельно затронул конвергенцию контактирующих языков [Розенцвейг, 1972].

Более того, интерес к данной отрасли послужил толчком для разработки различных подходов, применяемых в практических исследованиях по всему миру. Результаты подобных исследований, а также социологическая, лингвистическая, образовательная и политическая подоплека применения и переключения с одного языка на другой были рассмотрены в монографии R.Appel и P.Muysken «Языковой контакт и билингвизм» [Appel, Muysken, 1987].

К началу XXI века термины и понятия, относящиеся к сфере языковых контактов, были уже достаточно сформированы. Ряд статей на указанную тематику включён в сборники и пособия по сравнительно-историческому языкознанию, социолингвистике, ареальной лингвистике и работы, касающиеся взаимодействия языков в контексте этнической культуры. Предмет контактной лингвистики входит в курс лекций многочисленных филологических вузов. Среди учёных, занимающихся данной наукой в настоящее время, можно отметить С.Myers-Scotton, О.Домнич, а также Ж.Багана и Е.Хапилину.

В своей работе «Contact linguistics. Bilingual encounters and grammatical outcomes» С.Myers-Scotton поставила целью продемонстрировать, что все случаи языковых контактов базируются на одних и тех же принципах. Свою теорию она построила на использовании некоей «структуры матричного языка», в рамках которой подразумевается наличие асимметрии между двумя участвующими в контакте лингвистически абстрактными системами – «матричным языком» и «внедряемым языком». Первый вносит

вклад в виде структуры, а второй – содержания. Также в работе рассмотрены процессы конвергенции и языкового «изнашивания», проблемы заимствований, креолизации и смешанных языков [Myers-Scotton, 2002].

Что касается О.Домнич, ею был сделан акцент на типологии языковых контактов, исследованы причины, условия и результаты контактирования, проанализированы различные мнения касательно самого данного термина и сопутствующей ему классификации [Домнич, 2002]. Кроме того, на основе исследования заимствований туземных слов, пришедших в американский английский язык, была изучена длительная история языковых контактов с индейскими племенами и на базе этого – типичные черты сопутствующих заимствованиям обстоятельств. Также автор в своих работах касалась темы заимствований в канадский, австралийский и новозеландский варианты английского языка и взаимодействия английского и малайского языков в Сингапуре [Домнич, 2010, 2017].

Отдельно стоит остановиться на вкладе Ж.Багана и Е.Хапилиной, которые в рамках своей монографии «Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм» 2010 года собрали основную теоретическую информацию касательно теории языковых контактов, вкратце раскрыли историю становления контактной лингвистики на основе работ российских и зарубежных лингвистов, выделили основные её категории и подходы к изучению. Ими были выявлены отдельные недостатки в современном развитии указанной отрасли, включая а) отсутствие точного названия языковой дисциплины (среди различных учёных возможны такие варианты, как «лингвистика языковых контактов», «контактная лингвистика», «лингвистическая контактология»); б) размытость понятийного аппарата, то есть противоречивость и неточность отдельных терминов; в) слабость методологической базы дисциплины: нет чёткой формулировки объекта и методов исследования, единых для данной отрасли; г) различие мнений по поводу отношения термина «языковые контакты» к контактам языков или же их носителей, в этой связи, отсутствие ясности, в какой мере следует учитывать взаимодействие

народов и культур при исследовании данного феномена; д) сомнения по поводу достоверности полученной информации, так как не всегда понятно, являются ли исследуемые процессы языкового контактирования реальными фактами заимствования языка [Багана, Хапилина, 2010].

В целом, активное развитие контактной лингвистики началось ближе к концу XX века и продолжается по сей день. Не подлежит сомнению исследовательский вклад в отрасль таких учёных, как Г.Шухардт, И.Бодуэн де Куртенэ и, конечно же, У.Вайнрайх. Особую актуальность внесли работы современных лингвистов на данную тематику. Вместе с тем, на данный момент отдельные практические аспекты контактной лингвистики исследованы не до конца, что актуализирует дальнейшие исследования в данной области. Особый интерес вызывают такие вопросы, как влияние языковой интерференции на образование новых лингвистических единиц; процессы пиджинизации и креолизации; образование и структура смешанных языков.

1.2. Теория языковых контактов

Одним из основных понятий контактной лингвистики является понятие **языкового контакта**. Впервые термин был предложен А.Мартине и подразумевал процесс использования индивидом двух лингвистических систем с влиянием одной из них на другую [Ярцева, 1979, с. 13; Мартине, 1960]. Позже В.Розенцвейг дополнил данное определение, указав, что контактированием языков может считаться поочерёдное использование лицами нескольких языков, если они считаются «носителями двух (или более) языков, или двуязычными носителями» [Розенцвейг, 1972, с. 61].

Имеются разные подходы к толкованию термина «языковой контакт». Например, А.Дарбеевой данное понятие объясняется с позиции исторического языкознания, где контактирование строится на основе устного взаимодействия сопредельных этнических групп в ходе осуществления ими частых лингвоэтнических, бытовых и иных

отношений [Дарбеева, 1984, с. 7]. Согласно А.Карлинскому, языковым контактом является любое синхронное использование речи, либо диахронное – языка, что проявляется на всех уровнях использования [Карлинский, 1990, с. 27].

Однако, на наш взгляд, данное определение слишком обширно и обобщённо. Ю.Жлуктенко предлагает рассматривать в качестве языкового контакта интерлингвистические связи, возникающие при взаимодействии двух и более языков [Жлуктенко, 1966, с. 6]. Е.Опельбаум рассматривает понятие в широком и узком смысле, а именно «как родовое (то есть обозначение любого вида межъязыковой связи) и как видовое, то есть в ситуации двуязычия» [Жлуктенко, 1970, с. 13].

Одно из детальных определений даёт С.Семчинский, согласно которому языковой контакт охватывает «разнообразные языковые связи, проявляющиеся на всех лингвистических уровнях и устанавливающиеся при наличии определённых историко-географических, общественно-политических, культурных, психологических и других факторов между языками, независимо от их генеалогического родства или типологической близости» [Домнич, 2002, с. 2; Семчинский, 1974].

Однако в последнее время ряд исследователей придерживается мнения, что термин «языковой контакт» не полностью передаёт природу изучаемого процесса, что происходит, скорее, не контакт языков, а взаимодействие их носителей, пересечение культур, основанное на объективных (нормы поведения в определённых социумах, ситуациях) и субъективных (личная подоплека) целях говорящих.

Тем не менее, при любом толковании обязательным условием возникновения языкового контакта является близкое взаимодействие двух и более языков, а именно *двуязычие*, иногда именуемое также *билингвизмом*, или *многоязычие* (*мультилингвизм*). Последний термин употребляется реже, так как равное или почти равное владение двумя языками встречается чаще, в связи с этим он иногда заменяется термином «двуязычие». Впервые понятие «**билингвизм**»

было использовано в 1938 году В.Аврориным. Под данным термином исследователь понимал «одинаково свободное владение двумя языками. Иначе говоря, двуязычие начинается тогда, когда степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого» [Аврорин, 1975, с. 51]. В свою очередь, Г.Пауль под билингвизмом рассматривал любое воздействие одного языка на другой вне зависимости от степени владения обоими и длительности контакта [Пауль, 1960, с. 390].

Согласно исследованиям К.Зиннера, различные учёные под понятием «билингвизм» подразумевают разные уровни владения языками, начиная от совершенного владения двумя из них и заканчивая слабым владением несколькими, вне зависимости от того, были ли они изучены в качестве иностранных [Sinner, 2001, S. 128]. Так, Л.Щерба, отдавая предпочтение термину «двуязычие», понимает под ним владение двумя языками, каждый из которых определяет особую социальную группу. При этом он разграничивает «чистое» двуязычие, когда индивид использует по отдельности каждый из языков в независимых группах таким образом, что не позволяет языкам смешиваться в процессе ежедневной речи. Другой составляющей, по его мнению, является «смешанное» двуязычие, когда разные социальные группы включают в себя одних и тех же людей, и переключение языков при общении индивидов происходит случайно [Щерба, 1974, с. 314]. Именно «смешанное» двуязычие способствует возникновению активной интерференции¹.

В свою очередь, Г.Пауль под билингвизмом понимал любое воздействие одного языка на другой вне зависимости от степени владения обоими и длительности контакта [Пауль, 1960, с. 390]. Б.Гавранек также отмечал, что для многих учёных двуязычием является любое влияние другого языка, независимо от того, носит ли оно индивидуальный или коллективный характер, затрагивается ли равное владение двумя языками или временный контакт с чужим языком. Вместе с тем, им был введён термин «мнимое двуязычие», под которым он имел в виду взаимодействие двух

¹ Термин «языковая интерференция» будет подробно рассмотрен в следующем разделе.

близкородственных языков, схожих друг с другом настолько, что переключение с одного языка на другой практически незаметно [Гавранек, 1972, с. 96-97].

Иной точки зрения на этот счёт придерживался У.Вайнрайх. По его мнению, языковое взаимодействие, а точнее нарушение одним языком границ другого не зависит от того, насколько родственными являются языки, используемые говорящим. Это связано с тем, что, как в случае языков, относящихся к разным языковым семьям, так и являющихся диалектами одного и того же языка, индивиду необходимо следовать множеству норм в зависимости от контекста, и неудача в данной дифференциации вызывает «вторжение» одной системы норм в другую [Вайнрайх, 1972, с. 26].

Различных взглядов придерживаются учёные касательно вопроса, является ли билингвизм больше лингвистическим или психологическим явлением. Нельзя отрицать, что, прежде всего, языковое контактирование происходит в сознании билингва вне зависимости от того, воспринимаются ли оба языка с рождения или изучаются в более взрослом периоде. Оба речевых канала подвергаются неосознанному либо осознанному осмыслению, пониманию и категорированию, после чего при достаточном освоении обоих языков происходит их воспроизведение. Так, например, уже в конце XIX века Г.Шухардт подчеркивал, что «проблема языкового смешения, тесно связанная с проблемой двуязычия... может быть решена лишь на основе психологии» [Шухардт, 2003, с. 174-184]. В XX веке с развитием теории языковых контактов лингвисты на основе исследований пришли к выводу о необходимости применения психологических методов при изучении лингвистических явлений. Это связано с тем, что первостепенное значение при контактировании имеют сами билингвы, являющиеся отдельными языковыми личностями. Таким образом, У.Вайнрайх указывает на важность лингвистического и психолингвистического аспектов в ходе изучения проблемы билингвизма.

Лингвистический аспект заключается в функциональном описании контактирующих языковых систем в процессе их

взаимовлияния. Психологический же аспект выступает отражением носителей данных языковых систем, каждая из которых существует в сознании носителя. «В любом лингвистическом исследовании важно различать продукцию говорящего – т.е. некоторый конечный текст, сколь бы длинным он ни был, и стоящую за этим текстом систему, существующую у него в мозгу и позволяющую ему продуцировать не только этот текст, но и бесконечное количество других высказываний, которые будут восприниматься остальными членами его языкового коллектива как соответствующие языковой норме» [Вайнрайх, 1972, с. 30].

В связи с существованием в мозгу билингва двух языковых систем, в процессе языкового контакта двуязычный носитель стоит перед постоянным выбором языковых норм в рамках той или иной лингвистической системы. Э.Хауген в ходе исследований пришёл к выводу, что языковые системы в сознании билингва накладываются друг на друга, что, в свою очередь, приводит к явлению интерференции [Хауген, 1972, с. 61-80].

Так, Е.Верещагин констатировал, что билингвизм следует изучать в рамках трёх наук: 1) психологии, являющейся основополагающей при возникновении и развитии билингвизма и рассматривающей данное явление с точки зрения «механизмов производства речи»; 2) лингвистики, занимающейся двуязычием, проявляющимся в речи, то есть воспроизводимом тексте, затрагивающей такие вопросы, как взаимодействие языков, интерференция на всех языковых уровнях и возникновение пиджинов и смешанных языков в результате. Данными исследованиями занимается контактная лингвистика; 3) социологии, рассматривающей билингвизм в рамках проявления в среде определённой группы людей, в зависимости от обстоятельств, поведения и места билингва в обществе [Верещагин, 1969, с. 1-2].

Обобщая существующую литературу по данной проблеме, можно выделить следующие аспекты билингвизма:

- определение фонологического, грамматического и лексического уровня взаимодействия двух и более языков;

- заимствование данными языками структур и структурных элементов друг друга;
- процесс преобразования языков, применяемых одновременно в дву- и многоязычных группах;
- выделение изменений, возникающих во взаимодействующих языках, на качественном и количественном уровне, с целью изучения возникающего (по возможности) в результате контакта нового языка.

В зависимости от аспекта изучения, учёными выделяются различные *формы билингвизма*. Например, согласно Ж.Багана и Е.Хапилиной, билингвизм отдельно взятого индивида может быть симметричным или ассиметричным, автономным или совмещённым. Под симметричным двуязычием понимается равный уровень владения говорящего двумя языками, под ассиметричным – преобладание знания одного языка над другим. Автономным билингвизмом называется использование билингвом в речи на одном языке лишь его средств и норм, в то время как применение системы второго языка в процессе речи на первом именуется совмещённым двуязычием. Однако автономное двуязычие представляется практически невозможным из-за психических особенностей человека [Багана, Хапилина, 2010, с. 45].

В.Геращенко разделяет билингвизм на социальный (естественный), то есть целенаправленное использование человеком двух и более языков с целью обеспечения социального взаимодействия с коллективом, и учебный (искусственный), то есть изучение другого языка для профессиональной и иной узконаправленной деятельности [Геращенко, 1982, с. 4].

Согласно Н.Бахтину, первый усвоенный (родной) язык может не являться для индивида основным разговорным языком, и даже не всегда иметь более высокий уровень владения. Также может наблюдаться более частое и полное использование второго (третьего и т.д.) усвоенного языка, так как он обслуживает большее число функциональных сфер. В этой связи, лингвист предлагает различать между основным (доминирующим) и подчинённым (рецессивным)

языком [Бахтин, 2001, с. 78].

Наиболее ярким примером использования билингвизма во всех его вариациях является иммигрантская среда. Здесь языки используются как для разных видов деятельности и при взаимодействии с различными группами, так и смешиваются при необходимости, либо в результате закрепления в речи иммигрантов отдельных часто используемых понятий. Однако данному процессу должен сопутствовать социальный фактор окружения, также являющегося двуязычным.

При пересечении лингвистики с этнографией рядом учёных используется такое понятие, как «**языковая ситуация**», то есть совокупное существование форм и стилей одного или нескольких языков в их территориально-социальной взаимосвязи и функциональном взаимодействии в пределах отдельных географических либо административно-политических единиц. Наряду с билингвизмом, определяемым как межъязыковая ситуация, выделяют также внутриязыковую ситуацию или *диглоссию*. Под **диглоссией** понимается использование индивидом или группой двух или более вариантов либо диалектов одного языка, которые имеют различный общественный статус, выполняют различные роли и применяются в разных ситуациях. Данный термин был введён Ч.Фергюсоном в 1959 году, под диглоссией подразумевается такое использование языковых вариаций, при котором один вариант или диалект языка используется для официального общения, а другой – для повседневной речи [Ferguson, 1959, p. 233].

Согласно К.Бейлону, под «диглоссией» также можно понимать «социолингвистическую ситуацию, в которой конкурируют две идиомы различного социокультурного статуса: одна местная, а использование другой навязано властью» [Baylon, 1991, p. 149]. Например, это могут быть литературный язык и жаргон, староцерковный и повседневный язык, и т.д. Вместе с тем, диглоссия не всегда охватывает ареал целой страны или региона, но может относиться к отдельной области или людям определённой социальной, политической либо религиозной принадлежности. Так, например, в

Багдаде арабы христианской направленности в тесном кругу общаются на так называемом «христианском арабском», а на более официальном уровне или с людьми другой религиозной направленности – на «мусульманском арабском».

Характерной отличительной чертой диглоссии является то, что так называемый «высокий» язык используется для одних ситуаций и окружений, а «низкий» – для других. Ситуации их попеременного или смешанного использования крайне редки. Так, использование «высокого» языка может включать церковные службы, письма, официальные речи, проведение лекций, новостные теле- и радиопередачи, поэзию и т.д. «Низкая» вариация применяется при персональном общении, инструктировании прислуживающего персонала, в телесериалах и мультфильмах, в народном творчестве [Ferguson, 1959, pp. 232-236]. Таким образом, диглоссия редко проявляется в процессе интерференции, за исключением отдельных случаев образования гибридных и креольских языков, которые подробно будут рассмотрены нами в следующих разделах монографии.

Таким образом, контактная лингвистика, будучи довольно молодой отраслью, постоянно пополняет свой терминологический аппарат, развивает понятия, находит актуальные подтверждения и приобретает обновлённые трактовки. Центральными понятиями контактной лингвистики являются языковой контакт, языковая ситуация, интерференция, билингвизм, диглоссия. Определение различными языковедами данных терминов зависит от области их применения в исследованиях, сфер лингвистики, а также учёта сопутствующих языковому контакту факторов.

1.3. Языковая интерференция

При языковом контакте языки начинают влиять друг на друга на различных уровнях языковой иерархии, и структуры одного языка неосознанно употребляются в другом. Если общение носит длительный характер, языки взаимодействуют на регулярной основе

и постепенно видоизменяются, приобретая элементы друг друга под влиянием **языковой интерференции**. Одними из наиболее ранних работ в области языковой интерференции являются исследования И.Бодуэна де Куртенэ. Польско-русский языковед считал, что основные последствия интерференции видятся не только в заимствовании отдельных единиц одного языка из другого, но и в общей конвергенции самих взаимодействующих языков [Верещагин, 1968, с. 103-110]. Согласно И.Бодуэну де Куртенэ, заимствуются не только те аспекты, которые способствуют возможности коммуникации, но и понижается степень «различаемости» взаимодействующих языков. М.Джусупов также подчёркивает, что «речевая интерференция – результат контактирования в сознании индивида языковых систем родного и изучаемого языков» [Джусупов, 2017, с. 355]. Вопрос также широко исследован в трудах Л.Щербы, который описывает языковой контакт с позиции интерференции, когда в ходе контакта язык говорящего и язык слушающего взаимно адаптируются, что изменяет лингвистические нормы обоих языков [Щерба, 1958, с. 42-46].

Наиболее полно термин интерференции был осмыслен в монографии У.Вайнрайха «Языковые контакты», который и ввёл указанное понятие в лингвистический обиход. Интерференция, по мнению лингвиста, понимается как отклонение от языковых норм в процессе двуязычия вследствие владения личностью несколькими языками, то есть в результате языкового контакта. У.Вайнрайх указывает, что интерференция наиболее ощутимо проявляется в чётко структурированных областях языка: основной фонемной системе, морфологии, синтаксисе и отдельных сторонах вокабуляра [Вайнрайх, 1979, с. 22]. В данном случае мы не можем говорить лишь о заимствовании звуков, слов или структур, так как в процессе контактирования происходит влияние на всю систему языка: она перестраивается, чтобы приспособиться к полученному элементу, интегрировать его в свою структуру. При обычном же заимствовании перенимаемые элементы либо схожи с элементами принимающего языка, либо обозначают явления, отсутствующие в языке, то есть не

вторгаются в структуру системы.

Среди узбекских лингвистов, специализирующихся в вопросе языковой интерференции, следует отметить Дж.Буранова, У.Юсупова, М.Джусупова, А.Абдуазизова. Так, У.Юсупов среди целей сопоставительного языкознания указывает необходимость выявления особенностей смешанных языков, основанных на процессе языковой интерференции; определения направлений их развития, а также случаев влияния и обогащения друг друга за счёт взаимодействия смешиваемых языков [Юсупов, 2007, с. 16-28]. Лингвист считает важным вопрос изучения характера межъязыковой интерференции с указанием положительных и отрицательных свойств, возникающих при взаимовлиянии языков [Юсупов, 1988, с. 6].

А.Абдуазизов рассматривал фонетическую интерференцию в английском и узбекском языках на основе экспериментов в отношении артикуляционно-акустических свойств систем гласных указанных языков [Абдуазизов, 1967, с. 27], а также разработал отдельную типологию фонологических систем [Абдуазизов, 1974, с. 19].

Дж.Буранов при анализе типологических категорий английского и тюркских языков затрагивает проблему грамматической интерференции. Лингвист рассматривал интерференцию как слияние различных особенностей взаимодействующих языков и полагает, что межъязыковое сходство играет здесь важную роль. Он классифицировал интерференцию как а) положительную, которая может способствовать изучению и воспроизведению фонетических, лексических и грамматических систем другого языка, и б) отрицательную, при которой уже известный язык играет роль субстрата при освоении другого языка, оказывая влияние на всех уровнях языковой иерархии. Второй случай, однако, может привести к появлению новых языковых образований – пиджинов, креолов и смешанных языков [Буранов, 1983, с. 157-158].

М.Джусупов изучил интерференцию, связанную со звуковой системой языка, на примере русского и казахского языков. Учёный отмечает, что явление интерференции – это двусторонний процесс. По его мнению, ошибки произношения, возникающие в процессе

изучения иностранного языка, вызваны взаимодействием звуковых систем родного языка и изучаемого иностранного языка [Джусупов, 1991, с. 239]. М.Джусупов исследовал принцип кросс-типологического анализа звуковой системы языков, главными из которых являются принцип сознательности, принцип однотипности, принцип интерференции, принцип артикуляции, принцип позиции, принцип комплексности [Джусупов, 1991, с. 19-24].

Определения интерференции, предлагаемые *лингвистическими словарями*, разнятся. Энциклопедический словарь юного филолога определяет интерференцию лишь с одной точки зрения: с позиции ошибок в иностранном языке под влиянием родного на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях языка [ЭСЮФ, 1984]. Словарь-справочник лингвистических терминов Д.Розенталя и М.Теленковой также рассматривает интерференцию лишь как наложение особенностей родного языка на изучаемый (ССЛТ, 1976). Современный словарь иностранных слов Л.Крысина даёт следующее определение интерференции: «лингвистическое взаимодействие двух языковых систем в условиях билингвизма» [ССИС, 2012]. Наиболее полное определение представлено Лингвистическим энциклопедическим словарём: «интерференция – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языков, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонении от нормы и системы второго языка под влиянием родного...» [ЛЭС, 1990].

На наш взгляд, интерференцию можно рассматривать как взаимодействие двух языковых систем в сознании говорящего с двух точек зрения: отрицательной – когда индивид находится в процессе изучения второго языка через призму первого, что приводит к совершению ошибок в изучаемом языке под влиянием правил родного языка; и положительной – когда говорящий является билингом, и взаимодействующие языковые системы оказывают взаимное влияние, обогащая друг друга и иногда приводя к возникновению новых лингвистических явлений.

Учёные также оценивают процесс интерференции с различных *позиций*. Например, американский лингвист Э.Хауген определяет интерференцию как лингвистическое взаимодействие, при котором любая лингвистическая единица может стать одновременно элементом двух систем [Haugen, 1956, p. 185]. Вместе с тем, в более поздней работе исследователь задался вопросом, действительно ли двуязычный индивид обладает двумя полными языковыми системами, ведь явление интерференции как раз противоречит этому. Действительно, проявление одного языка в другом может свидетельствовать о том, что билингв не владеет в совершенстве каким-либо из двух языков, либо же обоими, что позволяет их языковым системам проникать друг в друга. Это облегчает речь индивида, когда он оказывается не в состоянии найти точные элементы одного конкретного языка и использует с этой целью второй. В целом, данный вопрос пока неясен, но можно утверждать, как отмечает Э.Хауген, что двуязычный носитель обладает меньше, чем двумя системами, но больше, чем одной [Хауген, 1972, с. 62-63].

Н.Мечковская, в свою очередь, рассматривает лишь проблему негативной интерференции, то есть исключительно как проявление влияния родного языка на изучаемый и провоцируемые им ошибки в речи на данном иностранном языке [Мечковская, 2000, с. 40].

Э.Ахунзянов рассматривает данное понятие как изменения в структуре языка или в её элементах под влиянием другого и, в целом, как положительное явление, обогащающее взаимодействующие языки [Ахунзянов, 1978, с. 109].

Выделяется несколько *типов языковой интерференции*. А.Карлинский был уверен в том, что интенсивность взаимодействия и количество интерферируемых единиц напрямую зависит от качества языкового контакта и взаимоотношений контактирующих языков. Основываясь на этом, учёный подразделяет интерференцию на четыре типа: а) интерференция, выражаемая в типе отклонения от языкового стандарта на языке-объекте; б) интерференция, определяемая характером отношений между единицами контактирующих языков; в) интерференция, вызываемая

специфическими отклонениями в речи билингва на языке-объекте, то есть носящая более индивидуальный характер; 2) интерференция, определяемые качеством и количеством влияния на коммуникационный акт [Карлинский, 1990, с. 101-102]. Он также разделял интерференцию на *парадигматическую*, являющуюся источником фонологического вмешательства при двуязычии, и *синтагматическую*, когда интерферируются сегменты фоном [Карлинский, 1990, с. 110-114].

У.Вайнрайх утверждал, что необходимо различать *интерференцию в речи* и *в языке*. Первая возникает в результате знания отдельным индивидом другого языка, а вторая как следствие многократного применения билингвами обосновывается в языке и становится закреплёнными заимствованиями, последующее использование которых уже не зависит от наличия двуязычия у говорящих [Вайнрайх, 1979, с. 36].

Э.Ахунзянов противопоставлял интерференцию, основанную на взаимодействии двух языковых систем, способствующих взаимному обогащению, *трансференции*, то есть ошибочному перенесению правил родного языка при использовании изученного [Ахунзянов, 1978, с. 109].

Л.Бондарко и Л.Павлова рассматривали интерференцию как *межъязыковую* и *внутриязыковую*, где первая является результатом взаимодействия двух различных языков, а вторая – взаимным влиянием литературного языка и диалектов, вследствие чего возникают региональные варианты литературной речи [Бондарко, Павлова, 1987, с. 18].

Рассмотрим последнюю типологизацию более подробно. Так, по взаимодействующим языковым элементам различают межъязыковую, внутриязыковую и смешанную интерференцию.

Межъязыковая интерференция возникает при столкновении двух различных языковых систем, например, при изучении иностранного языка либо в билингвальном сообществе. В первом случае учащиеся автоматически переносят на изучаемый язык привычные нормы родного языка и, продолжая мыслить его категориями, облачают их в

иноязычную форму. Данное проявление интерференции не носит длительный характер, но может постепенно исчезнуть в случае повышения учащимися уровня владения изучаемым языком. Во втором случае языки подвергаются регулярному контакту на всех уровнях языковой иерархии и могут преобразоваться в новую лингвистическую форму в зависимости от частоты и активности контакта.

Под *внутриязыковой* интерференцией понимается психический процесс взаимодействия речевых навыков в самой системе изучаемого языка, что приводит к отклонениям от языковых норм [Розанова, 2009, с. 68]. Указанный тип возникает при взаимодействии звуков, лексем, форм и оборотов какого-либо языка в сознании индивида и не зависит от владения другими языками. В зависимости от задействованных языковых механизмов внутриязыковую интерференцию можно подразделить на парафазию, образование по ложной аналогии и контаминацию. Парафазия основывается на ошибочном употреблении в речи одного слова вместо другого на основе их схожести. А.Пешковский характеризует контаминацию как «смешение двух языковых образов в один смешанный» [Пешковский, 1956, с. 52]. Образование по ложной аналогии подразумевает использование схожих лингвистических средств по аналогии с уже известными примерами в случаях, где они разнятся.

Смешанная интерференция проявляется, когда вместе с наличием внутриязыковой интерференции идёт процесс изучения другого языка. В данном случае ошибки первого языка также оказывают влияние на вторую языковую систему, либо происходит обратное влияние второго языка на первый.

Отдельными учёными используется такое разделение, как *прямая* и *косвенная* интерференция. Первая представляет собой неосознанный перенос, выражающийся в некорректности сообщения говорящего, более характерный в случае билингвизма или близкого языкового родства. Вторая подразумевает косвенное влияние характеристик родного языка на речь на языке типологически не близком. Прямая интерференция может выражаться в явной или скрытой форме.

Скрытая отражается в незначительных стилистических погрешностях или обеднении средств выражения [Алиева, 2018, с. 12].

Несмотря на выделяемые различными учёными типы интерференции, основанные на таких критериях, как меж- и внутриязыковое, прямое/косвенное и др. взаимодействие, большинство исследователей (У.Вайнрайх, Э.Ахунзянов, Е.Верещагин, Ю.Дешериева, С.Рубинштейн, В.Алимов, Б.Алиева и др.) выделяют типы интерференции согласно изменениям, которые происходят в её результате на уровнях иерархии языка: *фонетическая, семантическая, лексическая, грамматическая, орфографическая, стилистическая, социокультурная*. Подробный анализ отдельных указанных подвидов будет проведён нами в третьей главе монографии.

Вместе с тем, Г.Вишневская в ряде работ по проблемам интерференции утверждает, что, в целом, отсутствуют общепризнанные лингвистические факторы и предпосылки явлений интерференции на всех уровнях языковой иерархии, нет развёрнутых исследований интерференции в речевой деятельности, отсутствуют единые подход и трактовка основных понятий теории интерференции, а также единые методология и методика изучения её явлений [Вишневская, 1993, с. 35]. Таким образом, подразделение интерференции на виды и способы её исследования зависят от целей и методов исследователей.

Интерференция может выражаться различными языковыми средствами в зависимости от задействованного уровня языка. Основным способом обогащения словарного состава языка является **заимствование** слов, морфем, а иногда и словосочетаний одним языком у другого. Вместе с тем, данный процесс широко используется в процессе языковой интерференции, как начальном уровне языкового обогащения. Некоторые заимствования настолько укореняются в принимающем языке, что со временем становятся неотличимыми от его исконных лексических единиц. Зачастую в ходе указанного процесса слова «приспосабливаются» к нормам другого языка, принимая его морфологические, грамматические и синтаксические особенности; лексическое значение также может

меняться.

Л.Крысин утверждает, что: «под заимствованием принято считать: 1) переход элементов одного языка в систему другого как следствие более или менее длительных контактов между этими языками; 2) слово или оборот, вошедшие в язык в результате такого перехода» [Крысин, 1968, с. 78].

Как отмечает Ф.Катамба, для осуществления заимствований не имеется никакой лингвистической причины. Людям, владеющим различными языками, для понимания друг друга необходимо использовать новые термины, обозначающие, по большей части, неизвестный ранее предмет, растение, животное либо явление. К тому же, в отдельные исторические периоды разные страны доминировали в какой-либо научной или культурной сфере, таким образом, открытия в ней получали новые названия и перенимались другими языками [Katamba, 1994, p. 282].

Дж.Гейпель считает причиной возможных заимствований идентичность применяемых терминов. По мнению лингвиста, подобное чаще всего встречается среди людей, знающих несколько языков, и проецирует их восприятие. При переходе с одного языка на другой лексическая единица первого языка может автоматически быть используема индивидом во втором, со временем перейдя в него окончательно [Geipel, 1971, p. 195].

Обобщённо принято выделять несколько *видов заимствований*: прямые и не прямые заимствования (Дж.Бонфанте также называл их «опосредованными и непосредственными»), кальки, термины, профессионализмы и т.д.

Под *прямыми* заимствованиями понимаются слова, которые напрямую переходят в один язык из другого без фонологических и орфографических изменений. В качестве примера можно привести заимствование современным испанским языком таких популярных английских слов, как “mall”, “show” («торговый комплекс», «шоу»).

Что касается *непрямых* заимствований, то это такие слова, которые перешли сначала из одного в другой язык, потом из него – в третий и т.д. При этом их структура меняется, чтобы соответствовать

нормам и правилам принимающего языка. Смысл слова также может меняться, в конце лишь отдалённо напоминая своё оригинальное значение [Katamba, 1994, p. 192]. Так, например, слово “este” («восток») пришло в испанский язык из английского и было фонетически изменено, чтобы соответствовать принимающему языку [Stone, 1957, с. 143]. Вместе с тем, самим английским языком слово “East” было заимствовано из германских наречий, а именно из датского “oost” и германского “ost”, которые, в свою очередь, переняли слово из греческого “auōs”, что значит «рассвет».

Кроме того, многие учёные (В.Хорольцева, Ж.Багана, А.Безрукая, М.Тарасова, С.Воробьёва и др.) предпочитают выделять отдельно термин «*гибриды*», то есть те заимствования, которые переходят в язык, принимая его приставку, суффикс или окончания и также иногда меняя значение. Е.Войнова, помимо этого, предлагает в число гибридных включать заимствованные слова, которые при переходе меняются, чтобы соответствовать принимающему языку фонетически, таким образом, комбинируя иностранное и родное произношение [Войнова, 1991, с. 143]. Примером могут послужить глаголы “*parquear*” и “*aparcar*”, заимствованные современным испанским языком из английского (“to park” – «парковаться»), при этом оба приняли окончание испанского языка -ar (I спряжение), а второй также принял приставку а-. Кроме того, оба глагола адаптировались фонетически [Nginios, 2011, с. 116-122].

Среди заимствований отдельное место занимают *кальки* или *калькирование*. Среди определений данного термина можно указать следующие: «особый вид заимствования путём перевода чужого слова или оборота» [Общее языкознание, 1983, с. 394]; «образование нового фразеологизма или нового значения слова путём буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы» [Арапова, 1990, с. 211]; «выражение, переведённое буквально с другого языка» [Barreteau, Diadie, 2000, p. 186].

Л.Крысин отмечает, что кальки в языке практически невозможно обнаружить, так как нет определённых критериев, согласно которым выясняется, является ли слово заимствованным через калькирование

или автономно зародившимся в языке в соответствии с его собственными законами. Однако по некоторым лингвистическим и экстралингвистическим признакам иногда это всё-таки возможно. Во-первых, калька может иметь значение, нехарактерное и непривычное для принимающего языка в словообразовательном, либо смысловом плане. Во-вторых, это может быть связано с приходом в язык самого понятия, которое обозначает данная лексическая единица [Крысин, 2002, с. 30-31].

Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю 1990 года существуют следующие виды калек: словообразовательные кальки – слова, образованные поморфемным переводом иностранного слова. Так как используются морфемы принимающего языка, слово не ощущается как заимствованное; семантические кальки – слова, перенявшие иное, переносное значение под влиянием иностранного слова; фразеологические (синтаксические) кальки – словосочетания и фразы, появляющиеся в связи с дословным переводом идиоматических выражений; полукальки – составные слова, лишь часть которых является калькой; ложные кальки – слова, образованные как результат неверно понятой морфолого-семантической структуры иностранного слова.

Примерами синтаксических калек могут служить устойчивые выражения в «спанглише», дословно переведённые с английского: “dar para atrás” – вернуть – под влиянием англ. “to give back” (букв. «отдать обратно»), вместо правильного исп. “devolver” (букв. «вернуть»); “escuela alta” – средняя школа – под влиянием англ. “high school” («высокая школа»), вместо правильного исп. “secundaria” («вторичная»); “mercado de la pulga” – блошинный рынок – под влиянием англ. “flea market” («блошинный рынок»), вместо правильного исп. “mercadillo” («маленький рынок») и т.д. [Juarros-Daussa, 2012].

Ещё одним видом заимствований являются *профессионализмы*, которые следует отличать от *терминов*. И те и другие могут быть образованы при помощи перехода иностранных слов в другой язык с приспособлением к его нормам. Термины представляют собой

официально принятые названия каких-либо понятий в сфере науки, техники либо искусства. Чаще всего, будучи словами, дающими название тем или иным предметам или явлениям в отрасли, они носят интернациональный характер. Профессионализмы же являются полуофициальными словами и выражениями, присущими людьми той или иной профессии и чаще всего употребляемыми ими в разговорной речи. Иногда они имеют метафорическое значение, основанное на схожести понятий, и более просторечно и эмоционально выражают те или иные понятия, принадлежащие данной профессиональной деятельности. Для примера, среди терминов в сфере морского дела в испанском языке используются такие перешедшие из английского языка слова, как: “bolardo” от англ. “bollard” («швартовая тумба»), “tecle” от англ. “tackle” («такелаж») и т.д. [Rodríguez González, Lillo Buadez, 1997; Кудряшова, 2014, с. 220]. К профессионализмам, например в биржевом деле, можно отнести такие заимствованные в испанский язык из английского слова, как “bull” (биржевой спекулянт, играющий на повышение) и “bear” (биржевой спекулянт, играющий на понижение) [Куртаева, 2013].

Также выделяют *варваризмы* – заимствованные слова или словосочетания, построенные по образцу иностранного языка и являющиеся веянием моды, либо используемые со стилистической целью для создания иноязычной атмосферы при наличии в самом языке слов с тем же значением, и *интернационализмы*, чаще всего представляющие собой термины, но имеющие практически идентичную звукобуквенную форму и значение в многочисленных языках. Примером варваризмов в русском языке могут служить английские транслитерации «апгрейд» (от англ. “upgrade”, рус. «обновление»), «арт» (англ. “art”, рус. «искусство»), «билборд» (англ. “billboard”, рус. «рекламный щит») и т.д. К интернационализмам можно отнести отдельные слова латинского происхождения, такие как «демократия» (англ. “democracy”, исп. “democracia”), «атом» (англ. “atom”, исп. “átomo”), «синоним» (англ. “synonym”, исп. “sinónimo”) и т.д.

Помимо вышеупомянутых, В.Виноградов относит к видам

заимствования *экзотизмы*, *иноязычные вкрапления* и *компози́ты* [Виноградов, 1927, с. 90-118].

Экзотизмы, называемые также национально-специфической лексикой (*words realia*, *non-equivalent lexicon*, *lacuna*, *культуре́ма*) представляют собой заимствованные слова, характеризующие специфические национальные обычаи и не имеющие синонимичных эквивалентов в принимающем языке. Это отдельная категория слов и выражений, называющая объекты и понятия отдельной нации, относящиеся к стилю жизни, культуре, социальному и историческому развитию, специфические для данной лингвокультуры и нехарактерные для других национальностей [Ашурова, Галиева, 2019]. Перевод данных слов осуществляется, в большинстве случаев, транслитерацией или же описательно. Например, для английской культуры характерны такие слова, как “muffin” («маффин»), “pudding” («пудинг»), “pub” («паб»), “kilt” («килт»); для испанской – “paella” («паэлья»), “siesta” («сиеста»), “peseta” («песета»), “tequila” («текила») и др.

К *иноязычным вкраплениям* относятся слова, имеющие сходные по значению лексические единицы в заимствующем языке, но стилистически от них отличающиеся и используемые наряду с ними для придания речи особого экспрессивного контекста. Они передаются на письме и в речи графическими и фонетическими средствами языка-источника. Среди наиболее известных иноязычных вкраплений можно привести такие примеры: “Pro et contra” (лат. «за и против»), “Happy end” (англ. «счастливый конец»), “C' est la vie” (фр. «такова жизнь»), “Hasta la vista” (исп. «до свидания»).

Под *компози́тами* понимаются слова, состоящие из двух иноязычных слов, связанных вместе и имеющих цельное значение в принявшем языке. При заимствовании такие слова, в основном, пишутся через дефис, например: VIP-зал, USB-порт, онлайн-конференция, интернет-технология, эконом-класс.

Одним из основных проявлений интерференции (в частности, на лексическом уровне) может считаться **переключение кодов**. Данное явление может наблюдаться в процессе разговора билингва под

влиянием интерференции, когда индивид спонтанно переключается с одного языка или диалекта на другой и обратно. Процесс характерен как для устной, так и для письменной речи, и зависит от контекста.

С.Myers-Scotton противопоставляет «немаркированный» и «маркированный выбор» при переключении кодов. Согласно исследователю, первый бывает, когда говорящий следует речевым правилам, установленным в данном обществе, и переключается с одного языка на другой в соответствии с ожиданиями собеседника. В каждом многоязычном обществе существует определённый свод правил и требований для использования той или иной вариации языка в зависимости от ситуативности и речевого партнёра, который известен членам данного общества. Выбор вариации обусловлен этим сводом и происходит произвольно или же сознательно. Последний выбор имеет место быть, когда говорящий переходит на другой язык не по установленным правилам, а по собственному выбору, что замечается собеседником как нестандартное поведение [Myers-Scotton 1993, p. 484].

Нидерландский лингвист Р.Muysken подразделяет переключение кодов на возникающее в середине и на границах предложения. Здесь можно выделить *присоединение* – прибавление иностранного слова в конце либо в начале фразы; *внешнее переключение кодов* – переключение между целыми фразами на нескольких языках и *внутреннее переключение кодов* – вставку иностранного слова в середине фразы. За исключением определения места переключения кодов во фразе, у двух данных авторов имеется ряд противоречий в понимании указанного явления. С.Myers-Scotton рассматривает внутреннее и внешнее положение как одно и то же явление, а Р.Muysken видит во внешнем положении не переключение, а *смешение кодов*. Под последним лингвист понимает все случаи, когда лексические единицы, а также грамматические характеристики обоих языков проявляются в одном предложении [Muysken, 2000, p. 4].

С учётом всех указанных особенностей языкового взаимодействия, при анализе термина интерференции не следует забывать о социокультурной составляющей, обуславливающей модель

поведения индивида, говорящего на другом языке, и соответствующее этому неправильное использование отдельных его компонентов. Здесь говорящий переносит на язык систему правил и модель речевого поведения, присущие родному языку, свой национальный менталитет, то есть интерференция возникает как результат взаимодействия двух видений мира. Так, примером социокультурной интерференции может служить многословный и подробный ответ на принятый в качестве приветствия английский вопрос «How do you do?»/«How are you?» вместо принятого «Fine. And you?». Касательно испанского языка можно привести такой пример, обусловленный отдельными особенностями устоявшегося распорядка дня, как отсутствие приветствия «Доброе утро!». До приблизительно пяти часов вечера используется приветствие «¡Buenas días!» («Хорошего дня»), затем до наступления темноты – «¡Buenas tardes!» («Хорошего вечера») и далее до рассвета – «¡Buenas noches!» («Хорошей ночи»).

На основе вышесказанного мы можем определить интерференцию как совокупность различных способов выражения одного смысла при помощи двух конкурирующих в сознании систем, на чём образуется третья, где и закрепляется данное явление, используемое при понимании и интерпретации речи. Таким образом, языковая интерференция – это результат языкового контакта, когда отдельные единицы одного из них переходят в другой и наоборот, то есть происходит приспособление языков друг к другу с соответствующим нарушением собственных норм. К основным типам интерференции большинство лингвистов относят интерференцию на различных уровнях языковой иерархии: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Кроме того, подразделяют межъязыковой, внутриязыковой и смешанный типы интерференции.

Выводы

1. Наиболее значительный вклад в становление контактной лингвистики и теории языковых контактов внесли такие учёные, как А.Шлейхер, В.Уитни, Г.Пауль, Г.Шухардт, А.Мартине, И.Бодуэн де Куртенэ, Л.Щерба, Э.Хауген и некоторые другие. К концу XX века относятся исследования в данной отрасли таких учёных, как А.Диболд, Ю.Жлуктенко, В.Розенцвейг, В.Ярцева и др. Среди лингвистов нашего времени, занимающихся контактной лингвистикой, можно привести С.Майерс-Скоттон, О.Домнич, а также Ж.Багана и Е.Хапилину. Особо следует отметить вклад американского лингвиста У.Вайнрайха и его монографию «Языковые контакты», которая была решающей в становлении контактной лингвистики как отдельной науки.

2. Основным понятием контактной лингвистики является «языковой контакт» – взаимодействие двух или более языковых систем через их носителей на лингвистическом и экстралингвистическом уровнях, когда контактирующие языки взаимно влияют друг на друга.

3. Среди основных понятий контактной лингвистики следует отметить: *двуязычие* или *билингвизм*, то есть владение индивидом двумя и более языками при сравнительно схожем их уровне; *диглоссию*, а именно использование индивидом или группой лиц нескольких диалектов одного языка, имеющих разный социальный статус; *языковую ситуацию*, то есть существование на одной территории форм и стилей одного или нескольких социально взаимодействующих языков.

4. Особую роль при языковом контактировании играет процесс интерференции. *Языковая интерференция* – это результат взаимодействия языков, когда отдельные языковые единицы одного языка переходят в другой и наоборот, то есть происходит приспособление языков друг к другу с соответствующим нарушением собственных норм. К основным типам интерференции большинство лингвистов относят интерференцию на различных уровнях языковой иерархии: фонетическую, морфологическую, лексическую,

синтаксическую. Кроме того, выделяется семантическая, стилистическая и социокультурная интерференция.

5. Интерференция может выражаться в виде *переключения кодов* как результата спонтанной смены билингвом одного языка на другой в процессе разговора, либо включения отдельных элементов второго языка в свою речь. Также возможен процесс *трансференции* – ошибочного перенесения правил родного языка при использовании языка изученного. *Билингвизм* является одним из обязательных условий возникновения развитой языковой интерференции, могущей результировать в возникновении новых лингвистических явлений.

ГЛАВА II. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС «СПАНГЛИША»

2.1. История возникновения и распространение «спанглиша»

Термин «спанглиш» был предложен в 1940-х годах председателем Пуэрториканской академии испанского языка Сальвадором Тио. Изначально Тио использовал два термина, для обозначения данного понятия: «эспанглиш», когда подразумевался испанский язык, модифицируемый согласно правилам английского языка, и «ингланьёл» – английский язык, изменённый по нормам испанского языка [Salvador Tió's 100th anniversary, 2011]. Со временем данное разграничение потеряло актуальность, так как используемое языковое смешение в практически равной степени опиралось на две составляющие, в связи с чем в употребление вошёл лишь первый термин, преобразованный в «спанглиш» на английский манер.

Взаимовлияние испанского и английского языков впервые упоминается в начале XVII в., на тот период подобные вариации использовались низшими слоями населения в повседневной речи. Феномен «спанглиша» как такового проявился в общении малочисленного на тот момент испаноговорящего населения (состоящего, в основном, из метисов и креолов), проживавшего к северу от реки Рио-Гранде.

Новым этапом в развитии «спанглиша» стала Американо-мексиканская война 1846-1848 года. Этому способствовало несколько причин. Во-первых, штат Техас, принадлежавший ранее Мексике, вошёл в состав Соединённых Штатов. Прилив англоговорящего населения, а также межкультурные связи с другими штатами США способствовали смешению испаноязычного и англоязычного населения, создавая различные степени и вариации смешения двух языков. Война за территории Нуэсес и Рио-Гранде породила новую волну языкового влияния. В её результате под эгиду США во второй половине XIX века перешли территории Верхней Калифорнии и Новой Мексики (современные штаты Калифорния, Нью-Мексико, Аризона, Невада и Юта). Ранее на указанных территориях

населением использовался испанский язык, но необходимость общения с англоговорящим населением страны, а также установление английского языка как государственного оказали существенное влияние на развитие «спанглиша» в данном ареале [Потокова, 1962, с. 89]. Вместе с тем, в XIX веке мы уже не можем отнести «спанглиш» лишь к разговорной речи: испанский язык, бывший до недавнего времени языком бизнеса и образования, активно взаимодействовал с английским языком, в результате полученная языковая смесь стала проникать в высокие сферы коммуникации.

Конец XIX века стал новым витком в развитии феномена «спанглиша», чему способствовала Испано-американская война. В 1898 году был осуществлён захват Соединёнными Штатами Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппин, принадлежавших с XV века Испании, способствовавший глобальному проникновению английского языка на данные территории [Кондратенко, 2000, с. 65]. Необходимость использования английского языка не могла полностью устранить потребность общения на испанском, кроме того, изначально населению было сложно освоить другой язык. Вместе с тем, правительство США на официальном уровне постановило необходимость использования английского языка, что обуславливало не только его использование в школьном обучении, важных деловых переговорах и в прессе, но также и в повседневной речи. Подобные меры привели к попеременному применению двух языков в различной степени смешения, что было особенно ощутимо во внутрисемейном общении и даже перенималось следующим поколением на уровне родного языка.

Первая половина XX века ознаменована массовой миграцией пуэрториканцев в США в поисках лучших рабочих перспектив. Крайне малый процент мигрантов выезжал на временные заработки, большая же часть осталась в Соединённых Штатах. По данным исследователей, число пуэрториканцев, проживающих в Нью-Йорке, на 1945 год составляло около 13 тысяч, уже в 1955 году их число возросло до 700 тысяч, а к середине 60-х годов превысило миллион человек [Ивкина, 2015, с. 134-135].

Панама является другой латиноамериканской страной, где зародился и получил своё распространение «спанглиш». Заинтересованность Соединенных Штатов в транспортировке золота через тогда еще незавершённый Панамский канал вызвала волнения в Колумбии, что стало причиной перехода Панамы в 1903 году под власть США. Штаты оказывали влияние не только в сфере экономики, но и языковой политики страны, что опять же привело к взаимодействию пришлого английского и местного испанского языков. Так, например, в ходе строительства Панамского канала с 1904 по 1914 год офицерами США использовалось, в основном, местное население [Гальский, 1990, с. 211-215]. На первых порах мы могли бы отнести образовавшиеся языковые гибриды к субстратным формам, однако, дальнейшее развитие, повышение уровня образования населения способствовали развитию двуязычия и возникновению вариаций смешения двух взаимодействующих языков, что далее на разговорном уровне передавалось детям и привело, в итоге, к современному смешанному феномену «спанглиша». Оказываемое давление вылилось в бунты против власти Соединённых Штатов в 1927, 1947, 1959 и 1964 годах, однако, господство США над Панамой сохранилось до 1999 года.

На языковую ситуацию в Мексике оказали влияние многочисленные факторы. Во-первых, на законодательном уровне в стране, помимо испанского, признаны языки коренных групп населения, самыми многочисленными из которых являются науатль и юкатекский. Во-вторых, торговые связи страны направлены, прежде всего, на США и Канаду, взаимодействие с которыми ведётся как на английском, так и на испанском языке. В-третьих, соседство с США, а именно миграционные процессы также оказали значительное влияние на формирование местных наречий. Не последнее влияние оказали Американо-мексиканская война 1846-1848 годов и интервенция Великобритании вместе с Испанией и Францией в Мексику в 1861-1867 годах.

Современная лингвистическая ситуация в стране обусловлена активным двуязычием значительной части населения. Значимости

английского языка способствуют большой приток туристов с США и Канады, активная трудовая миграция, а также общая граница. Постоянно имеющий место языковой контакт приводит к различной степени смешения английского и испанского языков. На данном этапе в стране используются две разновидности «спанглиша», что зависит от социального статуса, образования и классовой принадлежности. На одном конце лингвистического спектра образованное население из высшего среднего класса, которое использует «спанглиш» для того, чтобы показать свой уровень владения английским и применяет фразы наподобие “*Osea iba de shopping con mi bestie y despues a tomarnos unos drinks*”² (исп. – курсивом; «Я имею ввиду, что мы с подружкой ходили на шоппинг, а потом немного выпили»). Второй вид относится к мексиканско-американской стороне, то есть, как правило, иммигрантам из низшего класса. В данном случае отношение к языковому смешению негативное, так как указывает не на высокий уровень знания обоих языков, а на отсутствие качественного владения обоими. В целом, разительным отличием той и другой разновидности является намного более ощутимая фонетическая интерференция у низшего класса, в то время как лексическое, морфологическое и синтаксическое смешение присущи обоим видам [Freeman, Beza & Mejia, 2020, pp. 198-207].

Крайне высокий уровень испаноязычного населения наблюдается в Соединённых Штатах, главным образом в приграничных Калифорнии, Техасе, Нью-Мексико, Аризоне, Юте, Колорадо, Неваде. По данным Ethnologue за 2022 год, численность испаноязычного населения в США составляла 57,000,000, включая пользователей испанского как Я1 и Я2 совокупно [<https://www.ethnologue.com/country/US/>]. В целом, это второй по распространённости язык Соединённых Штатов.

Рассмотрим по отдельности языковую ситуацию и распространённость «спанглиша» по вышеуказанным штатам.

² Здесь и далее в диссертационной работе перевод со «спанглиша» на русский произведён автором.

Калифорния в разные периоды своего существования находилась под властью как Мексики, так и Испании. Изначально штат был колонией Испании, однако, после провозглашения колониями независимости вошёл в состав Мексиканской империи, а после войны 1847 года был поделён между Мексикой и США. По окончании войны на полученной США части территории проживало около 1000 мексиканских семей, и лишь некоторые из них вернулись в Мексику. В 1850 году вся Верхняя Калифорния после высадки американских войск в заливе Сан-Франциско была объявлена территорией Соединённых Штатов. Уровень владения испанским языком и его различными вариациями крайне высок в штате по сей день. На 2019 год число испаноговорящего населения составляло 10,7 млн. человек [<https://www.ethnologue.com/country/US/>]. Кроме того, Калифорния является самым густонаселённым штатом США и вносит существенный вклад в языковую ситуацию всей страны. По данным на 2010 год, население штата составляло 12% населения всего государства, при этом 37,6% населения Калифорнии составляли испанцы и латиноамериканцы [Profile of General Population and Housing Characteristics, 2010]. Широкие экономические и политические связи штата также оказывают языковое влияние на государство, что связано с используемыми в ходе контактов языками. На распространённость «спанглиша» указывает его использование в прессе, на радио и телевидении, в ходе деловых переговоров. Для местного населения смешивание английского и испанского является нормой, приводящей к тому, что на «спанглише» общаются даже маленькие дети [Porzucki, 2015].

Схожим в языковом отношении представляется положение штата Нью-Мексико, частично перешедшего под эгиду США в результате Американо-мексиканской войны 1846-1848 годов и полностью – как следствие Покупки Гадсена в 1853 году (приобретение США у Мексики территории площадью 120 тыс. км²) [Большая Советская Энциклопедия, 1990]. В 1912 году по истечении Гражданской войны штат официально был закреплён за США, став 47 штатом государства. Число испаноязычных в Нью-Мексико также высоко:

доля лиц латиноамериканского происхождения составляет 44,5%. Также согласно данным MLA Language Map Data Center за 2010 год, на бытовом уровне на испанском языке говорит 28,45% населения, при этом знают его и при необходимости используют 78,94%. По данным Ethnologue испанский де факто является провинциальным языком штата.

В Нью-Мексико отмечаются различные вариации «спанглиша», который, вместе с тем, имеет культурную окраску. Население Нью-Мексико условно подразделено на три категории – испанская часть (*porteños*), коренные американцы (в основном, потомки племени Навахо) и «англо» (все остальные вне зависимости от национальности). Общение на смеси языков, по большей части, допустимо внутри первой категории, представленной билингвами. При контакте с категорией «англо» так называемые северные испанцы пытаются использовать английский язык, лишь отчасти окрашенный испанизмами [Hochberg, 2013].

Штат Техас вошёл в состав Соединённых Штатов ещё до начала Американско-мексиканской войны, но официально был объявлен 28 штатом США в 1845 году. В настоящее время Техас является одним из самых экономически и научно развитых штатов, в г. Хьюстон расположена администрация НАСА и Космический центр имени Линдона Джонсона с Центром управления полётами. Штат известен своим высоким процентом испаноговорящего населения. По статистике 2010 года испанским языком владело 85,41% населения Техаса, а в бытовых условиях на нём взаимодействовало 29,21% [MLA Language Map Data Center, 2010]. По данным Ethnologue за 2019 год, число испаноговорящего населения штата составляло 7,86 млн. человек [<https://www.ethnologue.com/country/US/>].

Наиболее известна своим использованием «спанглиша» в Техасе территория Рио-Гранде, к которой относится четыре региона – Кэмерон, Идальго, Уилласи и Старр. По информации Бюро переписи населения США, собранной в 2008 году, «86 процентов округа Кэмерон, 90 процентов округа Идальго, 97 процентов округа Старр и 86 процентов округа Уилласи являются испаноязычными» [UTHealth

Rio Grande Valley, 2008]. Х.Рамирес и Л.Рамос в своём исследовании языкового смешения в штате Техас отмечают уникальность расположения регионов на границе США и Мексики. «Спанглиш», используемый в штате, получил отдельное название “Тех-Мех”, под чем жители подразумевают не только смешение языков, но смешение двух взглядов на жизнь, присущих обеим национальностям [Ramirez, Ramos, 2019, pp. 47-61]. Исследователи отмечают повсеместность «спанглиша» в Техасе, а также особое отношение говорящих к данному феномену. «Это искусство – уметь так свободно говорить на обоих языках. Спанглиш не является неправильным; это живой язык» [Anzaldua, 1987, p. 77; Ramirez, Ramos, 2019, p. 50]. Кроме того, к распространению как самого испанского, так и «спанглиша» за пределами США приводят активные контакты научной прослойки штата за рубежом при проведении исследований, конференций, симпозиумов и других научных мероприятий.

Высоким уровнем использования «спанглиша» также отмечен штат Флорида, который перешёл во владение США в результате Договора Адамса – Ониса (1821 г.). Число испаноговорящих, в основном, представленных бывшими кубинцами, в штате крайне высоко и продолжает повышаться. Так, вследствие миграции и культурного взаимодействия процент испаноязычных во Флориде в 1990-2010 годы поднялся с 12,8 до 22,5% [Population and Housing Unit Estimates]. По данным Ethnologue за 2019 год, число испаноговорящих выросло до 4,56 млн. человек [<https://www.ethnologue.com/country/US/>]. Жители штата используют в повседневной коммуникации и с англоговорящими кубинский вариант «спанглиша». Согласно исследованию Ф.М.Картера и К.Д’Алессандро Мери «Лексические явления, вызванные испанским влиянием, в формирующемся варианте английского языка в Майами» от 2022 года, «спанглиш» более распространён в районах штата с большой численностью латиноамериканского населения и диалектно варьируется в зависимости от того, какое испаноязычное сообщество доминирует в районе [Carter, Merii, 2022, pp. 219-250].

Такие штаты, как Аризона, Невада, Юта, Колорадо и часть Вайоминга, вошедшие в состав США после Американо-мексиканской войны в 1853 году, также отличаются высокой распространённостью «спанглиша».

Наибольшее число говорящих на «спанглише» отмечается в наиболее крупных городах США: Лос-Анджелесе (штат Калифорния), Сан-Антонио и Хьюстоне (штат Техас), Чикаго (штат Иллинойс), Майами (штат Флорида) и Нью-Йорке. По данным журнала “El País” за 1997 г., «спанглиш» после английского и испанского уже на тот момент являлся третьим по широте использования языком в Нью-Йорке. На тот момент население города на 25% состояло из испаноязычных (около 1,8 млн. человек). И, помимо испанского языка, который можно было повсеместно услышать на различных семинарах, по радио и увидеть в газетах, широко использовалось языковое смешение. По утверждению короля Испании Хуана Карлоса, «на данный момент Нью-Йорк является одной из крупнейших столиц испанского мира» [Valenzuela, 1997].

В начале XXI века процент испаноговорящих, проживающих в США, скачкообразно повысился, что стало новым этапом развития «спанглиша» в стране. Так, по данным Бюро переписи США, в 2000-2012 годах число латиноамериканцев возросло с 35,3 до 53 млн. человек, к 2020 году эта цифра достигла 65,3 млн. Численность мексиканской общины к 2012 году увеличилась с 20,6 до 34,5 млн. человек. К 2020 году число испанцев и латиноамериканцев в Калифорнии составляло 15,6 млн. человек. Наиболее населённым испаноязычными штатом к 2020 году был Нью-Мексико – 47,7%. (Для подробной информации о процентном содержании испаноговорящих по штатам см. *Приложения 2-4*).

Применение «спанглиша» спонтанно и естественно среди говорящих как на английском, так и на испанском языках. Его активное распространение связано с необходимостью непрерывного межэтнического взаимодействия и обусловлено тем, что носители двух языков в ходе постоянного общения смешивают языки на всех уровнях языковой иерархии. Важную роль играет и социокультурный

обмен, который также требует использования обоих языков, а чаще – их смешения.

Современное развитие «спанглиша» проявляется, среди прочего, в создании на нём художественных и песенных текстов, использовании его различными социальными стратами. Согласно исследованию, проведённому Pew Research Center, 63% латиноамериканцев первого поколения и 72% второго поколения в США утверждают, что они хотя бы раз использовали «спанглиш» [Mora, Lopez, 2023].

Отношение к явлению «спанглиша» у различных групп населения отличается. В Испании число приверженцев «чистого» испанского языка довольно высоко, и многие негативно относятся к его смешению с английским. «Спанглиш» воспринимается как «ухудшенный» вариант, хотя он имеет собственную культуру, историю и носителей. Так, профессор испанской и сравнительной литературы в Йельском университете Roberto G. Echevarría в интервью газете Нью Йорк Таймс утверждает, что ««спанглиш» стал вторжением английского языка в испанский, являющийся языком Сервантеса, Лорки, Гарсия Маркеса, Борхеса и Паса, и сам по себе не имеет сути и достоинства» [Valenzuela, 1997]. Испанские лингвисты Ф.Д. Вегас и Х. Сегура утверждают, что литература на данном смешанном языке является «низкой» [Дегтяренко, 2007, с. 69].

Однако с каждым днём повышается число последователей данного лингвистического феномена, которые рассматривают его как естественное явление, присущее культурному обмену и языковому развитию. По словам Генерального секретаря Ассоциации академий испанского языка Умберто Лопеса Моралеса, «спанглиш» является явлением, гораздо более сложным и всесторонним, нежели простое негативное вмешательство в испанский язык [Сударь, 2010, с. 171-175]. На данном смешанном языке появляется всё большее число журналов, стихов и романов, текстов песен и даже выступлений официальных деятелей.

Директор Института им. Сервантеса в Чикаго Франсиско Морено Фернандес заявляет об актуальности и необходимости серьёзного

изучения «спанглиша». «Как можно называть его лексику отвлеченной, если даже в испанских академических словарях есть такое слово, как *bisnes*, только в испанской транскрипции?» - говорит Ф. М. Фернандес. При активном взаимообмене языков повышается престиж каждого взаимодействующего языка. Явление «спанглиша», считает он, будет развиваться в процессе всего контакта народов, что, однако, не понизит важности и значимости английского и испанского языков [Fernandes, 2004]. Популяризация «спанглиша» достигла такого уровня, что Royal Aircraft Establishment (RAE) утвердил его отдельные слова как официальные, включив в словарь испанского языка.

Американский писатель и поэт Luis Alberto Urrea в журнале San Diego Union-Tribune на смеси языков утверждает, что в ближайшем времени «спанглиш» будет использоваться на уровне стандартного текста [Stavans, 2003]. ««Спанглиш» является показателем нашей лингвистической сноровки», – говорит нью-йоркский профессор-лингвист Ana Celia Zentella [Valenzuela, 1997].

Схожей позиции придерживается доктор философии Колумбийского университета Илан Стэванс (Ilan Stavans). В книге “Spanglish: The Making of a New American Language” он заявляет, что «спанглиш» стал вторым неофициальным языком США, доказательством чему служит не только его использование в уличной среде, но и почти 24-часовое вещание по радио и телевидению [Stavans, 2003, p. 129]. Согласно лингвисту, на 2018 год около 60 млн. людей использовали «спанглиш» в той или иной вариации [Stavans, 2018, p. vi].

И.Стэванс внёс большой вклад в становление статуса и повышение значимости «спанглиша». Им написаны многочисленные статьи по теме популяризации «спанглиша», проводятся выступления на семинарах и конференциях, где он доказывает, что современное общество «является свидетелями рождения новой испаноговорящей страны внутри США, и этот новый язык поможет межнациональному общению и взаимопониманию». На семинаре по трансатлантическому направлению испанского языка в Нью-Йорке в

2001 году лингвист отметил, что, к его великому сожалению, многие представители испанской культуры отрицают значимость «спанглиша», называя его всего лишь переходным этапом между потерей испанского языка и овладением английским. И.Стэванс считает подобное языковое явление, прежде всего, обусловленным взаимопроникновением культур, отражающемся в литературе и музыке [Stavans, 2001]. На том же семинаре испанист Вилья в докладе под названием “A millennial reflection sobre la nueva reconquista” («Тысячелетнее размышление о новой реконкисте») начал его следующими словами: “*Se les dedica este trabajo a todos mis alumnos que piensan que Spanglish is just some street slang*” («Я посвящаю эту работу всем моим ученикам, которые считают спанглиш всего лишь формой уличного сленга») [Garrido Medina, 2001].

В 2002 году И.Стэванс опубликовал в барселонской газете La Vanguardia перевод первой главы «Дон Кихота» Мигеля Сервантеса на «спанглише» под названием “Don Quixote of La Mancha”, где использовал возможные в литературном произведении проявления межуровневой интерференции английского и испанского языков. В 2018 году интерпретация Стэванса была опубликована в Университете Пенсильвании в виде книги комиксов с предисловием от автора, где он утверждает, что “*Esta novela gráfica es un testamento to my passion y no es una figura del espich decir que me ha tomado un lifetime pa’ completarla*” [Stavans, 2018, p. v] («Этот графический роман – завещание моей страсти, что является не просто фигурой речи, так как мне потребовалась вся жизнь, чтобы завершить его», спангл.), тем самым показывая значимость «спанглиша» в его жизни и жизни современного общества. Автор говорит, что данный смешанный язык в различных вариациях (диалектах) является средством коммуникации для почти 70 млн. людей. В книге была использована так называемая «стандартная» версия, то есть наиболее употребляемая [Stavans, 2018, p. vi]. Более детально примеры из работы будут рассмотрены нами в следующей главе.

Кроме первой части «Дон Кихота», Иланом Стэвансом

переведены на «спанглиш» такие произведения, как «Листья травы» Уолта Уитмена, «Приключения Гекльберри Финна» Марка Твена, «Дар навсегда» Роберта Фроста. Конечно, автор подвергся жёсткой критике со стороны приверженцев «чистого» испанского языка, но мы не можем не признать, что его вклад в развитие «спанглиша» крайне высок.

Помимо Стэванса, ряд писателей и поэтов, в основном, мексиканского и латиноамериканского происхождения создаёт произведения на «спанглише». Среди них наиболее известны Джаннина Браски (Giannina Braschi), Хулия/Джулия Альварес (Julia Alvarez), Хунот Диас (Junot Díaz), Ана Лидия Вега (Ana Lydia Vega), Альма Флор Ада Лафуэнте (Alma Flor Ada), Бенджамин Алире Саэнс (Benjamin Alire Sáenz) и другие. Рассмотрим примеры на «спанглише» из творчества некоторых из них.

Наиболее популярным произведением Дж. Браски на «спанглише» является роман “Yo-yo Boing!” (2011), повествующий о напряжённых взаимоотношениях между англо-американской и испано-американской культурами в США. Отрывки из данного романа будут подробнее рассмотрены нами в третьей главе монографии. Здесь приведём лишь один пример. Так, вторая глава начинается со следующего диалога, в котором мы можем наблюдать переключение кодов между испанским и английским:

« - *Abrela tú.*

- *¿Por qué yo? Tú tienes las keys. Yo te las entriqué a ti. Además, I left mine adentro.*

- *¿Por qué las dejaste adentro?*

- *Por que I knew you had yours. [...] Just open it, and make it fast...»*
[Braschi, 2022, p. 21].

В следующем примере из рассказа Альмы Флор Ады “*Me encantan los Saturdays y los domingos*” описываются взаимоотношения в билингвальной семье: “*Los Saturdays voy a visitar a Grandpa y Grandma. Grandpa y Grandma son los padres de mi papá. Siempre se alegran de verme. Cuando entro a la casa digo: “Hi, Grandpa! Hi, Grandma!”. Y ellos dicen: “Hello, sweetheart! How are you? Hello,*

darling!” [Flor Ada, 2004, p. 2] (По субботам я навещаю дедулю и бабулю. Дедуля и бабуля – это родители моего папы. Они всегда рады меня видеть. Когда я захожу в дом, я говорю «Привет, дедуля! Привет, бабуля!» А они говорят: «Привет, родимая! Как ты? Привет, дорогая!» - перевод затруднён тем, что в тексте американские Grandpa и Grandma противопоставлены испаноговорящим Abuelito и Abuelita, где оба варианта переводятся как «дедушка» и «бабушка»); “Los Saturdays, Grandma me sirve el desayuno: leche, huevos revueltos y pancakes” [Flor Ada, 2004, p. 4] (По субботам бабушка даёт мне на завтрак молоко, варёные яйца и оладьи). В этих примерах мы видим снова переключение кодов и наложение испанских артиклей на английские слова. Примечательно, что здесь испанский определённый артикль мужского рода множественного числа накладывается на английское слово “Los Saturdays”.

«Спанглиш» распространён не только в художественной литературе, но и в текстах современных песен. По замечанию И.Стэванса, «тексты на этом языке всё чаще встречаются в таких музыкальных жанрах, как рэп, хип-хоп, сальса и меренге» [Stavans, 2001]. Например:

“Me and Benjamín Franco stay at the *banco*
Getting checks like Nike, everywhere that I go
If you ain’t getting no pesos, *¿qué estás haciendo?*
Stack it up like Legos, *quiero dinero*” (Jennifer Lopez с DJ Khaled “Dinero”).

“Yo sigo tranquila, like I’m on a beach in *Anguilla*”, “*Chica caliente*, got me rapping to meringue I feel so *el presidente*”, “take you to the *malecón por el caminito*”, “I really can’t help it if I make the lady *loca*” (Shakira “Loca”).

“Put your flags up in the sky (put 'em in the sky, *jogue lá no alto*)
And then wave 'em side to side (side to side, *lado a lado*)
Show the world where you’re from ...” (Pitbull с Claudia Leitte “We Are One”)

“*Ya tú sabes, no es más nada*
It’s a new generation [...]

Of party people

Yeah, get on the floor, *dale*” (Pitbull с Jennifer Lopez “On the Floor”)

“Uh, met this pretty thing, nice to meet you, *mucho gusto*

Sweeter than a *churro*, she call me *papi chulo* [...]

Who was dressed up in *rosa*

I tell her, “Come here girl, you’re very *hermosa*”” (Octavian & Skepta “Papi Chulo”) и т.д.

В вышеуказанных примерах наблюдается активное переключение кодов (включения на испанском – курсивом), а также использование одиночных популярных слов (“*lady loca*”, “call me *papi chulo*”), также при прослушивании заметны некоторые фонетические изменения в словах (более жёсткая и чёткая артикуляция согласных звуков, замена отдельных дифтонгов монофтонгами).

Среди других певцов, регулярно использующих «спанглиш» в песнях, можно отметить Daddy Yankee, VALÉ, The Mars Volta, Molotov, Solomon Ray, Paulina Rubio, Llyclovt, 2ble Jay, Acho Brother, Los Abandoned, Pilar Díaz, Paloma Mami, Thes Siniestros и т.д. Примечательным является то, что в музыкальной индустрии «спанглиш» вышел далеко за рамки испано- и англоговорящего сообщества. Так, тексты на «спанглише» можно наблюдать в песнях исполнителей Настя Каменских / НК (Украина), Yasniel Navarro (Россия), Los Pirata (Бразилия), Cero (Япония) и т.д.

В настоящее время «спанглиш» часто используется в газетных текстах и телевизионных программах. К наиболее известным журналам и газетам относятся Generación Ñ и Latina. «Мы представляем нашим читателям взаимодействие между двумя языками и двумя культурами», - говорит Christy Haubegger, редактор журнала Latina [Valenzuela, 1997]. Кроме этого, в настоящее время в США существуют три телесети, транслирующие на испанском языке Univisión, Galavisión, Telemundo, а также ряд каналов и передач телевидения, использующих «спанглиш». Например, исключительно на «спанглише» вещают IGTV “Lo Que Está Trending”, новостной выпуск “Edición Digital California” (телестанция KMEX), IGTV CSUF (California State University, Fullerton) и другие [Ayala, 2021].

К радиокомпаниям, использующим «спанглиш», можно отнести Clear Channel, четыре станции которого в Далласе, станция WMGE-FM в Майами и станция в Альбукерке, Нью-Мексико, вещают на этом смешанном языке; Entravisión, канал которого Super Estrella периодически использовал подобный формат, а сейчас имеет одну станцию полностью на «спанглише», и др. [Raineу, 2012]. Возьмём пример с использованием «спанглиша» на KXTN-FM в Сан-Антонио: “*Recuerdales que hoy, esta tarde, vamos a estar en vivo in Dillards, broadcasting live from 3 to 5, with your chance to win some cool KXTN prizes. Acompañen a sus amigos*”. (Напоминаю вам, что этим вечером мы будем в прямом эфире в Дилларде с 3 до 5, и у вас будет шанс выиграть классные призы от радиостанции KXTN. Берите своих друзей с собой.) [Alvarez, 1997].

Конец XX – начало XXI века ознаменовались всемирной глобализацией и взаимовлиянием языков и культур, чему особенно способствовало распространение Интернета. С развитием компьютеризации и автоматизации в английском языке появилось более 9 тысяч новых слов, аналоги которых не были созданы в других языках, в том числе – в испанском. Компьютерная терминология зачастую не имеет в нём эквивалентов, либо термины варьируются в значении, что приводит к неправильному пониманию информации при их использовании. В этом контексте отдельные термины и компьютерный сленг были заимствованы испанским языком или изменены таким образом, чтобы восприниматься носителями языка более привычно. Кроме того, общение в сети Интернет способствовало дальнейшей популяризации «спанглиша» в его различных вариациях, особенно среди мексиканцев и латиноамериканцев при взаимном общении и взаимодействии с англоговорящими собеседниками.

Широкое использование «спанглиша» в мессенджерах, социальных сетях, чатах приводит к его более широкому и скоростному распространению. В этой связи, галисийский переводчик и телеведущий Хосе Кастро Роиг даже предложил термин «киберспанглиш» (“ciberespanglish”), тем самым акцентируя его

значимость в сети Интернет в современном мире [Roig, 2001, p. 36]. Рассмотрим в качестве примера несколько Интернет-мемов на «спанглише» (Рис. 1).

Рис. 1. Примеры интернет-мемов на «спанглише».

В приведённых выше мемах мы можем наблюдать активное переключение кодов, использование испанских артиклей рода с английскими существительными (“los followers” – подписчики), наложение рода притяжательных местоимений на английские существительные по аналогии с испанскими аналогичными существительными (“nuestra office” – наш оффис, исп. oficina – ж.р.), смешанные глагольные формы (“begin *escribiendo*” – начинаем писать). Кроме того, в правом верхнем и левом нижнем мемах делается акцент на развитый билингвизм («- Почему ты мешаешь английский с испанским? - Потому что *могу и хочу*, поэтому закрой свой рот», «Тот момент, когда ты публикуешь мем на английском и испанском, и все подписчики страницы его прекрасно понимают, потому что они *билингвы* и могут читать на двух языках одновременно»).

Другой всеохватывающей сферой, где активно применяется «спанглиш», является рекламный бизнес. Реклама, будучи направлена

на массового потребителя, использует методы языковой манипуляции, среди которых – применение в объявлениях языка «рядового гражданина». Так как большая часть аудитории разговаривает на смешанном языке, неудивительно его использование в рекламных текстах роликов, лозунгов, буклетов и пр. Н.Тэйлор утверждает, что «спанглиш» крайне эффективен в рекламе. «Рекламодатели пришли к выводу, что в рекламе для мексикано-американцев в Техасе Спанглиш является золотым маркетингом. Он эффективен, потому что испаноязычные не только понимают язык, но также и ценят его [Taylor, 2009, pp. 240-245; Clark, 2007]. Фактически, испаноязычные обычно используют Спанглиш как связывающий механизм [Taylor, 2009, p. 242; Nuelier, 2003]».

Например, на веб-сайте Forbes в статье «Рекламодатели для латиноамериканцев» имеется следующая фраза: «Нам нравится, когда вы говорите на Спанглише» [Smith, 2015, p. 172]. В статье обсуждаются социальные сети, теле- и радиопередачи, предназначенные для испаноговорящих, и акцентируется роль «спанглиша» в успешной рекламной деятельности.

Рассмотрим несколько рекламных объявлений (Рис. 2):

Рис. 2. Примеры рекламных объявлений на «спанглише».

В данных примерах наблюдается смешение кодов, в основном, в виде вставки отдельных английских или испанских слов во фразы

(“bucket”, “sabores”, “parking”, “building”), а также использование испанских неопределённых и определённых артиклей с английскими существительными (“un parking”, “el building”).

Не подлежит сомнению широкое использование «спанглиша» в повседневной жизни, в частности, в образовательной системе. Так, в 2007-2008 годах Р.Мартинесом было проведено исследование в г. Лос-Анджелес, Калифорния, в ходе которого была предпринята попытка понять, как студенты используют «спанглиш» в учебное время. Как позже утверждал исследователь, «спанглиш является динамичной и творческой языковой практикой, которая имеет огромный неиспользованный потенциал как инструмент для обучения и изучения грамотности» [Martínez, 2010, p. 125]. В результате проведённого исследования, были выявлены основные причины использования «спанглиша» в аудитории: «1. прояснять и/или повторять высказывания; 2. цитировать и пересказывать речь; 3. шутить и/или дразнить; 4. указывать на солидарность и близость; 5. переключаться между различными слушателями; и 6. передавать тонкие нюансы смысла» [Martínez, 2010, p. 131]. Лингвист пришёл к выводу, что использование «спанглиша» активируется для указания близости между коммуникантами, а также в ходе эмоционально насыщенных ситуаций.

В другом исследовании, проведенном Дж.А.Саттерби, Х.Айалой и С.Мурильо в 2005 году, изучено использование «спанглиша» у молодых двуязычных преподавателей. Исследование показывает, что учителя-билингвы вынуждены подстраивать свою языковую идентичность, лавируя между двумя языками. Исследователи признают, что «существует языковая среда, в которой английский и испанский языки существуют вместе в сложном взаимодействии культуры и власти на протяжении почти двух столетий» [Sutterby, Ayala & Murillo, 2005, p. 440]. На основании изучения феномена «спанглиша» исследователями следан вывод о необходимости его качественного изучения в образовании и на бытовом уровне, а также об уникальной культуре и идентичности носителей данного смешанного языка [Sutterby, Ayala & Murillo, 2005, pp. 435-452].

В настоящее время исследователи предполагают, что к 2050 году использование испанского языка в Соединённых Штатах будет даже более распространено, чем в Мексике и Латинской Америке [Дегтяренко, 2007, с. 67-71]. Это, в свою очередь, ещё больше способствует актуализации и развитию «спанглиша», возникновению новых словоформ, переключению кодов и инновациям в фонетике и синтаксисе. Указанные факторы, а также современная национальная обстановка рассмотренных стран позволяют сделать определённый прогноз касательно будущего «спанглиша». На наш взгляд, данный феномен продолжит своё развитие, то есть ещё больше распространится в сети Интернет, больше произведений появится на данном смешанном языке, увеличится использование в массовой культуре и публицистике. Кроме того, постоянный контакт составляющих языков способствует дальнейшему смешению на всех уровнях языковой иерархии.

2.2. Языковой статус «спанглиша»

Длительное взаимодействие двух языков на различных уровнях языковой иерархии может привести к смешению контактирующих языков и возникновению нового лингвистического явления. Двуязычная среда является наиболее подходящей для зарождения и развития подобного феномена, так как позволяет говорящим совмещать языки в различных комбинациях. Результатом является переключение кодов в пределах одного текста или предложения, а также модификация и создание новых слов, основанных на характеристиках двух взаимодействующих языков.

Одним из наиболее популярных и широко распространённых в современных реалиях языковых смешений, возникших в результате использования двуязычными индивидами английского и испанского языков, является «спанглиш». «Спанглиш» (espanglish, espaninglish, ingléspañol, ingleñol, espan'glés, espanolo) – это феномен, основанный на языковом смешении английского и испанского языков на всех уровнях языковой иерархии, наиболее распространённый в

мексикано-американской приграничной зоне, но не ограниченный данной территорией. Степень преобладания составляющего языка в «спанглише» обусловлена такими факторами, как близость к границе, среда и цели использования, личные особенности говорящего, диалекты составляющих испанского и английского языков, присущих данному ареалу, и т.д.

Современное развитие лингвистики, значимость антропоцентризма в языкознании, а также степень изученности интерференции в «спанглише» поднимают вопрос языкового и социокультурного статуса «спанглиша». Актуальность проблемы обусловлена широкой распространённостью явления в приграничных штатах США и Мексики, в странах Латинской Америки, а также современной популяризацией в мире. Кроме того, применение «спанглиша» не только на бытовом уровне, но в художественных, медийных и песенных текстах, а также наследование следующими поколениями с дальнейшим развитием ещё больше актуализируют данный вопрос.

Для определения языковой принадлежности «спанглиша», в первую очередь, рассмотрим характеристики и отличия языков, возникающих в результате смешения двух или нескольких языковых традиций, то есть *«скрещенных», гибридных и смешанных языков.*

Языковое **скрещивание** возникает, когда один из взаимодействующих языков сохраняет свою самостоятельность, но при этом получает определённые особенности, возникающие под воздействием другого языка. Подобные случаи языковой ассимиляции подразделяются на *субстрат* и *суперстрат*. Оба этих термина обозначают подавление одного языка другим. Теория подобной языковой ассимиляции впервые была разработана в начале XIX века датским ученым Я.Бредсдорфом, а затем в 60-80-х годах развита Г.Асколи и Г.Шухардтом. Позже явление также изучалось В.Брёндалем, А.Мейе и О.Есперсеном. Так, **субстрат** подразумевает языковое явление, когда язык коренного населения вследствие завоевания, культурного или этнического поглощения подавляется другим языком. В данном случае местная языковая традиция

прерывается и население переходит на традицию поглотившего языка, однако, в новом языке всё же проявляются остаточные элементы языка подавленного. В данной ситуации один из контактировавших языков полностью исчезает, а другой — развивается на основе его отдельных черт. В отдельных случаях субстрат путают с языковым акцентом, ведь изначальные черты языка как бы «просвечивают» в приобретённом, однако, акцент в большей мере касается произношения, в то время как черты субстрата проявляются на всех уровнях языковой иерархии.

Процесс субстрата подразумевает наложение одного языка на другой, подавление и последующее проявление лишь отдельных наиболее культурно и лингвистически значимых характеристик подавленного языка в «языке-завоевателе».

Явление **суперстрата** проявляется, когда язык, пришедший в результате завоевания или культурного покорения и воздействовавший на местный язык, не разрушает его традиционной системы, но обогащает её. В данном случае языку «завоевателей» не удаётся ассимилировать язык коренного населения, но в местной языковой традиции в различной степени ощущаются иноязычные влияния [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990].

Условно можно разделить явление суперстрата на два подвида. В первом случае, суперстратом может стать язык культуры, управления, межнационального общения, отдельные черты которого оказали настолько сильное влияние на родной язык населения, что его черты вошли в лингвистическую систему последнего. В другом случае происходит процесс обратный субстрату: в ходе завоевания вместо того, чтобы поглотить язык подчинённой стороны, язык «победителей» как бы растворяется в нём. В результате, по окончании данного лингвистического процесса в языке завоеванного региона остаются лишь некоторые черты языка-завоевателя, в основном, на лексическом и синтаксическом уровнях. То есть влияние подчинённого языка и культуры настолько велико, что военные победители оказываются лингвистическими проигравшими, не удержавшими свой язык.

Если же описывать указанные термины вкратце, то, обращаясь к определению В.Абаева, субстрат – это побеждённый язык, «на который накладывается другой язык», а суперстрат – это язык, «который накладывается на другой и сам в нём растворяется» [Абаев, 1956, с. 57-69].

Здесь же можно упомянуть такое понятие, как **адстрат**, впервые введённое в 1939 году итальянским неолингвистом М.Бартоли. Данное явление, в отличие от вышеупомянутых, представляет собой нейтральный тип языкового воздействия, когда в результате длительного сосуществования и взаимоотношений народов два (или более) языка оказали взаимное влияние, проявившееся в совмещении характеристик языковой системы. В указанном случае не происходит ассимиляции либо поглощения одним языком другого. Феномен адстрата можно охарактеризовать, как «языковую прослойку» между двумя независимыми языками, которые могут быть не связаны генетически, но имели длительный контакт. Вместе с тем, термин «адстрат» не особо широко применяется в лингвистике и иногда заменяется понятием «смешанный билингвизм» [Bartoli, 1939, p. 96].

Гибридные языки представляют собой упрощённые языки, созданные разноязычными индивидами для общения между собой и необходимые для элементарного взаимодействия. При изучении языковой гибридизации следует обратиться к таким явлениям, как образование *пиджинов* и *креольских языков*. Впервые процессы пиджинизации и креолизации были описаны во второй половине XIX века, но более пристального внимания они удостоились после выхода монографии американского лингвиста У.Вайнрайха в 1953 году. Как указывает лингвист, пиджины и креольские языки ранее не рассматривались как самостоятельные явления и были выведены за рамки «настоящих языков», так как чем более развитые системы имеют контактирующие языки, тем больше они сопротивляются процессу смешения. Из этого следует, что при плотном взаимодействии влияние происходит, в основном, на фонетическом, морфологическом либо на грамматическом уровнях, но не с пересечением всех уровней языка. Кроме того, У.Вайнрайх отдельно

советует в рамках данных явлений обратить внимание не только на лингвистическую составляющую, но и на «отношение самих носителей» к процессу формирования нового языка. [Вайнрайх, 1979, с. 112-113].

Как указывает В.Корниш, языки, именуемые гибридными, к которым относятся *пиджины* и *креольские языки*, рассматриваются как отдельная группа вследствие того, что имеют определённые, присущие лишь им, характеристики: а) форму, значительно отличающуюся от формы образовавших их языков; б) укрепление данной формы после первоначального неустойчивого периода формирования; в) функции, отличные от функций языка, применяемого в повседневном общении, то есть использование при определённых обстоятельствах и в определённом окружении; г) статус особых языков с точки зрения самих индивидов, их использующих [Cornish, 1936, p. 49; Вайнрайх, 1979, с. 112].

Российский лингвист М.Дьячков отмечает сходные черты всех гибридных языков, таких как наличие простых предложений, отсутствие развитой сочинительной и подчинительной связи. Построение повествовательных, вопросительных и восклицательных предложений зачастую одинаково, отличаются они лишь интонацией. Причиной вышеуказанных характеристик может служить то, что данные языки формируются зачастую на основе разговорной речи при низкой грамотности говорящих [Дьячков, 1987, с. 82].

Пиджин представляет собой общее название языков, возникающих с целью достижения взаимопонимания как следствие межэтнических контактов. Данные гибриды обусловлены отсутствием постоянного, систематического контактирования между взаимодействующими лицами и образуются на основе двух и более языков. Базой для создания пиджина выступает не изменение и переплетение языков в ходе их развития, а острая необходимость, в результате чего один из контактирующих языков «редуцируется», то есть разбивается на отдельные части, комбинируемые между собой, в то время как из других взаимодействующих языков заимствуются лишь отдельные элементы [Багана, Хапилина, 2010, с. 92]. Основой

пиджинизации обычно является язык этнической группы, доминирующей численно на территории контакта, либо имеющей силовое превосходство.

Пиджины образуются либо из родственных языков, как это происходит, например, при скрещивании языков на территории Африки; либо, что наиболее часто, неродственных – например, в результате взаимодействия европейского и местного языков. Так, носители господствующего языка стараются максимально упростить свою речь при контакте с местным населением, на базе чего с принятием некоторых местных языковых элементов и возникает подобный гибридный язык. Пиджины функционально лимитированы, не имеют носителей, однако, в отдельных случаях сферы их применения могут расширяться до языка-посредника, либо же главного языка одной или нескольких этнических групп или их общности. Так, М.Дьячков характеризует данное явление, как «сложный социолингвистический процесс, способствующий формированию контактного языка (неродного ни для кого из говорящих на нём), нерегулярно используемого в ограниченной сфере общения» [Дьячков, 1986, с. 62].

Как выделяют Ж.Багана и Е.Хапилина, в контактной лингвистике принято рассматривать несколько определённых условий пиджинизации: соприкосновение нескольких групп, не знающих языков друг друга; стандартная контактная ситуация между ними; периодическое повторение контактной ситуации; ни для кого из членов языкового контакта пиджин не является постоянным языком; низкий уровень грамотности народов, подвергшихся со стороны других колонизации или завоеванию; отсутствие со стороны завоевателей интереса к освоению местным населением их языка [Багана, Хапилина, 2010, с. 87-103].

Следует отметить, что вследствие наличия господствующего языка при организации пиджина, 90-95% его лексической составляющей исходят именно из этого языка. При этом слова имеют чёткое, неизменяемое значение, синтаксические роли слов в предложении обусловлены их точным порядком, модель предложений

стабильна по образцу «подлежащее + сказуемое + дополнение». Словарный запас пиджина невелик и составляет около полутора – двух тысяч слов [Хроленко, 2004, с. 66], вследствие чего некоторые слова зачастую используются в более широком значении, чем в языке-источнике. При этом формирование пиджинов происходит стихийно и обусловлено ситуативностью их использования, то есть взаимодействием в условиях торговли, труда и т.д., то есть при вынужденном контакте людей, владеющих различными языками.

Таким образом, по своей функции пиджин – это *лингва франка*, то есть язык, систематически используемый как средство общения людей, родными для которых являются иные языки. Характерным является то, что у взаимодействующих групп не имеется иного средства общения, отсутствует взаимопонимание, то есть они не владеют и, более того, не желают овладевать родными языками друг друга.

Если контакты между языковыми группами, взаимодействующими с помощью пиджина, начинают углубляться и расширяться, есть вероятность либо его полного исчезновения, когда он уступает место одному из образовавших его языков (зачастую это язык-субстрат), либо значительного расширения пиджином своих коммуникативных функции и развития по большей части на основе языка-источника. В данном случае он превращается в язык, который лингвисты обычно называют *расширенным пиджином* [Дьячков, 1987, с. 9].

В отдельных случаях пиджин начинает использоваться в межнациональном общении, расширяет свои функциональные возможности, развивается и перерастает в основной используемый отдельной народностью язык. В некоторых случаях пиджин передаётся следующим поколениям, которыми воспринимается как родной, преобразуясь в *креольский язык*. **Креолизация** пиджина представляет собой процесс его развития и становления родным языком какого-либо этноса с последующим функциональным и структурным совершенствованием и расхождением с языком-источником, из которого он был образован. Значительные

лексические, фонетические и синтаксические сходства между ними всё же остаются, то есть особых сложностей с определением изначального языка не возникает, но креол в дальнейшем развивает собственные грамматику, лексику и стиль.

Согласно Словарю социолингвистических терминов, на 2006 год в мире было известно около 50 пиджинов и более 60 креольских языков [Кожемякина, Колесник, Крючкова, 2006, с. 99, 165], однако, очень сложно провести границу между этими языковыми гибридами. Почти все эти языки, несмотря на развившиеся расхождения, сохраняют тесную связь с языком-источником. В большинстве, пиджины и креолы отличаются отсутствием привычных языковых категорий, таких как род, число, артикли, но имеют свои собственные, специфичные лишь для них. Вместе с тем, отличием креольских языков (кроме того, что они становятся родными языками говорящих) от препиджинов и пиджинов является ограниченная функциональность и ситуативность последних, в то время как образовавшиеся креолы многофункциональны. Однако процессу пиджинизации, а затем и креолизации часто сопутствует негативное отношение со стороны носителей «чистого» языка, что тормозит развитие креола, дав ему статус «испорченной» вариации языка-источника, в то время как креольский язык, кроме способа формирования, мало чем от него отличается [Дьячков, 1987, с. 86].

Процесс образования пиджинов и креолов крайне трудно отследить. Кроме того, иногда происходит процесс декреолизации: уже креолизовавшийся из пиджина язык пытается освоить новая группа людей, которые до того уже владели пиджином, из которого образовался данный креол. Численность указанной группы сильно превосходит число владеющих креолом, соответственно, их лингвистическое влияние изменяет контактный язык. В результате этого, появляется новый пиджин, который далее также подвергается креолизации, но уже отличается от первого креола. Такой процесс может происходить несколько раз в зависимости от влияния контактирующих групп [Беликов, Крысин, 2001, с. 133].

Таким образом, основными характеристиками всех креольских

языков являются их упрощённые грамматическая, фонетическая и морфологическая системы и абсолютное господство аналитизма, то есть передача грамматических отношений через служебные части речи, установленный порядок слов, контекст, интонацию и т.д., а не через изменения морфем [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1890-1907].

По вышеуказанным признакам гибридные языки отличаются от *смешанных языков*, основанных на активном билингвизме говорящих, позволяющем комбинировать и модифицировать составляющие языки в различных вариациях.

Прежде всего, **смешанный язык** развивается на основе двуязычия, в отличие от пиджина, необходимого для коммуникации участников контакта, не владеющих языками друг друга. Развитый билингвизм говорящих позволяет им комбинировать фонетические, морфологические, лексические и синтаксические характеристики двух языков в единую произвольную систему. Основой для смешанных языков служит не только переключение кодов, но собственное словообразование, стилистика и смысловые модификации.

Вместе с тем, возможность языкового смешения полностью отвергалась до конца XIX века, лишь в 1899 году британский лингвист R.Cust выступил с позицией о возможности смешения не только лексических, но и грамматических характеристик двух языков [Cust, 1899, p. 27]. Его исследования полностью противоречили доминирующей на тот момент неолингвистике, утверждавшей, что смешанных языков существовать не может. Данную концепцию позднее развил Г.Шухардт, доказавший, что взаимовлияние языков происходит даже при обычном общении между индивидами, говорящими на разных языках, а возможности смешения языков, в целом, безграничны [Шухардт, 2003, с. 177]. Языковое смешение происходит и в гибридных языках, а также, в целом, в процессе интерференции. В этой связи, в лингвистической литературе конкретный термин «*смешанный язык*» указывает на то, что данное явление выходит далеко за рамки обычных критериев смешанности,

разрушая привычные ограничения лингвистических изменений, возникших в ходе языкового взаимодействия [Matras, 2000, p. 79].

Смешанные языки впервые были выделены в отдельный класс в 1994 году голландским лингвистом П.Баккером, которым также был предложен сам термин “mixed language”. Также иногда используются термины “intertwined language” или “split language”, но в связи со сложностью чёткого перевода данных терминов на другие языки, их использование очень редко.

Н.Вахтин и Е.Головко утверждают, что смешанные языки не следует путать с языками с большим процентом заимствованной лексики и заметной интерференцией на уровне фонетики и синтаксиса, поскольку многие языки, например, тот же английский, имеют схожие характеристики. Авторы утверждают, что не следует упрощать объяснение процесса образования данных языков, так как лексика не полностью берётся из одного языка, а грамматическая структура не идентична второму языку, то есть происходит более широкое явление, чем обычное составное смешение.

Также исследователи рассматривают возможность сознательного создания смешанных языков взаимодействующими этносами. Это может быть обусловлено несколькими факторами: 1) стремление этнических групп к самоидентификации на фоне прочих аналогичных групп; 2) смешанные языки могут возникнуть и развиваться в течение жизни двух поколений. В данном случае дети так называемых «создателей» смешанного языка, могущие знать составляющие языки, тем не менее, воспринимают его в качестве родного; 3) основным аргументом за осознанное конструирование смешанных языков является то, что лингвистический механизм, на котором они основаны, активно применяется в других языковых ситуациях [Вахтин, Головко, 2004, с. 149].

Начальным толчком к образованию смешанного языка являются, прежде всего, социолингвистические факторы, требующие от отдельной группы обособления и укрепления собственной идентичности и, как результат, формирования внутреннего языка. Образование же, например, пиджина или креола обуславливается

поиском средства общения в условиях незнания языка партнёра, коммуникативным вакуумом. Кроме того, смешанный язык появляется на основе билингвизма говорящих, то есть у них есть выбор между одним или другим языком общения, либо переключением кодов с одного на другой, что, однако, не удовлетворяет их потребностям. В результате, создаётся новая вариация, созданная на основе этих двух языков, используемая также как своеобразный «маркер идентичности» группы [Вахтин, Головкин, 2004, с. 154-155]. Ещё одним отличием смешанного языка является его дальнейшее развитие: выход за пределы изначальной обособленной территории, возникновение письменных документов и массовой культуры на этом языке.

С учётом рассмотренной информации, языковой статус «спанглиша» определяется нижеследующими факторами.

Как было отмечено ранее, пиджин необходим для периодического контакта (экономического, политического, культурного и т.д.) между двумя группами, говорящими на разных языках и не знающими языка друг друга, то есть не имеющими иного средства коммуникации, кроме, собственно, пиджина. Таким образом, сфера, а также время применения пиджина ситуативно и причинно обусловлены. А.Ардила в статье “Spanglish: An Anglicized Spanish Dialect” определяет пиджин как систему общения, используемую в случае необходимости коммуникации людьми, говорящими на двух разных языках [Ardila, 2005]. Основой пиджина является схематическое совмещение отдельных частей одного языка с основной базой (90-95%) другого, без взаимовлияния и модификаций в системе морфологии и словообразования [Багана, Хапилина, 2010, с. 102]. Применение «спанглиша» не ограничивается ситуацией и целью общения, которые могут варьироваться. Кроме того, территория использования выходит за рамки ареала проживания носителей, что ещё более актуализируется в связи с современным развитием коммуникаций, массовой культуры и туризма. Это позволяет сделать вывод о невозможности отнесения «спанглиша» к разряду «пиджин».

Согласно А.Ардиле, степенью в преобразовании пиджина

является креольский язык. Особенностью креола является выход языкового гибрида на национальный уровень и уход от чёткой ситуативной необходимости [Ardila, 2005, p. 66]. Вместе с тем, А.Швейцер акцентирует вспомогательную природу гибридных языков, обусловленную незнанием языков контактирующих сторон. Основной отличительной характеристикой креольского языка является его переход в статус родного для одной из взаимодействующих групп [Швейцер, 2009, с. 135]. Кроме того, креол может частично развить свои лексический, синтаксический уровни и грамматику, а также избавиться от чёткой ситуативной необходимости, что, однако, не способствует изучению сторонами, контактирующими на креоле, языков друг друга. В этом отсутствует необходимость, в связи с самим возникновением общего средства коммуникации – гибридных языков.

На первоначальной стадии зарождения мы могли бы отнести «спанглиш» к креольскому языку. Вместе с тем, даже на начальном этапе, несмотря на то что мигранты, бегущие от последствий Американско-мексиканской, а позже и Испано-американской войн, сталкивались с англоязычным окружением без должного знания языка, скорость их изучения английского не позволяет отнести неразвитый на тот момент «спанглиш» к креолу. Более того, дальнейшее развитие полученного языкового смешения ещё больше отдаляет «спанглиш» от характеристик гибридного языка.

Подобная же специфика присуща ситуации в Пуэрто-Рико, на Кубе и Филиппинах. Кроме того, степенью в дальнейшем развитии и усовершенствовании «спанглиша» стало ослабление влияния США на указанные страны в первой половине XX века, когда власти разрешили использование испанского языка. Двуязычное к тому моменту население было способно модифицировать образовавшуюся языковую смесь, используя ещё более активное переплетение составляющих языков.

В целом, существует ряд значительных отличий «спанглиша» от креольского языка:

- «спанглиш» не представлял собой даже на первоначальной

стадии средства общения между испано- и англоговорящими, обусловленного чёткой языковой ситуацией;

- ни на ранней, ни на поздней стадии развития «спанглиш» не представлял собой язык внешней коммуникации;

- территория использования «спанглиша» не ограничилась ареалом проживания говорящих и продолжает активно расширяться;

- для «спанглиша» характерно взаимодействие и, соответственно, интерференция языков на всех уровнях языковой иерархии, а не только механическое соединение лексики, грамматики и синтаксиса, как в гибридных языках.

А.Ардила при описании «спанглиша» апеллирует к понятию «диалект». Под диалектной формой подразумевается применение языка ограниченным числом коммуникантов в определённом ареале при постоянном языковом контакте на основании социальных или профессиональных потребностей [Ахманова, 2010, с. 131]. Кроме того, диалект зачастую обусловлен применением лишь в разговорной малообразованной речи в противовес высокому литературному языку, служа проявлением «диглоссии» в определённых обстоятельствах и окружении. Также диалект присущ географически органиченной территории, на которой он развился, либо применяется людьми отдельного социального статуса, пола и рода деятельности [Britannica.com]. Отличительной характеристикой диалекта, помимо прочего, служит его языковой состав, основанный на $\leq 90\%$ на одном языке [Горшков, 2023].

Нам представляется невозможным отнести «спанглиш» к испанскому диалекту английского языка, либо к английскому диалекту испанского. Основной причиной является его двуязычная составляющая. Соотношение испанского и английского в «спанглише» может варьироваться в зависимости от территориального положения и личных лингвистических характеристик говорящих, однако, один язык никогда не представлен в объёме менее 10%. Более того, «спанглиш» имеет собственные диалекты, обусловленные вариациями испанского и английского,

присущими тому или иному ареалу. Как отмечает Ф.Х.Фернандес-Рубьера, доцент Университета Центральной Флориды, «Спанглиш, который вы слышите в Нью-Йорке, отличается от того, который вы слышите в Майами или Лос-Анджелесе, и это потому, что латиноамериканцы, живущие в этих городах, говорят по-испански с другим акцентом и, следовательно, производят другой вариант спанглиша. Кубинец в Майами говорит по-испански с другим акцентом, чем сальвадорец в Вашингтоне, округ Колумбия, и это в равной степени отражается в словах, которые носители спанглиша произносят в этих городах» [Fernández-Rubiera, 2023]. Диалектными вариациям «спанглиша» способствуют многочисленные диалекты составляющих его языков. Так, только по Великобритании насчитывается 17 диалектов английского языка [Прошкина, 2015]. В США имеется более 20 диалектов английского. Что касается испанского языка, лишь на территории Испании присутствуют две диалектные группы: северные (6 разновидностей) и южные (7) диалекты [Шишмарёв, 2002, с. 344]. Таким образом, не вызывает удивления, что «спанглиш» также имеет многочисленные вариации, в зависимости от различных диалектов и территории проживания говорящих на нём, что вполне характерно для отдельного языка.

В целом, «спанглиш» не может быть отнесён к разряду диалектов по следующим причинам:

- неограниченность «спанглиша» отдельной территорией, выход за пределы приграничных штатов США и Мексики, Кубы, Пуэрто-Рико, Панамы и Филиппин. А.Ардилла также отмечает освоение английского большинством испаноговорящих мигрантов в США с последующим наложением английских языковых правил и лексики на испанскую речь. В дальнейшем происходит языковое смешение и переход на «спанглиш» до такой степени, что индивиды, говорящие лишь на испанском языке, не всегда могут их понять [Ardila, 2005, p. 61];

- социальный статус, возраст, пол, уровень образования и профессиональная принадлежность говорящих на «спанглише» также вариативны. Нет идентифицируемой зависимости от подобных

социальных и физических параметров. Кроме того, в настоящее время «спанглиш» приобрёл письменные характеристики: он широко используется в СМИ, рекламе, а также в художественной литературе.

· термин «диалект» используется применительно к формам существования одного национального языка, в то время как «спанглиш» является производной двух языков [De Genova, Ramos-Zayas, 2003, с. 268]. Как было отмечено ранее, его языковой состав представлен двумя составляющими языками в практически равной мере с незначительными вариациями.

При описании переходного периода испаноязычного населения на английский А.Ардила использует термин «*интеръязык*» (“*interlanguage*”), подразумевая влияние родного языка на структуру и правила языка изучаемого. В данном случае недостатки знания словарного состава либо неправильное понимание правил второго языка через негативную интерференцию восполняются подходящими правилами и лексиконом первого языка. Термин “*interlanguage*” был предложен в 1972 году Л.Селинкером для описания языковой системы, находящейся в промежуточном положении между родным и изучаемым языком [Selinker, 1972, pp. 209-213]. Вместе с тем, на наш взгляд, термин «интеръязык» может охарактеризовать «спанглиш» лишь на первых этапах языкового смешения, когда испаноязычное население столкнулось с англоговорящим окружением, В дальнейшем же языковая компетенция повышалась, достигнув уровня билингвизма и возможности смешивать языки с учётом правил каждого из них. На современном этапе подобный термин возможен лишь в отношении отдельных индивидов, только начавших изучать английский язык и применяющих аналогию «спанглиша» в речи для восполнения пробелов в изучаемом языке, но не для всего многомиллионного населения, использующих «спанглиш» на регулярной основе.

Предполагаемым термином для идентификации языкового статуса «спанглиша» может также служить «*вариант*» языка. Вместе с тем, подобная классификация поднимает вопрос, является ли

«спанглиш» вариантом испанского, либо английского языка, что нецелесообразно, в связи с его примерно равномерными языковыми составляющими. Согласно Словарю социолингвистических терминов, «вариант» представляет собой «модификацию инварианта, в качестве которого выступает: 1) система и структура языка либо 2) норма языка», образуемая «в результате дифференциации языка под воздействием различных экстралингвистических факторов» [Кожемякина, Колесник, Крючкова, 2006, с. 35]. Как нами было указано выше, социокультурный фактор самоидентификации оказал важное влияние на становление и развитие «спанглиша», что, как и его отклонения от языковой нормы, говорят в пользу подобного термина. Вместе с тем, российский лингвист З.Прошина указывает на обобщённость и расплывчатость данного термина, что связано с динамикой развития и сопутствующего системного и структурного изменения любого языка, а также с отсутствием единой нормы вариантности [Прошина, 2022, с. 76-77]. Автор, однако, акцентирует внимание на вариантной типологии Б.Качру [Kachru, 1983, pp. 117-122], согласно которой можно подразделить языковые варианты на акролект, мезолект и базилект в зависимости от степени взаимовлияния и охватываемых интерференцией уровней языковой иерархии контактирующих языков. К третьему уровню как раз относятся такие языковые гибриды, как Chinglish, Japlish, Ruslish, Frenglish и т.д. [Прошина, 2022, с. 78]. Следует отметить, что указанные гибриды, однако, характеризуются сходностью с пиджинами и невысокой языковой компетенцией говорящих. Также З.Прошина даёт характеристику базилекта, как «свойственного малообразованным пользователям с начальным билингвизмом» [Прошина, 2014, с. 125]. Указанные пункты в большинстве случаев не относятся к языковому явлению «спанглиша», что делает нецелесообразным использование термина «вариант» в отношении данного языкового феномена. Кроме того, как отмечает испанист Д.Липски, вариант испанского языка, заимствующий ряд англицизмов и адаптирующий их в свою систему, остается всё же испанским языком, в то время как «спанглиш» образован на основе смешения двух

языков [Lipski, 2008, с. 320].

На раннем периоде развития возможно отнесение «спанглиша» к явлению *адстрата*, что подразумевает взаимовлияние языков друг на друга без поглощения и ассимиляции одним языком другого. Вместе с тем, отличием адстрата является строгая территориальная зависимость – небольшая пограничная территория контактирования, что отличает его от «спанглиша», особенно на более поздних этапах развития. На данный момент часть лексикона «спанглиша» уже включена в официальные словари испанского языка. «Фактически, «спанглиш» в современных реалиях становится новым языком», - утверждает доктор философии Колумбийского университета I.Stavans [Stavans, 2003, p. 213].

Согласно проведённому анализу, наиболее подходящим термином для характеристики языкового статуса «спанглиша» является «*смешанный язык*», образующийся на базе развитого билингвизма носителей. Наиболее значимым отличием смешанного языка от гибридных языков является высокий уровень владения говорящими составляющими его языками. В то же время при образовании и использовании пиджина и креола сохраняется языковой барьер и возникающий гибрид служит единственным средством коммуникации для контактирующих сторон.

Ранее было отмечено, что и креольский, и смешанный язык становятся родным для следующих поколений, использующих его. Вместе с тем, существует ряд принципиальных отличий этих двух феноменов:

- смешанный язык не всегда, а в большинстве случаев зачастую не является единственным средством общения носителей;
- территория использования смешанного языка не является чётко ограниченной, и он распространяется за её пределы;
- для смешанного языка характерна развитая интерференция на всех языковых уровнях, а не только господство аналитизма в грамматике и синтаксисе и лексические заимствования, как для креольского языка.

Рассмотрим возможность принадлежности «спанглиша» к классу смешанных языков.

- *Во-первых*, «спанглиш» основан на высоком уровне двуязычия говорящих, что позволяет создавать сложные комбинации двух взаимодействующих языков.

- *Во-вторых*, составляющие языки смешиваются на всех уровнях языковой иерархии: на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом. Также интерференции подвержены словообразование и стилистика «спанглиша».

- *В-третьих*, в образовании «спанглиша» большую роль сыграл социокультурный фактор самоидентификации мигрантского (США-Мескика) и подчинённого (Куба, Панама, Филиппины, Пуэрто-Рико) населения в англоязычной среде.

- *В-четвёртых*, в пользу смешанного языка выступает скорость образования (два-три поколения) «спанглиша», а также отсутствие строгой ситуативной необходимости применения. Активное распространение и развитие «спанглиша» началось после Американо-мексиканской и Испано-американской войн. К середине XX века территория, охваченная «спанглишем», была уже довольно обширна. Ещё большему распространению способствовало дальнейшее развитие глобализации и коммуникационных технологий.

Исходя из проанализированных особенностей «спанглиша» представляется невозможным его отнесение к классу гибридных языков, а также к разряду диалектов, классу «интеръязык» либо «вариант». Развитый билингвизм носителей, позволяющий комбинировать составляющие языки на всех уровнях языковой иерархии; отсутствие строгой ситуативности использования; выход далеко за пределы изначальной территории зарождения; активное применение говорящими различной социальной, профессиональной, образовательной и возрастной категории позволяют с полной уверенностью отнести «спанглиш» к разряду смешанных языков.

Выводы

1. «Спанглиш» является одним из основных существующих в современном мире смешанных языков, возникших на основе взаимодействия английского и испанского языков. Основой «спанглиша» является языковая интерференция на фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом, словообразовательном и стилистическом уровнях языка.

2. Возникновение и распространение «спанглиша» обусловлено следующими социокультурными факторами: 1) Американо-мексиканской войной 1846-1848 гг., в ходе которой часть штатов, бывших ранее территорией Мексики, перешли во владение США; 2) Испано-американской войной конца XIX – начала XX века и соответствующим переходом части бывших испанских колоний во владение США; 3) процессами глобализации, информатизации, развитием коммуникаций, обусловивших быстрое распространение «спанглиша» на территориях, ранее не охваченных данным языковым явлением; 4) трудовой миграцией и туризмом.

3. Существуют различные типы языков, возникших на основе языкового взаимодействия: «скрещенные», гибридные и смешанные языки. Языковое *скрещивание* подразделяется на *субстрат* и *суперстрат*, каждый из которых представляет собой определённую степень взаимодействия языка-завоевателя и местного языка населения, а также *адстрат* – сосуществование и взаимное влияние языков народов, проживающих на одной территории. *Гибридные языки* можно условно подразделить на *пиджины* – языки, возникающие как следствие межэтнических контактов в определённых, чётко ограниченных контактных ситуациях для достижения взаимопонимания двух культур, не владеющих языками друг друга, и *креолы*, которые представляют собой следующую ступень развития, когда данные языки выходят за рамки указанных ситуаций, начинают развиваться и передаваться последующим поколениям как родные.

4. *Смешанные языки*, к которым мы настоятельно относим «спанглиш», возникают в результате двуязычия индивидов, в результате чего высокий уровень владения обоими языками непроизвольно переходит в одну языковую систему, совмещающую компоненты обоих языков. Их возникновению способствует стремление контактирующих народов к самоидентификации. Смешанный язык в ходе эволюции постепенно охватывает все уровни языковой иерархии, выходит за рамки изначального ареала, распространяется среди различных социальных слоёв населения и приобретает свои особенные характеристики.

5. Факторами, обусловившими возможность присвоения «спанглишу» языкового статуса «*смешанного языка*», являются следующие:

- основанность «спанглиша» на билингвизме, требующем высокой степени владения английским и испанским языками, позволяющими создавать их симбиоз;
- проявление процесса интерференции на всех уровнях языка (фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом), а также на стилистическом уровне;
- широкое использование «спанглиша» в художественном, публицистическом, газетном, рекламном, музыкальном и интернет-текстах;
- территориальная неограниченность, наличие миллионов говорящих на «спанглише»;
- распространение «спанглиша» среди различных профессиональных, социальных и возрастных категорий;
- культурное взаимопроникновение и необходимость в самоидентификации.

ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В «СПАНГЛИШЕ»

3.1. Фонетическая интерференция

Одной из основ формирования и использования смешанного языка является фонетическая интерференция, представляющая собой искажение звуковой структуры изучаемого языка под влиянием родного языка или, наоборот, влияние второго языка на звуки и произношение первого. Фонетическая интерференция проявляется как при восприятии, так и при производстве речи. Таким образом, влиянию подвергаются перцептивная и артикуляционная базы, что выражается в нарушении иерархии и взаимодействия слухопроизносительных навыков в речи на языке вторичной системы [Любимова, 1988, с. 15]. На психологическом же уровне это выражается в столкновении фонетических систем родного и неродного языков, их смешении, взаимной адаптации и превращении в некую третью систему.

Согласно У.Вайнрайху, фонетическая интерференция может проявляться в зависимости от наличия или отсутствия звуковых различий в двух языках. Так, например, при одинаковом постоянном присутствии либо отсутствии какого-либо признака в двух интерферируемых языках при возникновении третьей «смешанной» системы указанный признак в большинстве случаев сохраняется. Если в одном из взаимодействующих языков указанный признак вариативен, а в другом языке – функционально противопоставлен, в смешанном языке могут возникнуть различные вариации произношения. Сфера просодии также может быть подвержена влиянию в зависимости от степени артикуляционной чёткости в том или ином составляющем языке. В частности, если в одном из языков ударение ставится на каждом слове, при использовании фраз на другом языке подобная тенденция сохраняется [Вайнрайх, 1972, с. 34-35]. Лингвист выделяет четыре фактора, могущих стать причиной фонетической интерференции: а) чисто фонетические; б) экстрафонетические внутриязыковые; в) экстралингвистические; г)

остаточные явления ошибочных случаев интерференции.

К первому фактору относятся различия между взаимодействующими языками в контингенте фонем, в анализе их компонентов и в дистрибутивных моделях фонем этих языков. Ко второму – те случаи, когда говорящий пытается исключить омофонию, могущую привести к двусмысленности. Третий тип возникает при неудачном стремлении говорящего соответствовать уровню владения носителей, то есть не отличаться от них речевыми навыками. Четвёртый тип возникает при недостаточном уходе от ранее сделанных фонетических ошибок [Алиева, 2018, с. 13-14; Вайнрайх, 1979, с. 51-52].

Кроме того, согласно У. Вайнрайху, условно фонетическую интерференцию можно разделить на следующие подвиды [Вайнрайх, 1979, с. 45-46]:

- *Недодифференциация*: возникает, когда говорящий не различает отдельные фонемы второго языка, смешивая их. Данный тип возникает, когда указанные фонемы сходны или одинаково воспроизводимы в первом языке.

- *Сверхдифференциация*: происходит, когда в первом языке существуют различия в фонемах, которые отсутствуют во втором. Данное различие накладывается при воспроизведении указанных фонем на втором языке, когда по правилам его быть не должно.

- *Реинтерпретация различий*: возникает в случае, когда говорящий переносит значимые признаки первого языка на второй язык, где они несущественны или избыточны. Чаще это касается удвоенных или непроизносимых согласных, а также долготы гласных.

- *Субституция звуков*: данный тип фонетической интерференции наблюдается, когда фонемы двух языков графически отображаются одинаково, но по факту в произношении существуют различия.

Российский лингвист В.Алимов указывает на необходимость разграничения фонетической и фонологической интерференции. Фонологическая интерференция выражается в нарушениях в области фонем или звукового строя языка. В случае если затронуты звуки

речи, артикуляция, акустика, возникает фонетическая интерференция [Алимов, 2005, с. 81]. В этой связи, при фонетической интерференции проявляется акцент, что не особо влияет на смысл передаваемого сообщения. В то же время фонологическая интерференция может стать результатом полного искажения сообщения и привести к срыву коммуникации, так как отражается в смысловой наполненности произносимого слова [Алимов, 2005, с. 107-108].

Узбекский лингвист А.Абдуазизов рассматривает взаимовлияние фонетических явлений языков с позиции как фонетики, так и фонологии. В частности, лингвист подразделяет данную интерференцию на следующие типы: 1) фонематическая интерференция; 2) слоговая интерференция; 3) акцентная интерференция; 4) интонационная интерференция; 5) фонологически смешанная интерференция, подразделяющаяся на а) фонематическо-слоговую; б) слогово-акцентную; в) акцентно-интонационную. А.Абдуазизов также выделяет подвиды фонетической интерференции по У.Вайнрайху (недодифференциация, сверхдифференциация, реинтерпретация различий и субституция/замена звуков), отмечая, вместе с тем, что среди указанных подвидов интерференции второй может быть незаметен, поскольку не всегда ясно, как его можно идентифицировать [Abduazizov, 2007, pp. 79-80].

В нашем исследовании рассматривается интерференция, возникающая при произношении под влиянием контактирующего языка, обусловленная артикуляционной системой говорящего. Таким образом, исследуется именно фонетическая интерференция. Вместе с тем, при воспроизведении звуков речи на «спанглише» говорящие могут не различать аллофоны тех или иных фонем одного из контактирующих языков (в основном, английского), что затрагивает фонологическую составляющую интерференции.

Фонетическая интерференция в «спанглише» берёт за основу фонетику составляющих испанского и английского языков и присутствует в различной степени в зависимости от территориального фактора, социальных и психологических особенностей, а также степени билингвизма говорящих на

«спанглише». В связи с широким использованием «спанглиша» среди мигрантов, на фонетическом уровне более распространён перенос именно испанского произношения на английские слова – как изменённые на морфологическом и лексическом уровнях, так и применяемые без изменений.

В целом, фонетическую интерференцию в «спанглише» можно подразделить на следующие виды:

- неразличение отдельных звуков английского языка;
- замена одних гласных звуков другими;
- замена одних согласных звуков другими;
- озвучивание фонем, не требующих произношения;
- добавление непроезносимых букв;
- изменение положения ударения в словах.

Подобное связано с различным количеством монофтонгов в двух языках. Так, количество монофтонгов в английском языке насчитывает около 15-20, хотя может немного варьироваться в зависимости от акцента и диалекта. В свою очередь, испанский язык имеет около 20-25 монофтонгов, но характеризуется практически полным отсутствием дифтонгов и чёткой артикуляцией согласных звуков. Это приводит к более осязаемому испанскому произношению в речи говорящих на «спанглише». Лишь в редких случаях наблюдается перенос американского (в связи с территориальным расположением) произношения на адаптированные и неадаптированные испанские слова.

Рассмотрим, фонетическую интерференцию в «спанглише» с позиции *неразличения определённых звуков*. Так, для испаноговорящих, а также владеющих в совершенстве мексиканским вариантом испанского языка характерна недифференциация отдельных фонем, например, неразличение фонемы /v/ и /b/. В начале слов обе фонемы, по большей части, будут произноситься, как /b/, а в середине или конце слов – как губной /v/. В случае, когда одна из данных фонем расположена между гласными, то производится щелевой звук, похожий отчасти на английский /w/ [Киселёва, 2012, с. 169-171]. Например, слово “vote” (голос на выборах, вотум)

сохраняет в «спанглише» английское написание, но приобретает испанское звучание /bote/, то есть в данном случае можно наблюдать замену звука /v/ на /b/, отсутствие дифтонгизации, когда /əu/ произносится как /o/, чёткое произношение звука /t/ и озвучивание беззвучной в английском финальной гласной /e/. Более того, испанское слово “bote” (лодка) в «спанглише» будет произноситься совершенно аналогично, то есть отсутствует различие на слух.

Отсутствует различие согласных звуков /s/ и /z/, имеющих для испаноговорящих, а также носителей «спанглиша» один звук /s/. Например, слово “zebra” (зебра) произносится аналогично испанскому эквиваленту “cebra” (притом, что оба написания в «спанглише» допустимы). То есть в данном случае звук /z/ произносится, как /s/. Кроме того, отчётливо и звонко артикулируется звук /r/, и конечная буква звучит, как /a/, нежели, как /ə/ в английском. Другим примером подобного оглушения может служить модифицированное слово “pleasura” [Stavans, 2018, p. 3], где буква “s” теряет присущий ей в английском варианте звук /z/ и получает звук /s/.

Также, в связи с неимением в испанском языке фонемы /ʃ/, в «спанглише» зачастую отсутствует фонетическое различие между /ʃ/ и /tʃ/. Например, для говорящего на «спанглише» может не быть никакой звуковой разницы между такими словами, как “chin” (подбородок) и “shin” (голень), когда оба произносятся через /tʃ/. В отдельных случаях фонема /ʃ/ может также произноситься, как /s/, но подобная вариация встречается намного реже [Juarros-Daussa, 2012].

Характерным фонетическим явлением для «спанглиша» является *неразличение долгих гласных звуков*, в связи с отсутствием в испанском языке таковых. Так, одинаково звучат /ɪ:/ и /ɪ/; /e/, /æ/ и /ei/; /u:/ и /u/; /ʌ/ и /a:/; /o:/ и /o/. Например, слово “door” может произноситься либо как /dor/, либо как /door/, притом, что звук /r/ будет также твёрдым, а не ротическим, как в английском языке. В качестве другого примера рассмотрим глагол “parquear”, образованный в «спанглишу» от английского “to park” (парковаться) и теряющий в результате модификации долгий звук /ɑ:/, присущий

гласной “а” в оригинальном слове, но приобретающий звук /ʌ/. В данном случае подвиды (недодифференциация и реинтерпретация различий) фонетической интерференции смешиваются, так как значимая для английского языка долгота гласного не определяется и игнорируется как признак избыточный, либо же графическое изображение при произношении преобладает над фактическим воспроизведением фонемы.

Также, основываясь на предыдущем примере, следует отметить опущение гласной “u” при произношении, если она стоит после “q”, так как в данном случае она беззвучна в испанском языке. Так, например, слово “question” будет произноситься аналогично испанскому “cuestión”, то есть здесь имеется как опущение “u”, когда /kwe/ читается, как /ke/, так и вышеупомянутое неразличение звука /ʃ/, произносимого, как /t/, а также замена фонемы /ə/ на /io/.

Отдельные дифтонги в «спанглише» опускаются, то есть происходит замена дифтонгов на одинарные гласные звуки, либо отображаются на письме двумя фонемами. Например, при первом варианте можно привести слово “bike” (велосипед), которое трансформируется в “baka” (при наличии сокращённой испанской формы “bici”), где дифтонг /ai/ превращается в /a/. Также в «спанглише» существует образованное от английского “to mail” (отправить по почте) слово “emiliar” (хотя также имеется форма “emailear”), когда дифтонг /ei/ трансформируется в /i/. Аналогично сокращается дифтонг в глагольной форме “findear” (англ. “to find” – «находить»). В качестве примера ко второму варианту можно привести слово “gauar”, образованное в «спанглише» (в испанском языке слово имеет иное значение) от английского “to write”, когда дифтонг /ai/ отображается двумя буквами “au”. Кроме того, здесь также стоит отметить опущение буквы “w”, которая для испаноязычных нехарактерна. Другим примером может послужить слово “taipista” (от англ. “typist” – машинистка, типограф), где дифтонг /ai/, выраженный на письме уже иной буквой, в вариации на «спанглише» также отображён двумя буквами “ai”, либо глагол “draidir” (англ. “to dry” – высыхать).

Помимо этого, *множество гласных букв произносится так, как отображается на письме, либо как это характерно для испанского языка*. Так, “а” в большинстве случаев произносится, как /Λ/, “о” – как /o/, “u” – как /u/ (если не стоит после q или g), “i” – как /i/ и т.д. Например, в слове “mapear”, образованном от английского “to map” (отображать, рисовать карту), обе “а” звучат, как /Λ/, “е” звучит, как /e/, при этом “р” смягчается. В слове “flirtear” (англ. “to flirt” – флиртовать) “а” и “е” звучат аналогично предыдущему примеру, и “i” имеет звук /i/. В слове “lectura”, образованном от английского “lecture” (лекция), также наблюдается произношение “а”, как /Λ/, и “u”, как /u/.

В некоторых словах, образованных от английских и имеющих в оригинале букву “u”, произносящуюся, как /Λ/, также можно наблюдать некоторые изменения не только в произношении, но и на письме. Возможно, это связано с тем, что в испанском языке гласная “u” всегда имеет лишь звук /u/ и несоответствие написания и произношения могло вызывать у испаноязычных определённые затруднения. В качестве примера подобной замены гласной можно привести данные слова: “lonche” (от англ. “lunch” – ленч), “lonchera” (англ. “lunch box” – коробка для завтрака), “troque” (англ. “truck” – грузовик), “troquero” (“truck driver” – водитель грузовика), “fonazo” (“having fun” – весело проводить время) [Nginios, 2011, pp. 119-123]. Во всех указанных примерах можно наблюдать замещение гласной “u” на “o” и, соответственно, звука /Λ/ на /o/. Кроме того, в таком примере, как “soportar” (от англ. “to support” – поддерживать, помогать), также видна замена звука /ə/ на /o/, видимо, обусловленная всё той же буквой “u” в оригинальном слове.

Что касается *согласных звуков*, прежде всего, следует отметить отсутствие в испанском языке буквы “h”, которая наблюдается только в заимствованных словах. В «спанглише», в связи с его английской составляющей, она присутствует как в английских словах, не подвергшихся испанизации, так и в изменённых словах и выражениях. Однако в данном случае “h” не глоттальный придыхательный согласный, а более чёткий и твёрдый. Например,

образованное от английского “to hang out” (развлекаться, весело проводить время) слово “hanguear”, характерное для «спанглиша», имеет чётко артикулируемый звук /h/.

Также в речи при произношении сложных для мексиканской части испаноязычных фонем /ð/ и /θ/ они могут быть заменены на /d/ и /s/, соответственно. Так, “the” будет произноситься, как /de/, “that” – как /det/, “think” – как /sink/. Однако фонема /θ/ не представляет такой сложности для говорящих на «спанглише» в самой Испании, так как для европейского испанского языка этот звук характерен. Вместе с тем, как и в любом правиле, здесь возможны исключения: так в слове “lithografías” [Stavans, 2018, p. v] вместо характерного для испанского языка звука /t/ (“litografía”) наблюдается английский звук /θ/.

Также носители европейского варианта испанского языка в некоторых случаях не испытывают особой сложности с фонемой /ð/. В английском языке это звонкий апикальный фриктивный согласный, в то же время в европейском испанском фриктивность аналогичной фонемы является не дифференциальным, а факультативным признаком, возникающим в интервокальной позиции и в конце слова. В этой связи, может возникнуть так называемое «недоразличение» указанной фонемы в случаях, несхожих с её использованием в испанском языке [Вайнрайх, 1972, с. 33]. Для примера рассмотрим слово “mother”, где центральный согласный звук может читаться как /ð/, при этом в слове “though”, по аналогии с правилами выбора между аллофонами /d/ и /ð/ в испанском языке, может произноситься звук /d/.

Помимо прочего, в «спанглише» отсутствует английский назальный звук /ŋ/. Слова, имеющие этот звук, могут произноситься либо через /n/, либо отчётливый твёрдый /ng/. В этой связи, слова, имеющие английское окончание “ing” мало характерны для говорящих на «спанглише».

Отдельно следует отметить чёткое и твёрдое произношение таких согласных, как “r”, “t”, “d”. Так, например, звук /r/ в «спанглише», аналогично испанскому языку, звонкий и чёткий в отличие от щелевого английского “r”. Согласный “l” в зависимости от

последующего звука и местоположения в слове может быть зубным, межзубным, альвеолярным или палатальным [Киселёва, 2012, с. 168-170]. Так, на конце или перед гласными звуками /e/, /i/ он смягчается, а в сочетании с согласными, либо гласными /a/, /o/, /u/ становится чётким зубным или межзубным. В испанских словах, применяемых в «спанглише» без изменений, двойной “l” в случае, когда говорящий – носитель испанского языка, сохраняет звук /й/, либо смягчённый /l/ (в зависимости от территориальной принадлежности). Однако говорящие на «спанглише», имеющие в качестве родного языка английский, часто произносят “ll”, как обычный /l/. Так, например, слова “lave” (лава) и “llave” (ключ) могут произноситься таким говорящим идентично [Klee, Carol у Andrew Lynch, 2009, pp. 128-154].

Кроме того, аналогично испанскому языку, в словах, заимствованных из английского, либо изменённых на их основе, буква “g”, имея после себя фонемы /e/ и /i/, произносится, как смягчённая, но отчётливая /h/. Например, подобное можно наблюдать в словах “registrar” (англ. “to register” – регистрироваться, отмечаться), “villager” (Stavans, 2018: “persuadea a un villager”), “passage” (Stavans, 2018: “incluía un passage”), “forgetear” (Stavans, 2018: “forgetear su vida”).

В отдельных случаях можно наблюдать замену сложного для испаноговорящих губного звука /w/, не существующего в испанском языке, на /u/, если он находится в середине слова или после согласной, или на /gu/, если в начале слова. Для примера можно привести такие присущие «спанглишу» слова, образованные от английского, как “suéter” (от англ. “sweater” – свитер), либо “güisqui” (англ. “whiskey” – виски), “guáchate” (англ. “watch out” – поберегись) [Ramírez, 1992, pp. 186-188].

Также, как было отмечено ранее, определённую сложность в произношении для испаноязычных представляет фонема /ʃ/. Для преодоления сложности её озвучивания и во избежание ошибок, в некоторых словах «спанглиша» на письме английское окончание “tion” /ʃ(ə)n/ было заменено на испанское “ción” /si'on/, например, в

слове “aplicación” (от англ. “application” – заявление). Ударение здесь также меняется на испанский манер.

Вышеуказанный пример характерен для следующего фонетического изменения – *устранения удвоенных согласных* вследствие того, что в испанском языке имеется лишь удвоенная “l”, если слова не заимствованные. Примером подобного упрощения также могут быть такие слова, как “fútbol” (англ. “football” – футбол), “bil” (“bill” – счёт), “atender” (“to attend” – *в знач.* содействовать) [Nginios, 2011, pp. 118-126]. Подобное же правило применимо к английским глаголам, используемым в испанских временных формах: he compresado (англ.: have compressed), he foloweado (англ.: have followed) [Stavans, 2018, p. v].

Сверхдифференциация и реинтерпретация различий также характерны для «спанглиша» и наблюдаются в двух противоположных явлениях: *озвучивании изначально беззвучных фонем, либо же обеззвучивании изначально произносимых.*

Так, в «спанглише» произносятся некоторые фонемы, являющиеся *непроизносимыми в английском оригинале*. Это касается конечных букв (например, “e”), необходимых для корневых фонетических вариаций гласных в английском языке. Так, например, упомянутое выше слово “vote” читается как /bote/, то есть не только конечная непроизносимая “e” становится звучной, но и её влияние на корневую “o” пропадает. По всей видимости, это связано с характерным для испанского языка более простым произношением гласных, когда все они озвучиваются и имеют лишь по одной постоянной фонеме. Другим примером может служить выражение “cuatro días complete” [Stavans, 2018, p. 64], где английское слово “complete” произносится по аналогии с испанским /komple'te/. Также в некоторых случаях в неизменённых английских словах удвоенная гласная “e” может читаться, как двойной звук /e/, что более привычно для испанской фонетики. Реже можно наблюдать произношение удвоенной “o”, как два звука /o/, так как данная гласная не бывает удвоенной в испанском языке и характерна лишь для английских слов [Rosa, 2000, p. 201]. Кроме того, в таких словах, как “designeada”

[Stavans, 2018, p. vi] произносимая в английском эквиваленте “g” (“designed”) озвучивается при одновременном сокращении дифтонга /aɪ/ до звука /ɪ/.

В противоположность этому, *некоторые буквы, добавляемые в слова «спанглиша», становятся беззвучными* (обеззвучивание фонем). Так, согласные “q” и “g”, имеющие в речи после себя звуки /e/ или /ɪ/, для сохранения своего оригинального звучания требуют в написании последующей “u”, которая, как было отмечено ранее, не произносится. Например, это отчётливо видно в таких деформированных словах, как “parquear” (от англ. “to park” – парковаться), “baquear” (“to back up” – создавать резервную копию), “quechar” (“to catch” – ловить), “hanguar” (“to hang out” – развлекаться, тусоваться).

Ещё одной особенностью, отчасти упомянутой выше, является *смена ударения* некоторыми морфологически изменёнными и внешне сохранившимися словами. Как уже отмечалось, в словах с суффиксом “ción” /si'on/, например, в слове “aplicación”, ударение падает на последний слог, в отличие от исконно английского application. Другой подобный пример – изменённое слово “transubstanciación” [Stavans, 2018, p. vi] (от англ. “transubstantiation”).

Меняют ударение прилагательные, оканчивающиеся на “able”, где, в отличие от аналогичного английского окончания, произносятся все буквы и ударение падает на “á”. Например, это затрагивает, как внешне неизменные “believable” и “usable”, которые звучат как /belɪvə'ble/ и /usə'ble/, так и изменённый “aflictible” (от англ. “afflict” – «причинять боль»).

Кроме того, в отдельных словах наблюдается *неверная дистрибуция фонем*, что выражается в отсутствии редукции гласных в безударных слогах, и *неправильное выставление ударения* [Киселёва, 2012, с. 166-173]. Подобное можно наблюдать в следующих примерах: “improve” [improv], “nowadays” [nauerdeis], “automobiles” [automobils], “issuing” [isuin], “climate” [klimeit], “battle” [batl] и т.д.

Следует обобщить, что ударение меняется, в основном, согласно

испанской фонетике, так как испанское словообразование характеризуется более чётко выраженной суффиксацией и отдельным акцентированием суффиксов. Таким образом, при наличии схожих форм, слова могут подвергаться фонетической интерференции, что делает их на слух отличными от изначального произношения.

Интонационные особенности также могут подвержены влиянию языкового смешения. Согласно А.Абдуазизову, интонация представляет собой изменение высоты тона или мелодику речи, а также уровни ударения, которые сопровождают высказывание. Мелодия речи, воспринимаемая как изменение высоты тона, является одним из основных компонентов интонации, но не равна ей [Abduazizov, 2007, p. 178].

Согласно исследованию, проведённому M.G.Valenzuela Farías, испаноговорящим представляется сложным различать нюансы в высоте тона английских фраз [Valenzuela Farías, 2013, p. 1064]. Различия в интонации двух составляющих языков проецируются на разговорную речь на «спанглише». Д.Боуэн выявил, что испанская интонация имеет слабое и сильное ударение, три терминальных соединения (восходящее, нисходящее, выдержанное) и три различных вида уровней тона (низкий-1, средний-2, высокий-3) [Bowen, 1956, pp. 30-35]. В свою очередь, английская интонация характеризуется пятью уровнями тона (два нисходящих: высокий и низкий; два восходящих: высокий и низкий; один нисходяще-восходящий тон) [Abduazizov, 2007, p. 184].

Говорящие на «спанглише», произносящие высказывания смешанной формы, переносят интонационные модели испанского языка также и не английские составляющие. Более того, в вопросах, требующих утвердительного или отрицательного ответа, Д.Боуэн обнаружил, что восприятие испаноязычными предложений с английской составляющей также несколько искажается, приводя к повышению интонации [Bowen, 1956, pp. 30-35; Valenzuela Farías, 2013, p. 1065].

В свою очередь, R.Graham утверждает, что поскольку испанский язык имеет узкую вариацию интонации, носители смешанных форм

имеют тенденцию переносить высоту испанского тона также на английский, получая в результате «плоский» звук. Отсутствие сверхвысокой тональности в испанском языке приводит к тому, что эмфатическая интонация в «спанглише» при произнесении испаноязычными звучит как обычное высказывание для английского слушателя, создавая ощущение «плоского» звука. Вместе с тем, фразы на «спанглише», воспроизведённые англоговорящими, для испанского слушателя имеют сверхвысокую тональность [Graham, 1978, pp. 95-101].

Подводя итог, в «спанглише» фонетическая интерференция проявляется при влиянии фонетических норм испанского языка на английские слова и фразы, как изменённые, так и сохранившие своё оригинальное написание, и гораздо реже – влиянии английских фонетических норм на испанское произношение. Среди типов фонетической интерференции в «спанглише» наиболее характерны а) неразличение отдельных звуков английского языка; б) замена одних гласных звуков другими; в) замена одних согласных звуков другими; г) озвучивание фонем, не требующих произношения; д) добавление непроектируемых букв в некоторые изменённые английские слова; е) изменение положения ударения в словах. Это отражается в недифференциации, сверхдифференциации, реинтерпретации различий, либо субституции звуков, в зависимости от типа фонетической модификации.

3.2. Морфологическая интерференция

Морфологическая интерференция – это нехарактерное применение грамматических форм слов с изменениями, внесёнными на морфемном уровне. Она основана на различиях в категориях и признаках частей речи, таких как несоответствие рода существительных, форм глаголов, наличия или отсутствия артиклей. Часто встречается своего рода частичное заимствование, когда, например, корень заимствуется из второго языка, сохраняя исходное

значение, но грамматическая форма или морфемные компоненты берутся из первого языка.

Вместе с тем, спорным является само понятие «морфологической интерференции», так как лингвисты придерживаются кардинально различных точек зрения касательно подобного влияния. Так, согласно Э.Сепиру, возможность обнаружения «морфологического взаимовлияния» крайне мала, а найденные формы характеризуются лишь поверхностным взаимопроникновением [Sapir, 1921, p. 217]. В свою очередь, Х.Шухардт утверждает, что «Даже столь тесно связанные морфемы, как флексии, не застрахованы от вторжения иноязычного материала» [Schuchardt, 1928, Z. 195]. По утверждению Э.Хаугена «Межъязыковое отождествление распространяется и на значащие элементы, которые мы будем называть морфемами; сюда относятся корни, основы слова, приставки, суффиксы – короче говоря, любые минимальные звуковые отрезки, обладающие значением. ...Интерференция морфем возникает вследствие идентификации либо их звуковой оболочки, т.е. фонологических составляющих, либо их значения» [Хауген, 1972, с. 70].

Противоречивости мнений способствует отсутствие чёткого разграничения грамматической и морфологической интерференции, так как большинство грамматических изменений происходит вследствие изменения формы слова, то есть морфем. Кроме того, не всегда происходящие изменения носят абсолютный характер, то есть в одном случае слово может приобрести морфему и соответствующую грамматическую форму, в другом – схожее слово не приобретает их.

Т.Шишкина выделяет следующие возможные причины возникновения интерференции при использовании категорий частей речи:

- у говорящего отсутствует должное понимание контекста воспроизводимой информации;
- схожие грамматические категории первого языка накладываются на второй, и аналогично используются схожие морфемы для выражения данных категорий;

· прямые грамматические соответствия используются при переводе формально [Шишкина, 1996, с. 15].

Таким образом, говорящий использует синонимичные способы выражения сходных грамматических значений там, где по факту эти способы не соответствуют друг другу в двух языках.

В.Алимов при рассмотрении морфологической интерференции при переводе утверждает, что на морфемном уровне она проявляется как результат отождествления морфем двух языков на основе схожести их формы или значения. Учёный указывает на следующие характерные интерферируемые единицы:

- интерференции подвергаются слова, отличающиеся в двух контактирующих языках формами рода и числа;
- интерференции по аналогии подвергаются предлоги;
- интерференции подвергаются местоимения и другие части речи, имеющие падежные формы [Алимов, 2005, с. 98-99].

К проявлениям морфологической интерференции мы можем также отнести следующие, указанные У.Вайнрайхом:

- перенесение морфем связанной грамматической функции;
- перенесение морфем для восполнения недостаточности ресурсов вокабуляра другого контактирующего языка;
- копирование функций эквивалентных морфем (на основе либо внешней схожести, либо сходства их предыдущих функций) [Вайнрайх, 1979, с. 63-73].

«Спанглишу», представляющему собой смешение английского и испанского языков, присуща развитая морфологическая интерференция. Наиболее характерными выражениями морфологической интерференции в «спанглише» являются:

- использование модифицированных слов, где к английской основе присоединяется испанский аффикс, придающий слову характерные для испанского языка грамматические свойства;
- использование составных грамматических форм, часть которых передаётся английским, а часть – испанским языком.

Одним из частых проявлений морфологической интерференции

является следующее: к основе, взятой из английского языка, добавляются присущие испанскому языку морфемы, что приводит к соответствующим грамматическим изменениям.

Рассмотрим окончание множественного числа существительных, когда к словам, которые оканчиваются на согласную, добавляется окончание -es, что редко используется в английской грамматике, но характерно для испанского языка, где слова, заканчивающиеся на согласные, берут подобное окончание множественного числа. Например, множественное число существительного “store” в «спанглише» будет “las stores”, что стандартно и для английского языка, однако, -е в окончании чаще всего озвучивается. Вместе с тем, в случае широко используемого слова “mall” возможны такие варианты, как “los malls” или, что более характерно, “los malles”. Другими примерами подобного окончания могут служить следующие сочетания “mis sines” (от англ. “sin” – грех), “los donutes” (от англ. “doughnut” – пончик), “dos piles” (от англ. “pill” – таблетка).

В отдельных редко встречающихся случаях можно отметить получение также и английскими прилагательными окончания множественного числа, как существительные или местоимения, к которым они относятся. Например, возможен такой вариант, как “botellas greenes” [Hinojosa-Smith, 1977, pp. 96-102], где английское прилагательное “green” («зелёный») получает окончание множественного числа -es, перенимая число существительного “botellas” («бутылки»), к которому относится; либо “caracteres fancifuls” («воображаемые герои») [Stavans, 2018, p. v], где прилагательное “fanciful” получает окончание множественного числа, как и существительное “carácter”. Вместе с тем, более распространены такие варианты, как “cuatro días complete”, “códigos mechanical” [Stavans, 2018, pp. 64, vi], где английские прилагательные “complete”, “mechanical” остаются неизменными, несмотря на множественное число существительных перед ними.

В вышеупомянутых примерах с заимствованными существительными следует отметить присутствие испанских

артиклей, употребляемых с заимствованными с английского языка словами. С фонетической точки зрения, произношение испанских артиклей проще для испаноговорящих и является более часто наблюдаемым, так как в них отсутствует сложный для произношения звук [ð]. В данном случае на английские существительные, не имеющие рода, налагается родовая форма испанских существительных.

Подобное *наложение формы рода на английские слова* производится, в основном, аналогично роду их испанских эквивалентов, что можно заметить по зависимым от них словам. Так называемый «фантомный» род может быть идентифицирован не только по артиклю, но по зависимому прилагательному, причастию или местоимению. Например: “*un superhero/un villager/un greyhound/un knight/una ceremony/un clown/una secret/un hole/una feminist/un room/una wife/un outlet/un raisin/un hamster/un preacher/un spike-heel*”, “*el fact/el chase/el trash/el castle/el crowd/la bag/la waitress/el reader/el poster/el return/la agency/el lobby/el hotel*”, “*último thought*”, “*los joys/los bones/los people/las applications/los arms*”, “*esta society/este stage/esta distinction*”, “*esos gentlemen/esa sword*”, “*poquito sleep*”, “*tanto reading*”, “*master mío*”, “*estimado peasant*”, “*mucho damage*”, “*maldito sinner*”, “*otro dreamer*”, “*todo el weekend*” и т.д. [примеры взяты из: Stavans, 2018; Braschi, 2011; Vega, 1977], где окончание *-o* или нулевое окончание означают принадлежность к мужскому роду, а окончание *-a* – к женскому. Вместе с тем, всегда имеются исключения, например, слово “*pil*” (*el pil*), образованное от английского *pill* (таблетка), мужского рода, в то время как его аналог на испанском *pastilla/tableta* – женского. Возможно, это связано с тем, что слово оканчивается на согласную, что присуще испанскому мужскому роду существительных. Использование английских артиклей с испанскими существительными также было отмечено, но оно не оказывает влияния на грамматические характеристики испанских слов.

Распространённым проявлением морфологической интерференции является *образование глаголов и глагольных форм*.

Инфинитив глагола может образоваться в «спанглише» путём присоединения к заимствованной из английского языке основе суффикса *-e-* (в отдельных случаях) и испанских глагольных окончаний *-ar*, *-er*, *-ir*, соответствующих I, II, III спряжению. I спряжение с окончанием *-ar* является самым распространённым. Так образованы глаголы “*brunchear*” (“to have brunch” – «есть поздний завтрак»), “*parquear*” (англ. “to park” – «парковаться»), “*colapsar*” (“to collapse” – «терпеть крах»), “*faxear*” (“to fax” – «отправлять по факсу»), “*foreshadowear*” (“to foreshadow” – «предвещать»), “*pushear*” (“to push” – «толкать») и т.д.

Модифицированные глаголы вместе с окончанием получают грамматическую характеристику спряжения, отсутствующую в английском языке, и, таким образом, могут спрягаться по лицам. Также приобретаются соответствующие категории времени, что выражается в изменении глагольных окончаний, как это характерно в испанском языке. Разберём изменённый глагол “*leadear*” (I спряжение), образованный от английского “to lead” («вести», исп. вариант – “*guiar*”). Глагол может спрягаться по лицам и числам:

yo leadeo	nosotros leadeamos
tu leadeas	vosotros leadeáis
el, ella leadea	ellos, ellas leadean

Рассмотрим формы спряжения простого прошедшего времени данного глагола:

yo leadeé	nosotros leadeamos
tu leadeaste	vosotros leadeáis
el, ella leadeó	ellos, ellas leadearon

Подобным же образом формируется простое будущее время:

yo leadearé	nosotros leadearamos
tu leadearás	vosotros leadearáis
el, ella leadeará	ellos, ellas leadearán

Примером модифицированного глагола другого спряжения может служить глагол “*draidir*” (III спр.) [Stavans, 2018, p. 3], образованный от английского “to dry” («сохнуть», исп. “*secarse*”). Продемонстрируем его склонение по лицам в настоящем и простом

прошедшем времени:

Наст.: yo draido	nosotros draidimos
tu draides	vosotros draidís
el, ella draide	ellos, ellas draiden
Прош.: yo draidí	nosotros draidimos
tu draidiste	vosotros draidisteis
el, ella draidíó	ellos, ellas draidieron

Примечательно, что из найденных нами в различных материалах изменённых глаголов (более 70) только три относятся к III спряжению: указанный выше “*draidir*”; “*metir*”, образованный от английской формы “*meet*” («встретить») при наличии испанского глагола “*encontrar*”, и “*sir*” – от англ. “*to see*” («видеть») наряду с имеющимся испанским глаголом “*ver*”; были найдены лишь два глагола II спряжения “*enjoyer*” – от англ. “*enjoy*” («наслаждаться») взамен испанского “*disfrutar*”, “*atender*” – от англ. “*attend*” («посещать, присутствовать») взамен “*asistir*”. Остальные найденные интерферируемые глаголы относятся к I спряжению (-ar).

Стоит также отметить, что изменённые глагольные формы при применении с личными местоимениями в винительном падеже пишутся по аналогии с испанским языком, то есть слитно: “*weakenearme*” (англ. “*reminds me*”), “*leadearlo*” (англ. “*lead him*”).

Возвратные глаголы с окончанием -se также спрягаются на испанский манер. Например, это видно по модифицированному глаголу “*friquearse*” («изумляться, дурачиться»):

Наст.: yo <i>me</i> friqueo	nosotros <i>nos</i> friqueamos
tu <i>te</i> friqueas	vosotros <i>os</i> friqueáis
el, ella <i>se</i> friquea	ellos, ellas <i>se</i> friquean

«Спанглиш» приветствует метод максимально возможного упрощения, поэтому более сложные временные формы применяются нечасто. В случае их использования, образование происходит аналогично схожим формам испанского языка. Вместе с тем, необходимо отметить, что при образовании перфектных форм в «спанглише» вспомогательный глагол “*haber*” может быть иногда замещён аналогичным английским глаголом “*to have*”. Например, это

можно наблюдать в глагольной форме “*had been enamorado*” вместо испанской версии “*había estado enamorado*” («был влюблён») или “*we have oído*” вместо “*hubimos oído*” («мы слышали»), “*el has prometido*” вместо “*hubo prometido*” [примеры взяты из: Stavans, 2018].

В случае использования неизменённых английских глаголов в контексте на испанском языке присущие им оригинальные грамматические формы и характеристики могут как сохраняться, так и быть изменены под влиянием испанской грамматики: “*estás exaggarating*” (“*you are exaggarating*” – «ты преувеличиваешь») [Stavans, 2018, p. 76]; “*estaba runeando*” (“*was running*” – «бегал») [Fernández-Ulloa, 2004]. Также может быть и обратный вариант – “*are haciendo*” (“*are doing*”), “*will curar*” (“*will cure*”), “*will obedecer*” (“*will obey*”), “*don’t necesita*” (“*don’t need*”), “*don’t preocupes*” (“*don’t worry*”), “*will llevarlo*” (“*will bring him*”), “*didn’t aceptar*” (“*didn’t accept*”), “*didn’t escribir*” (“*didn’t write*”), “*didn’t matarlo*” (“*didn’t kill him*”) [Stavans, 2018], где английский вспомогательный глагол соседствует с испанской глагольной формой. В этом случае испанский глагол может менять своё окончание в соответствии с правилами данной грамматической формы, завися и от английской, и от испанской грамматики.

Для иллюстрации взаимодействия испанских модальных глаголов и временных форм с изменёнными английскими глаголами можно представить несколько примеров из “*Don Quixote of La Mancha*” И.Стэванса [2018]:

«спанглиш»	английская форма	испанская форма
he <i>shapeado</i>	has shaped	he formado
<i>foreshadoweando</i>	having foreshadowed	presagiando
he <i>compresado</i>	have compressed	he comprimido/acortado
he <i>foloweado</i>	have followed	he seguido
<i>showcasean</i>	showcased	demonstran/exponen
<i>fitea</i>	fits	conviene
habiendo <i>foundeado</i>	have been found	habiendo fundado

está <i>kidnapeando</i>	is kidnapping	está secuestrando
-------------------------	---------------	-------------------

Таблица 1. Примеры взаимодействия испанских модальных глаголов и временных форм с изменёнными английскими глаголами.

Также возможно *образование отглагольных причастных форм* с помощью суффиксов причастий -ado/ada, -edo/eda, -ido/ida (согласно спряжению глагола). Приведём примеры: “unfinisheada” (англ.: “unfinished”, исп.: “incomplete”), “diseñeada” (англ.: “designed”, исп.: “diseñado”), “useda” (англ.: used, исп.: usada) [Stavans, 2018] и т.д., где причастия женского рода оканчиваются на -а, а мужского – на -о.

Следует отметить *интерференцию при использовании смешанных фраз с модальным глаголом*. Возникает вопрос, является ли использование после английского глагола *must* испанского инфинитива, например, во фразах “must descansar”, “must haberlo” [Stavans, 2018, pp. 21-22], грамматической ошибкой. По факту частица “to” не применяется, но окончания -ar/-er уже означают неопределённую форму. Встречаются и вовсе странные гибриды лица и времени, как “*Usted must estar kidding*” (“You must be kidding”) [Stavans, 2018, p. 43].

Кроме вышеупомянутых проявлений морфологической интерференции, среди её подвидов У.Вайнрайх указывает «*копирование функций эквивалентных морфем*», к которым также могут относиться свободные морфемы. В данном случае морфемы со сходными значениями и грамматическими функциями могут отождествляться друг с другом в интерферирующих языках. Кроме того, морфемы, схожие внешне, могут также отождествляться и взаимозамещаться [Вайнрайх, 1979, с. 73-74].

Например, такие предлоги, как испанский *en* и английские *in/on* во фразах со схожим значением, а также в связи с внешним сходством предлогов, могут быть подменены. В таких примерах, как “*on la superficie*” (исп. “*en la superficie*” – «на поверхности»), “*en spite de que*” (англ. “*in spite of which*” – «вместо которого»), “*vive in our hearts*” (англ. “*lives in our hearts*”, исп. “*vive en nuestras corazonas*” – «живёт в наших сердцах») [Stavans, 2018], можно наблюдать как замещение английского предлога испанским, так и наоборот.

Другим вариантом замещения эквивалентных морфем может быть *взаимозамена аналогичных грамматических форм*. Например, во фразе “forget *de incluir*” видна замена инфинитива, присущего английскому глаголу forget (to include), на испанскую предложную форму, характерную для подобной фразы olvidar *de incluir*. Подобное также видно во фразе “stop *de amenazar*”, “stop *de leer*”, где герундий stop threatening/reading заменяется предложной формой по аналогии с dejar *de amenazar/de leer*. Подобное же явление видно в примере другой части речи – прилагательного: “*la más beautiful*”, где происходит слияние аналогичных форм превосходной степени прилагательных двух языков (англ. “the most *beautiful*”, исп. “*la más linda*”) [примеры взяты из: Stavans, 2018].

Вместе с тем, нами было замечено также такой случай, как *избыточная грамматическая форма*, когда происходит удвоение функциональных морфем, например, “allowed me to entender” [Stavans, 2018, p. vi], где испанский глагол с окончанием -er уже стоит в инфинитиве, но перед ним имеется частица to, которая в английском языке также обозначает инфинитив. То есть происходит удвоение неопределённой формы после английского глагола allow, которой этот инфинитив требует. Другие подобные примеры включают: “to completar”, “wanted to hacerse”, “ready to luchar”, “be sure to mantener” [Stavans, 2018].

Таким образом, в «спанглише» морфологическая интерференция выражается в приобретении некоторыми английскими словоформами суффиксов и окончаний, присущих испанской грамматике, что также влияет на изменение грамматических свойств слов. Также могут возникнуть сложные грамматические формы, где происходит смешение английских и испанских составных частей. Морфологическая интерференция в «спанглише» может касаться различных частей речи, что выражается в родовых характеристиках существительных, спряжении глаголов, числе прилагательных и т.д. Также наблюдаются такие проявления, как копирование функций эквивалентных морфем и использование избыточной грамматической формы.

3.3. Лексическая интерференция

Одним из наиболее распространённых видов интерференции является лексическая интерференция. Причин для подобного явления достаточно много. Словарный состав языка гибок, одни слова перестают использоваться, другие – меняют своё значение. При определённых фонологических и грамматических изменениях могут образоваться неудобные в применении омонимичные пары, в результате чего один из подобных омонимов выходит из употребления [Вайнрайх, 1972, с. 42]. Отдельные сферы употребления нуждаются в увеличении числа синонимов, что наиболее актуально для экспрессивной лексики. Кроме того, повсеместное технологическое развитие и межнациональные контакты способствуют заимствованию слов и словосочетаний. Всё это приводит к активной текучести лексического слоя языка, в результате чего даже при минимальном языковом контакте возможна интерференция.

Вместе с тем, следует отличать лексическую интерференцию, выражаемую в некорректном перемещении слов из одного языка в другой, что ведёт к лексической избыточности, и передвижение слов для восполнения дефицита в контактирующем языке. У.Вайнрайх в своей монографии не подразделял эти два явления. На наш взгляд следует разграничить интерференцию и заимствование, так как последнее является одним из инструментов интерференции и при дальнейшем развитии – способом обогащения языка.

Как утверждает У.Вайнрайх, причина возникновения лексической интерференции заключается в следующем: «Представим себе двуязычного носителя языков S и C, отождествляющего слово S1 языка S с некоторым словом C1 языка C, затем слово S2 со словом C2 и т.д. Но вот для простого слова S6 и для сложного слова (S7+S8)+S9 он не находит подходящих эквивалентов в языке C. Пожалуй, основополагающим условием для лексической интерференции и является подобное ощущение лексического «дефицита» (lexical “gap”))» [Вайнрайх, 1979, с. 42-43]. То есть в

случае периодического совпадения схожих по значению слов в двух контактирующих языках при столкновении с неизвестным для говорящего не схожим словом говорящий ошибочно применяет предыдущий принцип соответствия. Лексическая интерференция представляет собой так называемый «принцип ложной аналогии» [Цегнер, 2014, с. 21], что может выражаться в следующем: в вышеупомянутом заимствовании и в калькировании.

Вместе с тем, заимствование также может принимать различные формы: слово может перениматься внешне неизменённым (если его морфологическое наполнение не противоречит нормам принимающего языка) и может измениться внешне, приняв определённые морфемные составляющие, характерные для принявшего языка. Звучание может остаться максимально сходным с изначальным вариантом, а может адаптироваться к фонетике принимающего языка. Касательно семантического наполнения, значение может сохраниться неизменным, а может пойти по пути так называемых «ложных друзей переводчика». Данное явление возникает, когда схожие внешне слова в двух языках имеют различное значение, но при перенятии слово из одного языка перенимает значение похожего слова из другого.

Для понимания прочих возможных причин лексической интерференции обратимся к вопросу межъязыковых лексических соответствий. Л.Бархударов [1980, с. 11-17] подразделяет их на полные соответствия (полное совпадение лексических значений слов двух языков), частичные соответствия (одному слову языка А соответствует два или более слова языка Б) и отсутствие соответствий (безэквивалентная лексика). Неправильное или нехарактерное использование второго и третьего типов может стать причиной лексической интерференции.

И.Кузнецова рассматривает лексическую интерференцию как «двухстороннее (в плане выражения и плане содержания) сближение лексических единиц одного или разных языков, обусловленное их фонетическим сходством и проистекающим из него семантическим уподоблением, что приводит к произвольному (ошибочному) или

произвольному (стилистическому) нарушению языковой нормы» [Кузнецова, 1998, с. 3]. Лингвист подразделяет интерференцию в области лексики на три типа:

- внутриязыковая паронимия: смешение сходных слов одного языка;

- диапаронимия: смешение значений сходных слов двух и более языков («ложные друзья переводчика»);

- паронимическая аттракция: осознанная замена сходных слов для достижения особого стилистического эффекта [Кузнецова, 1998, с. 12].

В рамках данного исследования лексической интерференции, в связи со спецификой смешанных языков, нами рассматривается, наряду с указанными выше видами заимствований, лишь диапаронимия.

Выделяют следующие подвиды диапаронимов [Кузнецова, 1998, с. 41-45]:

- синонимические, возникающие при наличии формального и семантического сходства, когда возможна замена одним словом другого без ощутимой интерференции;

- контактные, когда имеется функциональное, но не словарное сходство. Приведём пример для лучшего понимания: английское слово “humanist” (гуманист) аналогично по значению и форме испанскому “humanista”, в то время как английское “humanitarian” (гуманитарный, гуманный) соответствует испанскому “humanitario”. Некорректная замена одного из слов другим однокоренным словом приводит к значительной интерференции на морфологическом и лексическом уровнях;

- дистантные, когда нет смыслового сходства, но есть сходство формальное, что способствует экстраверсивной интерференции, например, формально схожи английское существительное “grocery” и испанское “grosería”, притом, что первое означает «бакалею», а второе – «грубость».

В то же время, Л.Лобковская не придерживается подобной классификации и в противовес термину «диапаронимия» предлагает

понятие межъязыковой омонимии. Так, согласно Ш. Балли: «Омонимами называются два знака, имеющие тождественные означающие и различные означаемые» [Балли, 1955, с. 189], что, в целом, может быть применено и к межъязыковым эквивалентам, схожим по звучанию/написанию и различающимся по значению. На основании рассмотрения внешне схожих слов в различных родственных и неродственных языках Л.Лобковская предлагает отнести «ложные друзья переводчика» именно к межъязыковой омонимии, как явление формально идентичное на одном из рассматриваемых языковых уровней (в основном, лексики), но семантически отличающееся [Лобковская, 2012, с. 82]. Вместе с тем, сама автор с статье утверждает, что к межъязыковой омонимии следует относить только слова разной этимологии, цитируя слова Н.Гарбовского: «полное несовпадение плана содержания, т. е. отсутствие общих элементов смысла встречается в случайных межъязыковых омонимах, не имеющих этимологических связей. Так, английское слово *crane*, соответствующее по значению русскому *кран*, заимствованному из немецкого и обозначающему подъёмное устройство, не соответствует французскому *crâne*, означающему череп; английское слово *crab* обозначает не краба, а лобковую вошь и созвездие Рака в отличие от французского слова *crabe*, совпадающего по основному значению с русским словом краб. Русское слово *крик* случайно совпадает по форме с французским словом *cric*, обозначающим домкрат» [Гарбовский, 2004, с. 337].

В этой связи, явление лексической интерференции, рассматриваемое нами в рамках «спанглиша» как «ложные друзья переводчика», в большинстве случаев не может быть отнесено к межъязыковой омонимии, так как новообразованные слова «спанглиша», которые формально схожи с отдельными словами английского либо испанского языка, почти всегда имеют общее с ними происхождение.

«Спанглиш», представляющий собой смешение английского и испанского языков, характеризуется развитой лексической интерференцией. Так, наиболее распространённые формы проявления

лексической интерференции в «спанглише» следующие:

- использование в испанской речи отдельных широкоупотребимых английских слов;
- соединение словосочетаний на английском и испанском языках в рамках одного предложения, а также предложений – в рамках одного контекста (переключение кодов);
- изменение в составе устойчивых выражений;
- изменение в смысловом значении используемых слов.

Применение отдельных широкоупотребимых слов английского языка в испанском контексте является одним из частых проявлений лексической интерференции. Распространены включения таких слов, как “mall” («торговый центр»), “store” («хранилище, магазин»), “shopping” («поход по магазинам»), “meeting” («собрание, совещание, встреча»), “schedule” («расписание»), “clash” («столкновение») [Juarros-Daussa, 2012], “okay”, “quest” («квест») [Stavans, 2018], “sunglasses” («солнцезащитные очки»), “trash” («мусор»), “poster” («афиша»), “lobby” («вестибюль»), “fuss” («суета») [Vega, 1977], “money” («деньги»), “key” («ключ»), названий напитков и продуктов питания [Braschi, 2011] и т.д. В связи с популяризацией комиксов и основанных на них фильмов, стали популярны также такие слова, как “hero” (исп. “héroe”), “superhero”, и, в целом, приставка “super”.

Например, обычными являются фразы наподобие “Te veo ahorita, me voy de *shopping* para el *mall*” («До скорого, я собираюсь пройтись по магазинам в торговом центре»), “Yo fui a la *store*” («Я ушёл в магазин») [Осинцева, 2016], “*Okay*, amigos” («Хорошо, друзья»), “*Okay*, but no se enoje” («Хорошо, но не раздражайтесь» [Stavans, 2018], “Tú tienes las *keys*” («У тебя есть ключи»), “Hoy tengo que salir. *Department meetings*. Tú comprenderás” («Сегодня я должен уйти. Служебные встречи. Ты поймёшь») [Braschi, 2011]. Использование артиклей в вышеуказанных примерах является наложенным грамматическим аспектом заимствованных из английского языка слов. В прошлом разделе нами была отмечена подобная возможность по аналогии с испанскими родовыми характеристиками

существительных, которые выражаются при помощи неопределённых (un, una) и определённых (el, la) артиклей. В проанализированных примерах также отмечается наложение рода и числа испанских эквивалентов данных понятий на используемые английские слова. Так, использованное в испанском контексте английское существительное “mall” («торговый центр», исп. – “un/el centro comercial”) приобретает артикль мужского рода “el” и соответствующий род. “Store” («магазин», исп. – “una/la tienda”) по аналогии получает артикль женского рода “la”. “Key” («ключ», исп. “una/la clave”) также приобретает женский род с артиклем “la”, а в указанном примере видно также совместное изменение числа артикля и существительного “las keys”.

В некоторых случаях испанские существительные получают английские артикли (аналогично испанским определённым и неопределённым), например, “show us *a* retrato”, “I have *an* esposa”, “*an* amigo of mine”, “*the* misericordia” [Stavans, 2018, pp. 17, 22, 25].

В отдельных случаях из одного составляющего языка в «спанглише» перенимаются слова, имеющие более короткую форму по сравнению с аналогичными словами второго языка. Это могут быть одиночные вкрапления, произвольно используемые в контексте на другом составляющем языке. Так, например, в Пуэрто-Рико повсеместно заменяют испанское “porque” на “so” («поэтому»).

Крайне распространённым выражением лексической интерференции является *смешение испанских и английских слов, словосочетаний либо фраз в рамках одного предложения, либо смешение двуязычных предложений в одном отрезке речи, то есть переключение кодов*. Встречаются смешанные предложения наподобие “He needs *llevar un* suit” («Ему нужно носить костюм»), где отмечается внутреннее переключение кодов, когда фраза на испанском обрамлена словами/фразами на английском. Следует отметить, что согласно правилам английской грамматики после глагола “need” необходимо использовать глагол в инфинитиве, что отображается в испанской составляющей предложения, а именно окончанием неопределённой формы глагола “llevar”.

Вместе с тем, как было отмечено в прошлом разделе, может наблюдаться смешение грамматических правил, как во фразе “*must descansar*” («должен отдыхать»); замена формы, как во фразе “*forget de incluir*” («забыл включить») или избыточность формы – “*to entender*” («понимать») [Stavans, 2018].

В некоторых случаях словосочетания смешиваются без изменения исходной грамматической формы, например, “*I’m sorry I can’t attend next week’s meeting porque tengo una obligacion de negocios en Boston, pero espero que I’ll be back for the meeting the week after*” («К сожалению, я не смогу присутствовать на встрече на следующей неделе, так как должен быть по делам в Бостоне, но, надеюсь, что вернусь к встрече, которая будет на неделю позже») [Stavans, 2003, p. 65]. В данном примере отмечается спонтанное плавное переключение кодов, основанное на устойчивом двуязычии говорящего на смешанном языке.

Переключение кодов как с вкраплением одиночных слов, так и целых фраз второго языка наблюдается в романе И.Стэванса “*Don Quixote of La Mancha*”, например: “*There was una very good-looking jovencita de rancho who vivía cerca, with whom él had been enamorado una vez*”. («Была одна очень привлекательная сельская девушка, живущая неподалёку, в которую он однажды был влюблён»); “*Uno es y slim y rico y single y educado e idealista while el otro es bajo y gordo y pobre y casado y casi iletrado y materialístico, o maybe un mejor término es practical*” («один и стройный, и богатый, и одинокий, и образованный, и идеалист, в то время как другой низенький, и толстый, и бедный, и женатый, и почти необразованный, и материалист, или, может быть, лучшим термином будет – практичный»), “*Who knows, but in the futuro, when the verdadera historia of my famous deeds sea contada, the sages que la lean, la aplaudirán y la esparcirán por todo el mundo*” («Кто знает, но в будущем, когда истинная история моих выдающихся поступков будет рассказана, мудрецы, которые её читают, будут ей рукоплескать и распространят её по всему миру») и т.д. [Stavans, 2018]. В данных примерах мы можем наблюдать словосочетания, отдельные слова, а

также одиночные артикли и предлоги в окружении контекста на втором составляющем языке.

Другим произведением на «спанглише», основанном, в основном, на лексической интерференции, является “Yo-yo Boing!” Дж.Браски, например: “*No te acuerdas que te dije that I had a dream I was pregnant*” («Ты не помнишь, что я сказала тебе, что мне приснилось, что я беременна»), “*Scandalizing the neighbors, interrumpiendo su sueño, tirando keys, tijeras, dishes al suelo*” («Скандалишь с соседями, прерывая их сон, бросая ключи, ножницы, тарелки на пол») и т.д. [Braschi, 2011].

В целом, произведения латиноамериканских писателей и поэтов на «спанглише» характеризуются, в основном, лексической интерференцией. Например, её можно наблюдать в отрывке из стихотворения Хулии Альварес “I, Too, Sing América” [<https://poemotopia.com/julia-alvarez/>]:

... all of us	the big song
singing America,	that sings
the whole hemispheric	all America,
<i>familia</i>	<i>el canto</i>
belting our <i>canción</i> ,	<i>que cuenta</i>
singing our brown skin	<i>con toda América:</i>
into that white	<i>un new song! ...</i>
and red and blue song —	

В данном произведении используются как английские, так и испанские (курсивом) фразы, а также имеется морфологическая составляющая — наложение испанского неопределённого артикля мужского рода на английское слово “*un new song*” и английского определённого на испанское слово “*the whole...familia*”.

Рассмотрим примеры из произведений Хунота Диаса и Аны Лидии Вега: ““She was very *guapa*”, - I said casually. *Abuela* snorted: “*Guapa soy yo. Your mother was a diosa. But so cabeza dura. When she was your age we never got along*” [Díaz, 2007, p. 75] («Она была очень красивой», - буднично сказал я. Бабушка фыркнула: «Красива я. Твоя мать была богиней. Но твердолобой. Когда она была твоего возраста,

мы совсем не ладили»).

“I really had a wonderful time, - *dijo* Suzie Bermiúdez *a su jefe tan pronto puso un spike-heel en la oficina*” [Vega, 1977] («Я, действительно, замечательно провела время», - сказала Сьюзи Бермудес своему начальнику, как только надела в офисе туфли на шпильке).

В данных двух примерах также наблюдается переключение кодов (исп. – курсивом), а также морфологическая составляющая: наложение неопределённого артикля мужского рода на английское слово “*un spike-heel*”. Кроме того, примечательно обратное явление – наложение в первом примере английского неопределённого артикля на испанское слово “*a diosa*”.

Кроме того, активным переключением кодов, как уже было отмечено нами в первой главе исследования, характеризуются песенные тексты. Возьмём в качестве примера выдержку из текста песни Дженнифер Лопес с DJ Khaled “Dinero”:

“Me and *Benjamín Franco* stay at the *banco*
Getting checks like Nike, everywhere that I go
If you ain’t getting no pesos, *¿qué estás haciendo?*
Stack it up like Legos, *quiero dinero*”

Примечательно, что нет каких-либо правил сочетания фраз на английском и испанском языках: иноязычные вкрапления могут находиться как в начале (“*No te acuerdas que te dije* that I had a dream I was pregnant”) либо конце предложения (“Your mother was a *diosa*. But so *cabeza dura*”), так и в середине (“the big song that sings all America, *el canto que cuenta con toda América: un new song!*”); могут состоять из целых предложений (“It’s your own voice contradicting you. *No estoy enamorada*”), словосочетаний либо отдельных слов (“When we would take our long trips up Madison Avenue to Saint Ambrose, *que era mi Meca and mi meta*”).

Подобному же *переключению кодов могут быть подвергнуты устойчивые выражения*. Например, как это показано в Таблице 2:

«спанглиш»	английский оригинал	русский перевод
“shut your <i>boca</i> ”	shut your mouth	закрой свой рот
“ <i>abre</i> your <i>ojos</i> ”	open your eyes	раскрой глаза
“ <i>Qué diablos pasa</i> here?!”	What the hell is going on here?	Какого чёрта здесь происходит?
“for <i>un</i> while”	for a while	на мгновение
“May his soul be <i>en</i> <i>paz</i> ”	May his soul be in peace	Пусть покоится с миром
“ <i>I suicidio</i> ”	committed suicide	покончил с собой
“What <i>en esta tierra</i> are you...”	What on this earth are you...	Какого чёрта...
“ <i>en la otra</i> hand”	on the other hand	с другой стороны
“in <i>el nombre del</i> <i>Señor</i> ”	in the name of Lord	во имя Господа
“keep <i>un ojo</i> on”	keep an eye on	держат в поле зрения (следить)
“fell <i>enamorado</i> ” / “fell <i>en amor</i> ”	fell in love	влюбился (лась)

Таблица 2. Примеры переключения кодов в устойчивых выражениях на «спанглише» из романа “Don Quixote of La Mancha” I.Stavans, 2018.

В случае выражений “*en la otra hand*”, “What *en esta tierra*” стоит отметить замену предлога *on* на *en*, притом, что последний в испанском языке имеет, по большей части, значение «в», как английский “in”, нежели «на», как английский “on”. Это не может быть связано с аналогичным испанским выражением, так как подобные устойчивые выражения, связанные со словами «рука» и «земля» отсутствуют. В данном случае наблюдается рассмотренное в прошлом разделе монографии «копирование функций эквивалентных морфем», то есть замена по внешней схожести.

Кроме того, изменения в устойчивых выражениях могут происходить без переключения кодов, но под влиянием аналогичных выражений другого языка. В данном случае интерференция основана

на калькировании, то есть дословном переводе отдельных компонентов с одного языка на другой. Так, в «спанглише» присутствуют такие фразы, как “llamar para atras” (дословно: «позвонить обратно»), где применяется буквальный перевод английского “to call back” в значении «перезвонить». При этом устойчивым испанским выражением для данного значения является “devolver la llamada” (дословно: «вернуть звонок»). Другим примером может служить словосочетание «стиральная машина», которая в «спанглише» звучит как “máquina lavadora”, что является прямым аналогом английского сочетания “washing machine”. При этом имеется исконно испанский вариант “máquina de lavar” (дословно: «машина для стирки») [Juarros-Daussa, 2012]. Также в «спанглише» для выражения «это бессмысленно» имеется такое словосочетание, как “no hace sentido”, образованное под влиянием английского “it does not make sense” (дословно: «это не делает смысла»), при наличии испанской фразы “no tiene sentido” («не имеет смысла»). ¿Cómo puedo ayudarlo? («Чем я могу помочь?») является дословным переводом английской фразы “How can I help you?” вместо общепринятого испанского выражения “¿Qué desea?” («Что желаете?»).

Изменение в значении используемых слов представляет собой ещё один тип лексической интерференции. В данном случае происходит употребление по аналогии слов, схожих внешне в двух языках, но различных по значению, и отчасти затрагивается такое понятие, как «ложные друзья переводчика». Вместе с тем, данное неправильное значение сохраняется в «спанглише» при использовании таких слов. В основном, в данном случае влияние английской составляющей сильнее, и испанские слова зачастую приобретают значение формально схожих английских слов. В качестве примера можно привести наречие “actualmente”, которое в испанском языке обозначает «сейчас, в настоящее время», а в «спанглише» используется в значении «на самом деле» по аналогии с английским “actually”. Существительное “carpeta” с испанского языка переводится как «папка», но в «спанглише» из-за английского слова “carpet” приобретает значение «ковра» [Михеева, 2006, с. 47-93].

Существительное “grado”, переводящееся как «степень, категория, разряд», под влиянием английского “grade” приобрело также одно из значений «оценка, отметка». Существительное “grosería”, означающее в испанском языке «грубость», по внешней аналогии с английским “grocery” стало обозначать «бакалею». Глагол “soportar”, имеющий в испанском языке значение «держат, подпирать», в «спанглише» приобрел также значение моральной поддержки от английского “to support”. Глагол “atender” («внимать, учитывать») из-за английского “to attend” получил значение «присутствовать, посещать» [Juarros-Daussa, 2012].

В данном проявлении лексической интерференции важно то, что нельзя утверждать, что происходит обогащение языка за счёт заимствования слов, не имеющих эквивалентов в другом языке. Все слова, меняющие в «спанглише» значение по внешней аналогии, имеются в обоих составляющих языках. Так, «на самом деле» переводится “en realidad”, «ковёр» – “alfombra”, «оценка» – “nota”, «бакалея» – “comestibles”, «оказывать моральную поддержку» – “aroyar”, а «присутствовать» – “asistir”.

В целом, лексическая интерференция является наиболее распространённым видом интерференции в «спанглише». Она выражается в следующих формах: 1) заимствование в испанской речи отдельных популярных английских слов; 2) смешение словосочетаний и фраз английского и испанского языков в рамках одного предложения (code-switching), в том числе в составе устойчивых выражений; 3) калькирование при передаче устойчивых выражений с одного языка на другой; 4) изменение в испанском значении слов под влиянием внешне схожих слов второго языка (дианаронимия). В последнем случае лексическая интерференция имеет значимую семантическую составляющую.

3.4. Словообразовательная интерференция

Под словообразовательной интерференцией понимается образование слова в одном языке не по правилам данного языка, а

под воздействием другого языка.

В.Виноградовым в работе «Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии» [1952, с. 99-152] предложена следующая типология способов словообразования: а) морфологический/аффиксальный – при помощи приставок или суффиксов; б) лексико-семантический – основан на семантическом расщеплении полисемантических слов, когда одно из значений утрачивает семантические связи с остальными значениями, выделяясь в отдельное слово. Данный способ зачастую является причиной возникновения слов-двойников и омонимов; в) лексико-синтаксический – представлен слиянием элементов словосочетаний в устойчивое отдельное слово; г) морфолого-синтаксический – охватывает все случаи конверсии, а также, по мнению В.Виноградова, словосложение в процессе морфологического преобразования синтаксических единиц.

Вместе с тем, как показал анализ языкового материала, как для английского, так и испанского языка наиболее характерны следующие способы словообразования:

- словосложение – сложение двух или более корней;
- словопроизводство, подразделяемое на следующие виды:
 - ° аффиксация – образование новых слов при помощи приставок и суффиксов;
 - ° конверсия – переход одной части речи в другую без изменения формы и звучания слова (почти не используется в испанском);
 - ° аббревиатуры и сокращения слов.

Кроме того, одним из способов словопроизводства, присущих английскому языку, является чередование звуков и ударений, что нехарактерно в испанском словообразовании.

Процесс словосложения также может сопутствоваться аффиксацией. Также возможно образование слова путём потери присущего аффикса, которое называется усечением.

Для обозначения слов, берущих за основу слова одного языка и присоединяющих аффиксы, характерные для грамматики другого,

Е.Земская в докладе на 4-ой Международной конференции Словообразовательной Комиссии в Катовице предложила термин «слова-гибриды» [Земская, 2000, с. 142]. Образование подобных слов-гибридов является наиболее частым способом словообразовательной интерференции в «спанглише», когда влиянию подвергается английская основа слова, приобретающая префиксы или суффиксы, а также окончания, характерные для испанского языка.

Обобщённо, словообразовательная интерференция в «спанглише» принимает следующие формы:

- образование слов-гибридов при помощи аффиксации;
- словосложение;
- конверсия;
- сокращение слов;
- лексико-семантический способ возникновения слов-омонимов.

Во множестве случаев форма слова изменяется не для специального приобретения грамматических характеристик, привычных в испанском языке, а для *удобства произношения*. Так, например, многие существительные в испанском языке оканчиваются на -а, -о, -е. В этой связи, многие заимствованные из английского слова модифицируются аналогично привычным образцам. Так, в «спанглише» присутствует слово “troque”, образованное от английского слова “truck” («грузовик»). Здесь наблюдается добавление окончания -е, а также изменение некоторых букв слова для более привычного испаноязычным написания. Также от английского слова “car” («автомобиль») образовано слово “carro”, получившее окончание -о. От английского слова “lunch” («ленч») в «спанглише» появилось слово “lonche”, а от слова “bike” («велосипед») – “baka”. Вместе с тем, следует отметить, что данные слова приобретают впоследствии свойственные испанскому языку грамматические свойства: слова, оканчивающиеся на -а, приобретают характеристики женского рода, оканчивающиеся на -о, -е – мужского рода, а вместе с этим получают артикли, предлоги и соответствующую форму множественного числа.

Кроме того, вышеуказанные слова могут образовывать

уменьшительно-ласкательные формы при помощи добавления к основе соответствующих суффиксов, таких как -ito, -cito, -ecito, -esecito, -illo, -cillo, ecillo, -esecillo, -uelo, -zuelo, -ezuelo, -ezezuelo, -ico, -cico, -ecico, -esecico. Например, от слова “troque” может быть образована форма “troquito” («грузовичок»), “raite” («поездка» от англ. “ride”) образуется “raitecito” («поездочка»), “carro” – “carrito” («машинка») и т.д. [Михеева, 2006, с. 23-49].

Для образования некоторых слов с новым значением, берущих за основу английскую составляющую, используются испанские деривационные аффиксы, например:

- суффикс -dad для образования существительных от прилагательных: “cleveridad” (от англ. “clever”; нет точного перевода, прибл. Означает «наличие ума»), “wretchesidad” (от англ. “wretched”; «презренность/несчастье»);

- суффикс -ura для образования абстрактных существительных: “pleasura” (от англ. “to please”; «удовольствие»);

- суффикс -mente для образования наречий от прилагательных: “ultimadamente” (от англ. прил. “ultimate”; «в конечном счёте»), “honestamente” (от англ. “honest”; «честно говоря»);

- суффикс -miento для абстрактных существительных: “asorteamiento” (от англ. “assortment”; «ассортимент») [вышеуказанные примеры взяты из: Stavans, 2018, pp. vi; 66; 3; 83; v];

- суффикс -ero/era, обозначающий лицо/предмет, имеющие отношение к другому предмету, либо производителя действия: “lonchera” (от англ. “lunch”; «коробка для ланча»), “troquero” (от англ. “truck”; «водитель грузовика») [примеры взяты из: Ardila, 2005, p. 72];

- суффикс -zuelo(a) для образования уменьшительно-ласкательной формы существительных – “purruzuelo” (от англ. “puppy”; «щеночек») [Braschi, 2011, p. 52]. Отличие данного примера от вышеуказанных с уменьшительно-ласкательными суффиксами в том, что здесь суффикс получает не модифицированное английское слово, в то время как в предыдущих примерах суффиксы приобретали уже изменённые словоформы.

Также существует вариант присоединения английских аффиксов к испанской основе для образования не существующего ранее значения, например использование отрицательной приставки *in-* в слове “*ungrazón*” (от исп. “*razón*”; «неразумность», нет исп. эквивалента) [Stavans, 2018, p. 3].

Кроме того, редко встречается приставочно-суффиксальный способ образования слов, в частности, так образован глагол “*aparcar*”, берущий за основу английский глагол “*to park*” («парковаться»). Приставка *a-* в данном случае не несёт грамматической составляющей (в отличие от суффикса *-ar*), но использована для удобства произношения.

Интерес вызывает рассмотренный нами ранее в морфологической части *способ образования глаголов*. За основу берётся английский глагол, который получает испанское глагольное окончание *-ar*, *-er* или *-ir*. Основа может быть подвергнута изменению, либо остаться внешне неизменной, но поменять звучание, либо сохранить и форму, и произношение. В зависимости от получаемого глагольного окончания модифицированный глагол приобретает спряжение и соответствующие грамматические характеристики, присущие испанским глаголам. Данный вопрос был подробно рассмотрен нами в предыдущей главе исследования с точки зрения грамматических категорий глагола, поэтому здесь лишь приведём по одному примеру для каждого спряжения: “*baquear*” (от англ. “*to back up*” – «отступать») – I спр.; “*enjoyer*” (от англ. “*to enjoy*” – «наслаждаться») – II спр.; “*metir*” (от “*to meet*” – «встретить») – III спр.

В связи с распространением сети интернет, также видоизменяются глаголы, связанные с различными мессенджерами и социальными сетями, такие как “*emailcar*”, “*googlecar*”, “*twittear*” и “*facebookear*”, образованные от английских названий “*email*”, “*google*”, “*twitter*” и “*facebook*”. Они также образованы с помощью суффикса *-e-* и окончания I спряжения *-ar* [Nginios, 2011, pp. 119-124].

Аффиксальный способ является наиболее распространённым в «спанглише». Вместе с тем, в отдельных случаях используются и

другие словообразовательные приёмы.

Некоторые формы образуются путём *добавления вспомогательных слов*. Так, от английского глагола “to click” в «спанглише» образуется эквивалент “hacer click” («кликнуть»); от глагола “to email” образуется сложная форма “mandar email” («отправить электронное письмо») [<https://www.writingcenter.txst.edu/englishes/Spanglish.html>] и т.д.

Способ *конверсии* можно наблюдать в примере из песенного текста Pitbull с К.Агилера “Feel This Moment”: “I’m from the dirty, but that *chico* nice” («Я вышел из низов, но *по-мальчишески* милый»). Испанское слово “chico” («мальчик, парень») является существительным мужского рода, однако, здесь по аналогии с английским языком переходит из категории существительного в наречие, что не особо характерно для испанской грамматики.

Ещё одним способом словопроизводства, встречающимся в «спанглише», является *сокращение (усечение)*. Как пример усечения разберём существительное “yonque”, являющееся производной английского “junkyard” («кладбище старых автомобилей»), где вторая часть сложного слова “yard” подверглась сокращению, при этом первая часть “junk” приобрела окончание -е, характерное для испанского языка, а также для удобства произношения была подвергнута фонетической интерференции.

В качестве иного примера рассмотрим рекламный слоган ниже (Рис. 3):

Рис. 3. Рекламный слоган на «спанглише».

Слоган на «спанглише» гласит: «Купи мороженое – спаси планету». Данное объявление предполагает, что деньги, собранные с продажи мороженого, пойдут на решение экологических вопросов

[пример рекламы взят из: Lee Vann, 2015]. В данном случае вместо привычного в испанском языке слова “helado” для обозначения мороженого используется существительное “paleta”, образованное путём усечения суффикса -ero в слове “paletero” – продавец мороженого. О значении можно догадаться также по сопутствующему рисунку, в то же время омонимичное слово “paleta” в испанском языке имеет отличное значение «лопатка; палитра; лопасть». В этой связи, можно прийти к выводу, что вышеуказанное слово образовано путём сокращения существительного “paletero”.

В вышеуказанном случае словообразование имеет *лексико-семантическую направленность*, так как усечение способствовало образованию слов-омонимов с несхожим значением. Процесс подвержен интерференции, так как изначально В.Виноградов [1952, с. 99-152] предполагает под данным способом расхождение в значениях полисемантических слов. В «спанглише» же возникновение омонимов происходит под влиянием второго контактирующего языка, но не обязательно путём сокращения слов. Можно привести примеры: прилагательное “embarassada” в испанском означает «беременная», однако, под влиянием английского “embarrassed” может применяться в значении «смущённая, сконфуженная»; глагол “atender” в испанском означает «быть внимательным/занимать/обслуживать/принимать во внимание», но под влиянием английского “to attend” получил также значение «посещать/присутствовать»; существительное “lectura” означает «чтение», но под влиянием английского “lecture” приобрело также значение «лекция» и т.д.

В качестве примера *словосложения* можно использовать текст рекламы пива на «спанглише»:

Рис. 4. Пример рекламного объявления на «спанглише» с использованием

приёма словосложения.

Существительное “beerveza” является производной двух слов – английского “beer” и испанского “cerveza”, оба означающих «пиво». Примечательным является то, что сложению подвергнуты не оба цельных слова, либо корни слов, так как из испанского слова взята лишь вторая половина основы. Мы не можем заявить принадлежность данного способа к аффиксации, в связи с тем, что в испанском языке имеется суффикс -eza, используемый для образования существительных из прилагательных, но отсутствует суффикс -veza, являющийся в данном случае именно частью основы существительного.

В качестве более стандартного способа словосложения можно привести пример из произведения И.Стэванса “Don Quixote of La Mancha” – “one-hombre obra” [2018, p. vi] – «произведение одного героя», где прилагательное “one-hombre” (дословно переводится как «принадлежащий одному человеку») является сложением английского слова “one” и испанского “hombre”.

Ещё одной вариацией словосложения является слияние словосочетания полностью на английском языке по правилам испанской грамматики. Например, словосочетание “beauty box” («косметическая коробка») становится на «спанглише» “biutibox”.

В целом, словообразовательная интерференция в «спанглише» принимает практически все формы, характерные для английского и испанского словообразования. Нами не было отмечено примеров изменения ударений, присущих английскому языку, а изменение звуков в словах возникает, по большей части, под влиянием фонетической интерференции. Наиболее частым словообразовательным приёмом в «спанглише» является 1) аффиксация, однако, отмечены также случаи 2) словосложения, 3) конверсии, 4) использования вспомогательных слов, 5) усечения, а также 6) лексико-семантический способ возникновения слов-омонимов.

3.5. Синтаксическая интерференция

Синтаксическая интерференция выражается в нарушении правил соединения слов в предложения. В определённой мере она влияет на грамматическую составляющую, так как соединение слов основывается на правилах грамматики. У.Вайнрайх называет синтаксические проявления грамматической интерференции нарушениями в области согласовательных и подчинительных связей в предложении [Вайнрайх, 1979, с. 73]. Также важную роль в синтаксическом построении играет логика, ведь логическая схема предложения выстраивается в сознании говорящего и не всегда схожа с логикой иного языка. Поэтому синтаксической интерференции могут подвергаться почти все члены предложения, порядок слов в нём и его структура.

Вместе с тем, неправильное образование частей речи не следует включать в синтаксический вид интерференции, поскольку этим вопросом занимается морфология.

В.Алимов под синтаксической интерференцией предполагает интерференцию членов предложения и предложений разных типов. Она может затрагивать члены предложения, его структуру и порядок слов. Лингвист указывает на фундаментальное отличие между морфологической и синтаксической интерференцией, когда первая относится к частям речи и присущим им категориям, а вторая – к свойствам и порядку членов предложения, выраженных этими частями речи [Алимов, 2005, с. 140-141].

М.Дьячков предлагает следующее определение: синтаксическая интерференция – это заимствование в языке моделей словосочетаний и предложений, характерных для другого языка [Дьячков, 1992, с. 86]. Как указывает В.Розенцвейг, для распознавания синтаксической интерференции необходимо знать особенности языков, логику их построения. «Условно будем считать, что интерференция в области синтаксиса выражается главным образом в замене правил синтаксического оформления предложения, свойственных каждому из контактирующих языков, правилами общими, оформляющими те

же смысловые отношения» [Розенцвейг 1972, с. 15].

Л.Ковылина предлагает выделить в синтаксической интерференции следующие типы взаимного влияния [Ковылина, 1983, с. 9-10]:

- *плюс-сегментация* – когда под влиянием правил одного языка увеличивается число единиц, используемых в последовательности другого языка;
- *минус-сегментация* – когда под влиянием моделей одного языка уменьшается число единиц, используемых во втором языке;
- *репласация* – перестановка единиц языка под влиянием правил другого языка, то есть нарушение порядка слов в предложении.

Нарушение порядка слов в предложении выражается, в основном, в нарушении *грамматических особенностей дополнений (в основном, косвенных), определений и обстоятельств.*

Синтаксическая интерференция в «спанглише» представляет собой логическое соединение английского и испанского построения предложений, что включает в себя второй и третий вышеуказанные подвиды.

Однако если порядок слов в английском и испанском языках практически идентичен, то он будет аналогичным и в «спанглише». В нижеследующем примере первое предложение дано на английском, второе – на испанском, а третье – на «спанглише»:

“I | told him | that | he | should bring it | fast
(Yo) | le dije | que | (èl) | la trajera | rapidamente
I | told him | that | la trajera | rapidamente”

Ключевые слова в примере на «спанглише» (подлежащее, сказуемое – в главном, сказуемое, дополнение, обстоятельство – в придаточном) сохранены в том же порядке, что и в оригинальных предложениях [Fernández-Ulloa, 2004, pp. 82-94]. Вместе с тем, можно отметить опущение подлежащего в придаточном предложении, что характерно для испанского языка, где лицо уже определяется окончанием сказуемого, а также выпадение модального глагола “should”. Кроме того, если бы первая часть предложения была на

испанском языке, а вторая на английском, то подлежащее (yo/I) также могло бы быть опущено, что, однако, вариативно.

Проявлением *минус-сегментации* является возможность выпадения безличного местоимения “it” в таких предложениях, как “It rains” («Идёт дождь») или “It snows” («Идёт снег»). В «спанглише» допустима укороченная форма “Rains” и “Snows”, в связи с испанским вариантом “Llueve” и “Nieve”, где местоимения не требуется.

Одними из часто встречающихся нарушений стандартного порядка слов в предложении являются *вариативное местоположение обстоятельства в предложении, вынос дополнения вперёд сказуемого и постановка определения после определяемого слова*.

Вариативность положения обстоятельства можно наблюдать в следующем примере: “¿Tomorrow vas a la marqueta?” («Идёшь завтра в магазин?»), где *обстоятельством времени* является “tomorrow”. Положение данного члена предложения вариативно, то есть допустимы также варианты “¿Vas a la marqueta tomorrow?” “¿Vas tomorrow a la marqueta?”, что обусловлено более свободным порядком слов в испанском языке [Muñoz, 2017]. При приведении данного примера, однако, следует уточнить, что при построении вопросительного предложения в классическом испанском языке более грамматически верным было бы вынести сказуемое в начало предложения. Так, более правильным был бы вариант “¿Vas a la marqueta tomorrow?” В «спанглише» правило может быть не соблюдено, так как его грамматика неофициальна, и здесь в начале вопроса стоит обстоятельство времени “tomorrow”. Таким образом, положение сказуемого в вопросительных предложениях также более свободно, что может быть связано с вариативным положением второстепенных членов предложения.

Проанализируем другие примеры использования обстоятельств. В предложении “With much amor ella read it” («Она прочла это с большой любовью») [Stavans, 2018, p. 80] *обстоятельство образа действия* “with much amor” находится в начале предложения. Для английской грамматики было бы характерным поставить его в конце

предложения: “She read it with much love”, в испанском языке положение обстоятельства более свободно, хотя, в основном, оно располагается после слова, к которому относится. В примере “...his alma will wander *forever en el mundo*” («...его душа будет всегда странствовать по миру») [Stavans, 2018, p. 123] использованы два *обстоятельства – времени* “forever” и *места* “en el mundo”. В обоих составляющих языках грамматические и логические правила построения предложения обусловили бы первоначально поставить обстоятельство места, а затем времени: “will wander in the world forever” (англ.), “deambulará en el mundo para siempre” (исп.). Однако грамматика «спанглиша» менее официальна, что делает строгий логический порядок более свободным.

Нами уже было отмечено в одном из примеров, что *синтаксическая интерференция в виде нарушения порядка слов может наблюдаться в распространённых вопросительных предложениях*. Представляя собой спонтанное смешение английского и испанского языков, «спанглиш» использует смешанные и разрозненные правила грамматики, что иногда приводит к нарушению стандартов обоих составляющих языков. Подобное наблюдается во фразе “*Quién te crees que you are?*” [Stavans, 2018, p. 8] («Кем ты себя считаешь?»). Для английского языка стандартным был бы вариант “Who do you think you are?”, для испанского – “¿Quién te crees que eres?” В вышеуказанном примере происходит слияние обоих вариантов, так как “you are” = “eres” при переводе (личное местоимение обычно опускается, как было указано выше).

Кроме того, в отдельных случаях отмечен перенос английской грамматики, например, “*Quién beat you up?*” [Stavans, 2018, p. 22]. Характерный для английского вариант – “Who beat you up?”, для испанского – “*Quién te batió?*” (подлежащие, выраженное вопросительным словом, дополнение, сказуемое), то есть в примере происходит наложение английской грамматики при построении вопросительного предложения, то есть постановка дополнения после сказуемого.

Вместе с тем, следует учитывать схожесть *построения простых вопросительных предложений* в составляющих языках, что практически нивелирует грамматические неточности при их воспроизведении на «спанглише». В обоих языках в начале предложения ставится модальный глагол либо вопросительное слово, а затем модальный глагол, и далее по порядку прочие члены предложения. Например, “Where *estuviste*?” («Где вы были?») (англ. “Where were you?”/ исп. “¿Donde *estuviste*?”); “*Está* ill?” («Он болен?») (англ. “Is he ill?”/ исп. “¿*Está* (el) *enfermo*?”) [Stavans, 2018, pp. 20-22]. В указанных примерах, кроме возможного выпадения личных местоимений в испанском языке, порядок слов в обоих языках схож, что наблюдается и в варианте на «спанглише».

Другим проявлением синтаксической репласации является *вариативное положение дополнения* относительно сказуемого, к которому оно относится. Возможен вариант стандартный как для английской составляющей, когда дополнение расположено после глагола, так для испанской – когда оно находится до него. В большей мере, подобное относится к дополнениям, выраженным местоимениями. Например, допустимы следующие варианты: “El niño *le* hit” и “El niño hit *him*” («Ребёнок ударил его») [Fernández-Ulloa, 2004]; “Yo *lo* knew” («Я это знал»); “My soul *me* pesa...” («Моя душа печалит меня»); “I demand that you *me* diga” («Я требую, чтобы вы мне сказали») [Stavans, 2018, pp. 54-85]. В случае местоположения дополнения влияние оказывает то, каким сооставляющим языком выражено дополнение или сказуемое.

В последнем примере также необходимо отметить грамматическую неточность при передаче подчинительной части сложноподчинённого предложения. Аналогично правилам испанской грамматики (“Exijo *que* Usted *me* diga”) использован союз “that” (= “que”), в то время как английские правила требуют после глагола “demand” использовать неопределённую форму. Подобное проявление интерференции можно частично отнести к *плюс-сегментации*, то есть увеличению числа единиц в предложении под влиянием другого составляющего языка.

Несколько иначе используются дополнения, выраженные местоимениями, в случае, когда в предложении применён испанский глагол в инфинитиве. Так, во фразе “you can *hacerme* some *taquitos*” («ты можешь сделать мне несколько кукурузных лепёшек») [Осинцева, 2016] отмечается присоединение местоимения к глаголу в неопределённой форме, что характерно для испанской грамматики. Данному графическому слиянию в «спанглише» могут быть подвержены как исконно испанские, так и модифицированные глаголы. Например, “to *ledearlo* casi por completo a *forgetearla*” («почти полностью привести его к забыванию её») [Stavans, 2018, p. 3]. В случае, когда глагол в инфинитиве требует использования последующего дополнения с предлогом, все слова пишутся отдельно, как принято в испанской грамматике: “*partnerear con él...*” [Stavans, 2018, p. Vi].

При использовании предлогов в косвенных дополнениях на «спанглише» происходит взаимное влияние составляющих английского и испанского языков. Отдельные грамматически устоявшиеся предлоги под влиянием второго языка, в котором в аналогичной фразе применяется другой предлог, могут быть подвергнуты интерференции. Например, во фразе “fight *with* *enemigo*” («сражаться с врагом») вместо принятого в данном случае английского предлога “against”, по аналогии с испанским “con” (“luchar *con* *enemigo*”), используется английский предлог “with”. Во фразе “*embarazada by* twins” («беременная близнецами») правильным, с точки зрения английского языка, был бы предлог “with”. Однако по аналогии с испанской фразой “*embarazada de* gemelos” также происходит некорректное замещение [Nginios, 2011, p. 22]. Во фразе “*escaparse of* reality” («избегать реальности») [Stavans, 2018, p. 62] вместо верного для английского языка отсутствия предлога “escape the reality” по аналогии с испанским языком применяется предлог «от» (исп. “de” = англ. “of/about/from”) под влиянием фразы “*escaparse de* la realidad”. Во фразе “un crooner *de* quivering voice” («эстрадный певец с дрожащим голосом») [Vega, 1977] использован характерный в данном случае испанский предлог “de” (“cantante

melodic de la voz temblada”), что дословно может быть переведено, как «эстрадный певец дрожащего голоса». Для английской грамматики в данном примере было бы верным поставить предлог “with” (= исп. “con”).

Влияние английского языка на использование предлогов в косвенных дополнениях отмечено в таких фразе, как “pensar *de* shopping” («думать о покупках»), где необходим предлог “en”, но под влиянием английской фразы “think about shopping” ставится предлог “de”. Во фразе “soñar *de* mama” («видеть во сне маму») вместо правильного предлога “con” (“soñar *con* mama”) по аналогии с английской фразой “dream about mama” применён предлог “de” [Nginios, 2011, p. 24].

Вариативным может быть *положение выраженного прилагательным определения относительно определяемого слова*. Подобное определение может располагаться как до него аналогично английскому языку, так и после – аналогично испанскому. И.Стэванс в романе “Don Quixote of La Mancha” [2002-2018] использует следующие вариации: “era un *far better* animal” («была гораздо лучшим животным»), где определение “far better” находится до определяемого слова “animal”; “El spent cuatro días *complete*” («он провёл четыре полных дня»), где определение “complete” стоит после определяемого слова “días”; в примере “de *tan famoso y worthy* caballero” («такого известного и достойного рыцаря») как однородные определения использованы прилагательные на испанском “tan famoso” и английском языке “worthy”, стоящие до определяемого существительного “caballero” [Михеева, 2006; Stavans, 2002]. Рассмотрим примеры из романа “Yo-yo Boing!” Дж. Браски: выражения “un horror *silencioso*” и “un hamster *blanco*” («бесшумный ужас», «белый хомяк») [2011, p. 43] схожи грамматически; в обоих случаях отмечается постановка неопределённого артикля мужского рода с английским существительным “horror”/“hamster”, а также прилагательного м.р. “silencioso”/“blanco” после существительного, к которому оно относится (морфологическая и синтаксическая составляющие). В рассказе “Pollito Chicken” А.Л. Вега использована

фраза “*el mar tan strikingly blue*” («такое необыкновенно синее море») [1977], где под влиянием испанской составляющей смешанное определение “*tan strikingly blue*” располагается после определяемого слова.

Местоположение *выраженных причастиями определений* зависит от следующих факторов. Согласно проведённому анализу, причастные определения, имеющие зависимые слова, в основном, располагаются после определяемых слов, а не имеющие – до. Например, во фразах “*Good day, estimado peasant*” («Добрый день, уважаемый крестьянин»), “*She was a devoted esposa*” («Она была преданной супругой»), “*Él es ... dedicated hombre*” («Он ... преданный человек») [Stavans, 2018, pp. 17, 52] определения, выраженные причастиями без зависимых слов, находятся перед определяемым словом “*estimated peasant*” / “*devoted spouse*” / “*dedicated hombre*”. Вместе с тем, часть перечисленных определений в словаре указана как прилагательные, что, однако, не исключает их идентификацию как причастий, так как они образованы от глаголов и могут иметь зависимые слова с образованием причастных оборотов.

Причастный оборот, то есть причастие, имеющее зависимые слова, в основном, стоит после определяемого слова вне зависимости от языка, которым выражено причастие: “*...Music from the Tropics, cantada por un crooner de quivering voice...*” («...Музыка из Тропиков, исполняемая эстрадным певцом с вибрирующим голосом...»); два причастных оборота во фразе “*el grupo ... compuesto de Middle-class, Suburban Americans estrenando su primer cheque*” («группа..., состоящая из провинциальных американцев среднего класса, открывающих свой первый чек») [Vega, 1977]; “*...the story of Cardenio, already known as “La Ill-advised Curiosidad”*” («...история Карденио, уже известная как «Неразумное любопытство»») [Stavans, 2018, p. 55].

Выраженные местоимениями (притяжательными, определительными, неопределёнными, указательными) определения вне зависимости от того, каким языком они переданы на «спанглише», в своём местоположении стабильны, в связи с тем, что

в составляющих языках они расположены до определяемых слов (исключение: отдельные притяжательные местоимения на испанском языке, такие как *mío*, *suyo* и т.д.). Например, “*our nación*” («наша нация»), “*this helmeto*” («этот шлем»), “*nuestras heroic stories*” («наши героические истории»), “*my sweet amor*” («моя милая любовь»), “*todo este time*” («всё это время»), “*esta earth*” («эта земля»), “*otros settings*” («другое окружение»), “*todos sus belongings*” («все их пожитки»), “*algunas adventures*” («какие-либо приключения»), “*with tanta pleasura*” («с таким удовольствием») и т.д. [Stavans, 2018].

Определения, выраженные порядковыми числительными, аналогично порядку, характерному для обоих составляющих языков, также ставятся до определяемых слов, что сводит нарушение грамматических правил к минимуму, но оставляет возможность применения смешанных синтаксических форм. Например, “*the first/second salida*” («первый/второй выход»), “*segundo chapter*” («вторая глава»), “*first chivalry libro*” («первая рыцарская книга») [Stavans, 2018].

Проведённый анализ показал, что местоположение определений в предложениях на «спанглише» связано с тем, какой частью речи они выражены. В то же время постановка дополнений зависит от того, каким именно составляющим языком они представлены.

В целом, синтаксическая интерференция в «спанглише» может проявляться в виде минус-сегментации, то есть словесной недостаточности, и репласации – некорректном либо нестандартном порядке слов в предложении. Репласация затрагивает, в наибольшей мере, постановку обстоятельств, дополнений и определений. Их расположение зависит от языка, на котором переданы они и слова, к которым они относятся, а также то, какой частью речи они выражены. В сложных вопросительных предложениях возможна также вариативная постановка глагола.

3.6. Стилистическая интерференция

Стилистическая интерференция представляет собой влияние стиля одного языка на другой. Кроме того, стилистической интерференции могут быть подвержены стилистические приёмы и выразительные средства языка.

Стилистическая интерференция крайне мало изучена. В большей мере, она рассматривается в рамках теории перевода, так как любой вид перевода характеризуется своим стилем, что стилистически обуславливает перевод одного и того же выражения, предложения либо текста в художественном, общественно-политическом и специальном переводе [Алимов, 2004, с. 167].

Среди учёных, внёсших определённый вклад в исследования стилистической интерференции, следует отметить Т.Левицкую и А.Фитермана, которые рассмотрели вопросы перевода схожих стилистических приёмов в различных языках, а также необходимость их трансформации переводчиком для сохранения особенностей функционирования в речи. Исследователи акцентировали внимание на необходимости создания схожего эффекта при переводе стилистических приёмов с одного языка на другой и недостаточности лишь сохранения лексических и грамматических функций [Левицкая, Фитерман, 1976, с. 69].

Более позднее исследование В.Алимова основано на изучении аспектов смешения различных стилей при переводе текстов в сфере профессиональной коммуникации. Лингвистом было рассмотрено, как особенности стилистических приёмов, а также индивидуально-авторского стиля могут привести к неточностям при переводе текстов, выполненных в той или иной профессионально-ориентированной сфере. Также был затронут такой вопрос, как перевод синонимов по аналогии с уже известными переводчику ранее, в то время как особенности стиля требуют иного подхода к переводу [Алимов, 2004].

Также некоторые аспекты стилистической интерференции были рассмотрены в статье Д.Шинаренко и С.Былковой в ракурсе

смешения официально-делового, публицистического и разговорного стилей в текстах приказов и постановлений. Исследователями было уделено особое внимание выявлению изменений в деловой лексике организационно-распорядительных текстов начала XX века и внедрению иностилевых вкраплений в данную документацию [Шинаренко, Былкова, 2022, с. 94-99].

В целом, имеется очень мало исследований в области стилистической интерференции. В основном, они касаются смешения стилей и подходов к переводу стилистических приёмов с сохранением их функций и производимого эффекта. Лингвистических исследований в области стилистической интерференции в «спанглише» не имеется, поэтому проведённое в данном разделе исследование является новаторским. В этой связи, в нашем исследовании стилистическая интерференция рассматривается не только на основании иностилевых вкраплений, но с учётом языкового смешения в выразительных средствах языка и стилистических приёмах.

Так, «спанглиш» характеризуется следующими особенностями стилистической интерференции:

- языковое смешение в используемых в литературном и песенном текстах выразительных средствах языка;
- языковое смешение в стилистических приёмах в художественных текстах на «спанглише».

К **выразительным средствам языка** относят фонетические, лексические и синтаксические средства, а также экспрессивные приёмы. Как показывает анализ языкового материала на «спанглише», стилистическая интерференция наблюдается при использовании таких лексических средств, как синонимы и фразеологизмы.

В качестве интерферируемых *синонимов* можно привести использование подряд схожих по значению слов на английском и испанском языке в следующем примере: “En un unnamed lugar de La Mancha, en España central, un *hidalgo*, o *nobleman*, llamado Alonso

Quijano se sueña himself en un superheroe, el *Caballero* de la Sorrowful Countenancia” [Stavans, 2018, p. v] – курсивом выделены синонимичные существительные, имеющие на испанском и английском языке значение «рыцарь, дворянин». В данном примере синонимы взаимозаменяемы и используются с целью акцентирования внимания читателя на статусе героя, а также являются определённым проявлением приёма градации.

Состав найденных примеров показывает, что *фразеологические единицы (ФЕ)* могут использоваться в текстах на «спанглише» как на одном из составляющих языков без изменения, так и могут быть подвергнуты смешению, а также вставке добавочных слов в состав фразеологизмов. Например:

- без изменения – исп. ФЕ: “the life of the soldier es muy ardua, pero vale la pena” [Stavans, 2018, p. 60] («жизнь солдата очень трудна, но оно того стоит»), англ. ФЕ: “to come a casa y find you drunk as a skunk” [Braschi, 2022, p. 34] («прийти домой и найти тебя пьяной в стельку»);
- с языковым смешением – “You keep un ojo on Camila?” [Stavans, 2018, p. 53] от англ. “keep an eye on” («Ты будешь следить за Камиллой?»);
- со вставкой добавочных слов в состав ФЕ – “You’re walking a thin, delicate y muy peligrosa line” [Stavans, 2018, p. 53] от англ. “to walk a thin line” («Ты идёшь по тонкой, деликатной и очень опасной грани»);
- новоизобретённые ФЕ на «спанглише» – “*cogelo con* take it easy” [<https://www.berlitz.com/blog/spanglish-dialect-terms-examples>] («не волноваться», «не принимать близко к сердцу»), “live *la vida loca*” (перешло в разряд ФЕ после песни Р.Мартина) («вести безудержную жизнь»).

Таким образом, фразеологические единицы в текстах на «спанглише» могут принимать различные формы: 1) неизменённые ФЕ на одном из языков в смешанном контексте; 2) ФЕ смешанного языкового состава; 3) ФЕ на одном из языков с добавочными словами

на другом языке, а также 4) новые ФЕ, образованные путём совмещения английского и испанского языков.

Использование *стилистических приёмов (СП)* является одной из наиболее характерных черт художественного текста. Стилистические приёмы различных языков, в основном, схожи, тем не менее, их функционирование в речи может различаться. Одни и те же приёмы отличаются степенью употребления, выполняют разные функции и имеют несхожую значимость в стилистической системе каждого языка, в связи с чем возникает возможность стилистической интерференции [Левицкая, Фитерман 1976, с. 48]. Здесь интерференция возникает под влиянием игнорирования специфики словоупотребления и сочетаемости слов.

Кроме того, СП могут применяться в песенных и рекламных текстах с целью интенсификации слоганов и привлечения внимания аудитории. Особенностью использования СП в «спанглише» является возможность смешения двух языков в пределах одного стилистического приёма. Возможность применения приёма на одном из составляющих языков не является уникальной, поэтому нами будут рассмотрены лишь СП смешанного типа.

· *Эпитет*: “*el breathtaking poster*” («захватывающий дух постер»), “*the benévola inflexión*” («снисходительный тон»), “*vociferante crowd*” («громогласная толпа»), “*batientes eyelashes*” («хлопающие ресницы»), “*encouraging proliferación*” («воодушевляющее распространение»), “*los skyscrapers inalcanzables*” («недостижимые небоскрёбы»), “*una virile voz*” («мужественный голос»), “*la brilliant idea*” («гениальная идея»), “*esos lazy, dirty, no-good bums*” («эти ленивые, грязные, никчёмные бездельники») [Vega, 1977] и т.д. На основании данных примеров можно сделать вывод, что использование эпитета может принимать различные смешанные формы:

1) эпитет может быть на английском языке, а определяемое существительное – на испанском;

2) эпитет представлен на испанском, существительное – на английском;

3) и эпитет, и определяемое слово могут быть на английском языке, но с ними используется испанский артикль/местоимение;

4) используется английский артикль с оборотом на испанском.

· *Метафора*: “she vive in our hearts” («она живёт в наших сердцах»), “love para ella was una prisión” («любовь для неё была тюрьмой»), “una mujer is a thing of glass” («женщина – вещь из стекла»), “the world is nada sino cuentos” («мир ничто иное, кроме как истории»), “El entretenimiento, que es un escape, is a lie” («Развлечение, которое является уходом от реальности, – ложь») [Stavans, 2018, pp. 17, 36, 53, 55, 83], “el station-wagon ... estaba cundido” («вагон распух»), “swallow esa crap” («проглотить эту чушь»), “hacia el cual dirigir sus eyelashes” («на которого направит свои ресницы») [Vega, 1977] и т.д.

Рассмотрим отрывок из “Don Quixote of La Mancha”, где можно наблюдать несколько видов смешения метафор (исп. текст – курсивом):

“Su pelo es de oro and it inspires a los poetas. Su frente is like los Elysian fields. Sus eyebrows are rainbows. Sus ojos are soles. Her cheeks are rosas. Sus labios are corals. Sus dientes, perlas. Su cuello, alabaster. Su bosom, mármol. Sus manos, ivory. Su piel, nieve. Ella es super-duper”	«Её волосы из золота и вдохновляют поэтов. Её лоб как Елисейские поля. Её брови – радуги. Её глаза – солнца. Её щёки – розы. Её губы – кораллы. Её зубы – жемчужины. Её шея – алебастр. Её живот – мрамор. Её руки – лозы. Её кожа – снег. Она супер-пупер».
--	--

В данном примере имеются следующие метафоры: “Su pelo es de oro”, “Sus eyebrows are rainbows”, “Sus ojos are soles”, “Her cheeks are rosas”, “Sus labios are corals”, “Sus dientes, perlas”, “Su cuello, alabaster”, “Su bosom, mármol”, “Sus manos, ivory”, “Su piel, nieve”.

Таким образом, при употреблении метафорических выражений мы также можем наблюдать разную степень смешанности:

1) первая часть метафоры выражена одним из составляющих языков, вторая – другим;

2) отдельные составляющие внутри метафоры выражены английским языком, другие – испанским;

3) метафора выражена английским языком, а зависимые слова (артикли, местоимения) – испанским.

· *Сравнение* также принимает различные смешанные формы:

° сравнение на одном из языков в рамках смешанного предложения: “*por la intriga y por la duda, zigzagueando like a serpent over the white tile floor*” [Braschi, 2022, p. 36] («ради интриги и ради сомнения, извиваясь как змея по белой плитке пола»); “*él es un superhéroe like Batman, Superman or Spiderman*”, “*she ranks como una princesa*” («она словно принцесса») [Stavans, 2018, pp. 16, 77] («он супергерой, как Бэтмен, Супермен или Человек-паук»); “*when she turned away como una ruda, he grabbed her arm*” [Diáz, 2007, p. 36] («когда она отвернулась, как дикарка, он схватил её за руку»);

· само сравнение смешанного типа: “*hubo como un subtle espadeo de looks*” («это было как неуловимая вспышка взглядов»); “*sonrojándose como una frozen strawberry*” («покраснела как замёрзшая клубника»), “*la cabeza girandole como desbocado merry-go-round*” («с головой, кружащейся, как несущаяся карусель»), “*El Conquistador se le apareció como un castillo de los Middle Ages*” (««Конкистадор» появился, как средневековый замок»), “*tiraban como savages*” («разбрасывают, как дикари») “*comportarse como decent people*” («вести себя, как порядочные люди») [Vega, 1977]; “*industry, as thick with sinvergüenceria as Santo Domingo was with heat*” («промышленность, настолько наполненная бесстыдством, насколько Санто Доминго – жарой») [Diáz, 2007, p. 54].

В данном случае особое внимание следует обратить на маркеры сравнения, такие как сравнительные союзы *like, as ... as ..., como*, которые в рамках смешанных сравнений могут быть выражены как английским языком, так и испанским.

· *Олицетворение*: “*le querían salir los eyeballs de la cara*” («глазные яблоки хотели сбежать с лица») [Vega, 1977], “*This libro*

has done *mucho* damage *a sus lectores*” («Эта книга принесла много вреда своим читателям»), “*Voy a destroy* all evil *romeando* *esta earth*” («Я собираюсь уничтожить всё зло, бродящее по этой земле») [Stavans, 2018, p. 25, 62]. Как можно видеть из примеров, олицетворение также может быть как на одном из составляющих языков, так и смешанной формы. Кроме того, в последнем примере использован модифицированный глагол “*romear*”, образованный от англ. “to roam”.

· *Оксюморон* (использование в одной фразе двух противоречащих слов с созданием парадоксального смысла): “*La Inquisición* is a *bueno bad*” [Stavans, 2018, p. 69] – «Инквизиция – это хорошее зло», где противопоставляются антонимы “*bueno*” и “*bad*”, выраженные испанским и английским языками.

Таким образом, проведённый анализ показал, что стилистическая интерференция в «спанглише» выражается в смешении языков в выразительных средствах языка и стилистических приёмах. В частности, наибольшей интерференции подвержены такие выразительные средства, как синонимы и фразеологические единицы. Стилистические приёмы, подверженные интерференции, включают в себя эпитет, метафору, олицетворение, оксюморон, которые могут быть на одном из языков в смешанном контексте, либо быть представлены смешением обоих составляющих «спанглиш» языков.

Выводы

1. *Фонетическая интерференция в «спанглише»* характеризуется такими проявлениями, как 1) неразличение отдельных звуков английского языка; 2) замена одних гласных либо согласных звуков другими, чаще характерными для испанского языка; 3) озвучивание английских фонем, не требующих произношения; 4) добавление непроносимых букв в некоторые изменённые английские слова; 5) изменение положения ударения в словах. Следует отметить, что, так как в «спанглише» превалирует метод упрощения, испанская фонетика, где практически все фонемы произносятся так, как пишутся, оказывает гораздо более существенное влияние на заимствованные английские элементы. Фонетическая интерференция отражается в недифференциации, сверхдифференциации, реинтерпретации различий, либо субституции звуков, в зависимости от типа фонетической модификации.

2. *Морфологическая интерференция в «спанглише»* проявляется в следующем:

1) использовании модифицированных слов, где за основу берётся английская составляющая, к которой присоединяется испанский аффикс, придающий слову характерные для испанского языка грамматические свойства: а) изменении окончаний английских существительных; б) добавлении окончаний к английским прилагательным; в) наложении формы рода на английские слова; г) образовании модифицированных глаголов;

2) использовании составных грамматических форм, часть которых передаётся английским, а часть – испанским языком, выражаемом в: а) образовании составных глагольных форм (временных грамматических форм, форм с модальным глаголом); б) копировании функций эквивалентных морфем (предложные формы, взаимозамена аналогичных грамматических форм); в) избыточной грамматической форме.

3. *Лексическая интерференция* является наиболее распространённым видом интерференции в «спанглише». Основной

формой её проявления служит переключение кодов (code-switching), т.е. смешение словосочетаний и фраз английского и испанского языков в рамках одного предложения или текста. Переключение кодов может принимать различные формы смешанности: 1) вкрапления слов на испанском языке в контексте на английском, и английских слов – в контексте на испанском; 2) смешение фраз английского и испанского языков в одном предложении; 3) спонтанное чередование предложений, целиком представленных испанским и английским языками.

Другими менее употребляемыми формами выражения лексической интерференции являются: а) заимствование отдельных английских лексем и использование их в испаноязычном тексте; б) калькирование при передаче устойчивых выражений с одного языка на другой; в) диапаронимия, т.е. изменение значения в испанском слове под влиянием внешне схожего слова английского языка.

4. *Словообразовательная интерференция* в «спанглише» принимает практически все формы, характерные для английского и испанского словообразования: 1) аффиксальный способ, основанный на добавлении испанских аффиксов к английской основе с образованием гибридных существительных, прилагательных, глаголов и отглагольных форм; 2) словосложение английской и испанской основ с образованием новых сложных слов; 3) конверсия – переход одной части речи в разряд другой по аналогии с правилами второго составляющего языка; 4) сокращение (усечение) слов; 5) лексико-семантический способ возникновения слов-омонимов под влиянием внешне аналогичных слов второго составляющего «спанглиш» языка. Исключением является присущий английскому языку способ изменения ударения для образования другой части речи, так как подобное не характерно для испанского языка.

5. *Синтаксическая интерференция* в «спанглише» проявляется в нарушении правил и порядка соединения слов в предложения. Она может принимать формы: 1) минус-сегментации (уменьшении количества слов) и 2) репласации (нестандартного порядка слов в предложении). Наибольшей репласации подвергаются

обстоятельства, дополнения и определения. В вопросительных предложениях может быть вариативным местоположение глагола, который может стоять в практически любой части предложения. Положение дополнений в предложениях на «спанглише» зачастую зависит от того, каким языком они переданы, т.е. дополнения, переданные испанским языком, чаще стоят до глагола, а переданные английским – после. При использовании неопределённой формы глагола выраженные местоимениями дополнения могут присоединяться к инфинитиву. Местоположение определения касательного определяемого слова зависит больше от части речи, которым определение выражено. Так, а) определения, выраженные прилагательными, могут стоять как до, так и после определяемого слова; б) определения, выраженные причастиями, при отсутствии зависимых слов, в основном, стоят до определяемого слова, при наличии – после; в) определения, выраженные местоимениями, в обоих составляющих языках стоят до определяемых слов, что сохраняется и в «спанглише»; г) определения, выраженные порядковыми числительными, также ставятся до определяемых слов. На положение обстоятельств влияют логическое построение, а также язык, которым они представлены. В основном, местоположение обстоятельств в предложении является вариативным, что нехарактерно для английского языка.

6. *Стилистическая интерференция* в «спанглише» по результатам проведённого исследования практически не затрагивает внедрения одного стиля речи в другой, за исключением вкраплений разговорного стиля в художественный текст. Более всего стилистической интерференции в текстах на «спанглише» подвержены средства языковой выразительности и стилистические приёмы.

К интерферируемым средствам выразительности следует отнести синонимы, когда происходит использование смешанных синонимов на обоих составляющих языках, и фразеологические единицы (ФЕ). ФЕ, подверженные стилистической интерференции, могут принимать различные формы языкового смешения: 1) ФЕ на

одном из языков в смешанном контексте; 2) ФЕ смешанного языкового состава; 3) ФЕ на одном из языков с добавочными словами на другом языке; 4) окказиональные ФЕ на «спанглише» смешанного языкового содержания.

Среди интерферируемых стилистических приёмов (СП) в текстах на «спанглише» необходимо отметить эпитет, метафору, сравнение, олицетворение, оксюморон. СП могут быть различной степени смешения: 1) использование СП на испанском языке в английском контексте и СП на английском языке – в испанском контексте; 2) СП смешанного языкового состава, когда одна часть СП выражена испанским, а другая – английским языком; 3) СП на одном языке с использованием артиклей либо указательных местоимений в нём – на другом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Контактная лингвистика занимается изучением взаимодействия языков через их носителей, то есть языковым контактированием. Языковой контакт может базироваться на различном уровне владения языками, однако, неизменным остаётся условие их взаимного влияния. Важнейшими понятиями контактной лингвистики являются языковой контакт, билингвизм, языковая интерференция, языковая ситуация, диглоссия. Результатом развитого языкового контактирования и взаимовлияния языков могут стать гибридные (пиджины и креольские языки) и смешанные языки.

Языковая интерференция – это результат взаимодействия языков, когда отдельные единицы одного языка переходят в другой и наоборот, то есть происходит приспособление языков друг к другу с соответствующим нарушением собственных норм. Результаты языковой интерференции разнятся в зависимости от степени взаимовлияния языков, а также факторов языкового контакта. Наиболее значительным результатом интерференции становятся смешанные языки, когда взаимопроникновение контактирующих языков приводит к их смешению на различных уровнях языковой иерархии и возникновению новых лингвистических форм. Одним из наиболее распространённых и популярных смешанных языков современности является «спанглиш», основанный на смешении английской и испанской составляющих.

Анализ множественных теоретических материалов, исследований в области языковой интерференции и взаимовлияния языков, а также всестороннее изучение развития, современного значения и языкового статуса «спанглиша», комплексный анализ интерференции на различных уровнях его языковой иерархии на основе художественных, песенных, рекламных и интернет-текстов позволил прийти к нижеследующим выводам:

Развитие и распространение «спанглиша» обусловлено рядом социокультурологических факторов, основными из которых являются Американо-мексиканская война 1846-1848 гг., Испано-американская

война конца XIX – начала XX века, процессы информатизации, развитие коммуникаций и миграция. Социокультурологическая значимость «спанглиша» определяется также факторами необходимости самоидентификации говорящих, культурным взаимопроникновением, территориальной неограниченностью, наличием миллионов говорящих на «спанглише» различной профессиональной, социальной и возрастной принадлежности. На современном этапе «спанглиш» широко используется в художественном, рекламном, песенном текстах, а также в сфере киноиндустрии, медиасфере, социальных сетях и мессенджерах.

«Спанглиш» основан на билингвизме и высокой компетенции владения английским и испанским языками, позволяющими создавать их симбиоз на всех уровнях языковой иерархии. В этой связи, его нельзя отнести к разряду гибридных языков, так как «спанглиш» не имеет основой лишь один язык с небольшими вкраплениями родного языка местного населения и не несёт строгой ситуативности и географической привязанности. Активное владение двумя составляющими языками, охват значительной территории не дают возможности отнесения «спанглиша» к явлениям субстрата или суперстрата. «Спанглиш» нельзя охарактеризовать и как «интеръязык», так как данное понятие применяется при описании изучения индивидом второго языка через влияние первого. В данном же случае говорящие уже владеют обоими языками на высоком уровне. Всё вышеперечисленное, на наш взгляд, делает возможным присвоение «спанглишу» языкового статуса «смешанного языка».

«Спанглиш» представляет собой явление языковой интерференции, проявляющейся на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях языка. Кроме того, языковая интерференция проявляется на уровне словообразовательных и стилистических единиц. Наиболее характерными закономерностями являются внутреннее и внешнее переключение кодов, фонетическая и грамматическая модификации различных частей речи, использование слов-гибридов, смешанных фразеологических единиц и стилистических

приёмов, более свободный порядок слов в предложении в отличие от строгого порядка слов в английском языке.

Фонетическая интерференция в «спанглише» отражается в недифференциации, сверхдифференциации, реинтерпретации различий, либо субституции звуков в зависимости от типа фонетической модификации. Она может быть охарактеризована такими проявлениями, как 1) неразличение отдельных звуков английского языка; 2) замена английских гласных и согласных звуков испанскими; 3) озвучивание английских и испанских фонем, не требующих произношения; 4) появление непроносимых фонем в английских словах; 5) изменение положения ударения в словах. Результаты исследования также показывают, что испанская фонетика оказывает более существенное влияние на заимствованные английские элементы.

Морфологическая интерференция в «спанглише» проявляется в добавлении к английским словам аффиксов, характерных для испанского языка, и соответствующем изменении грамматических характеристик слова: 1) наложение категории рода на английские существительные; 2) наложение категорий рода и числа на английские прилагательные; 3) наличие спряжения у модифицированных с английского языка глаголов и соответствующее изменение по лицам, числам и временам. Морфологические изменения могут затрагивать не только связанные, но и свободные морфемы. Испанское влияние в морфологии заметно сильнее, так как испанские части речи имеют больше грамматических категорий, выраженных в изменении окончаний.

Лексическая интерференция в «спанглише» выражается в 1) использовании английских слов бытового содержания в контексте на испанском языке; 2) применении более коротких слов, чем их эквиваленты на втором составляющем языке; 3) смешении словосочетаний и фраз английского и испанского языков в рамках одного предложения или текста (переключении кодов); 4) изменении в составе устойчивых выражений с переключением кодов, а также путём калькирования, т.е. дословного перевода устойчивых

выражений на второй составляющий язык; 5) изменении в испанском значении слов под влиянием значения формально схожих слов английского языка (диапаронимии).

Словообразовательная интерференция в «спанглише» наблюдается в 1) производных словах и проявляется в большей степени в присоединении к английской основе испанских суффиксов и окончаний. По нашим наблюдениям, префиксация используется реже; 2) словосложении английской и испанской составляющих; 3) конверсии под влиянием второго составляющего языка; 4) использовании вспомогательных слов для образования новых форм смешанного состава; 5) усечении (сокращении) модифицированных слов; 6) лексико-семантическом способе возникновения слов-омонимов под влиянием формально внешне схожих слов второго языка. В «спанглише» не используется характерный для английского, но непривычный для испанского языка способ изменения ударения для образования другой части речи.

Синтаксическая интерференция в «спанглише» проявляется в нарушении правил и порядка соединения слов в предложения. Она может принимать формы минус-сегментации (уменьшения количества слов) и репласации (неверного порядка слов в предложении). Наибольшей репласации подвергаются обстоятельства, дополнения и определения, местоположение которых зависит от следующих факторов: а) каким из составляющих языков выражены они и слова, к которым они относятся; б) какой частью речи являются указанные второстепенные члены предложения.

Стилистическая интерференция в «спанглише» проявляется в языковом смешении в выразительных средствах языка и стилистических приёмах. 1) Наибольшей интерференции подвержены такие выразительные средства, как синонимы и фразеологические единицы (ФЕ). Интерференция синонимов выражается в использовании синонимичных слов на испанском и английском языках в рамках одного предложения. Интерференция ФЕ представлена а) использованием ФЕ на испанском языке в английском контексте и наоборот; б) использованием ФЕ смешанного

языкового содержания; в) созданием новых смешанных ФЕ на «спанглише». 2) К наиболее интерферируемым стилистическим приёмам (СП) на основании проведённого анализа текстов нами отнесены эпитет, метафора, олицетворение, оксюморон. Интерференция данных СП выражается в следующем: а) использовании СП на английском языке в контексте на испанском языке и наоборот; б) применении СП смешанного языкового содержания; в) иноязычных вкраплениях в структуру СП на одном из составляющих языков.

Песенные тексты, а также тексты слоганов, рекламных объявлений и интернет-мемов на «спанглише» характеризуются переключением кодов и использованием английских/испанских слов в контексте на втором составляющем языке (лексическая интерференция); применением модифицированных слов, конверсии и усечения (словообразовательная интерференция), наложением испанской категории рода на английские существительные (морфологическая интерференция) и нечастым использованием стилистических приёмов. В художественных текстах присутствуют все виды интерференции (морфологическая, синтаксическая, лексическая, словообразовательная, стилистическая).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Научно-теоретическая литература

1. Abduazizov A.A. English Phonetics. A Theoretical Course. 3-revised edition. – Tashkent: Musiq, 2007. – 256 p.
2. Alvarez L. It's the talk about Nueva York: The hybrid called Spanglish // New York Times, 1997. URL: <https://www.nytimes.com/1997/03/25/nyregion/it-s-the-talk-of-nueva-york-the-hybrid-called-spanglish.html>
3. Appel R. & Muysken P. Language contact and bilingualism. – Amsterdam, 1987. – 213 p.
4. Ardila A. Spanglish: An Anglicized Spanish Dialect // Hispanic Journal of Behavioral Sciences. 2005. February. Vol. 27, № 1. – Pp. 60-81.
5. Ashurova D.U., Galiyeva M.R. Stylistics of Literary Text. – Tashkent: TURON-IQBOL, 2016. – 269 p.
6. Ashurova D.U., Galiyeva M.R. Text Linguistics. Coursebook for Master students in specialty SA120102 - Linguistics (English language). – Tashkent: TURON-IQBOL, 2016. – 322 c.
7. Ayala J. Spanglish TV Newscasts // Break the Mold And Resonate With Younger Latinx Viewers. – Department of Communications at California State University, Fullerton, 2021. URL: <https://www.hispanicoutlook.com/articles/spanglish-tv-newscasts>
8. Bakker P., Mous M. Mixed Languages: 15 Case Studies in Language Intertwining // ICG-Printing-Dordrecht. – Amsterdam:, 1994. – Pp. 35-68.
9. Barreteau D., Diadie B. Emprunts et calques dans le francais du Niger, de la necessite a la creativite // Contacts de langue et identites culturelles. – Quebec, 2000. – Pp. 177-193.
10. Bartoli M. Substrato, superstrato, adstrato // Rapport au 5-me Congres international des linguistes. – Brugues, 1939. – Pp. 96-109.
11. Baylon C. Sociolinguistique: societe, langue et discours. – Paris: Nathan, 1991. – 303 p.
12. Bickerton D. Creole Languages // Scientific American, 249 (8). – New-York, 1983. – Pp. 59-69.

13. Bowen D. A comparison of the intonation patterns of English and Spanish // *Hispania*, 1956. – V. 39, N. 1. – Pp. 30-35.
14. Carter, Phillip M. and Merii, Kristen D'Alessandro. Spanish-influenced lexical phenomena in emerging Miami English. – John Benjamins Publishing Company, 2022. URL: <https://doi.org/10.1075/eww.22036.car>
15. Clark, D. G. Lost in translation: every market is a culture // *Hispanic Ad.com*, 2007. URL: hispanicad.com/cgi-bin/news/newsarticle.cgi?article_id=22930&search_string=Spanglish&criteria=Any
16. Cornish V. *Borderlands of Language in Europe and Their Relations to the Historic Frontier of Christendom*. – London, 1936. – 105 p.
17. Cust R.N. *Memoirs of Past Years of a Septuagenarian*. – Oxford University Press, 1899. – 474 p.
18. De Genova N., Ramos-Zayas A.Y. *Latino Crossings: Mexicans, Puerto Ricans, and the Politics of Race and Citizenship*. – N.Y.; L.: Routledge, 2003. – 268 p.
19. Diebold A.R. Incipient bilingualism / A.R. Diebold Jr. // *Language*. – 1961. V. 37, №1. – 98 p.
20. Dimmendaal G. J. *Historical Linguistics and the Comparative Study of African Languages*. – John Benjamins Publishing Company, 2011. – 421 p.
21. Ferguson C.A. *Diglossia*. – *Language and Social Structures*, 1959. – Pp. 232-251.
22. Fernández F. Moreno. *Espanglish: la casa de cien puertas*. CVC, Madrid, 2004. URL: http://www.cervantes.es/v_cile/
23. Fernández-Ulloa T. *Espanglish y cambio de código en el Valle de San Joaquín, California* // *California State University, BilingLatAm*, 2004. – Pp. 82-94.
24. Freeman Cristina Garduno, Beza Beau and Mejia Glenda. *The urban Spanglish of Mexico City*. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429453267>. - *The Routledge Handbook of Place*, (17). – Routledge, 2020. – Pp. 198-207.
25. Garrido Medina J. *Hispano y español en Estados Unidos* // *II Congreso Internacional de la Lengua Española*. Valladolid, España, 2001. URL: <http://www.cervantes.es/congresosdelalengua.es/default.htm>

26. Geipel J. The Viking Legacy: The Scandinavian influence on the English and Gaelic languages. – Newtown Abbot: David & Charles, 1971. – 242 p.
27. Graham R. Intonation and Exphasis in Spanish and English // Hispania, 1978. – V. 61, N.1. – Pp. 95-101.
28. Gramley S. The Vocabulary of World English. – London: Arnold, 2001. – 344 p.
29. Haugen E. Bilingualism in the Americas: A bibliography and research guide. Publications of the American dialect sociality. – No. 36. – Alabama: University of Alabama Press, 1956. – 159 p.
30. Hinojosa-Smith R. R. Generaciones y Semblanzas. – Berkeley: Justa Publicaciones, 1977. – 178 p.
31. Hochberg, J. Speaking Spanish in New Mexico — NOT! 2013. URL: <https://spanishlinguist.us/2013/05/speaking-spanish-in-new-mexico-not/>
32. Jordy E. 28 Viral Hispanic Commercials: From Bacon-Filled Film Festival Ads to Cross-Cultural Beer Campaigns. URL: <https://www.trendhunter.com/slideshow/viral-hispanic-commercials>
33. Juarros-Daussa Eva. El Spanglish. 2012. URL: <http://www.ub.edu/diccionarilinguistica/content/el-spanglish>
34. Kachru B.B. Models for Non-native Englishes // Readings in English as an International Language / Ed. by L. Smith. Oxford, 1983. – Pp. 107-124
35. Katamba F. English Words. – New York: Routledge. 1994. – 304 p.
36. Klee, Carol y Andrew Lynch. El español en contacto con otras lenguas. – Washington DC: Georgetown University Press, 2009. – 352 p.
37. Lee Vann. Using Spanglish to Take Your Hispanic Marketing to the Next Level. – May 2, 2015. URL: <https://www.hispaniconlinemarketing.com/2015/05/using-spanglish-to-take-your-hispanic-marketing-to-the-next-level/>
38. Leopold W. F. Bibliography of Child Language. – Evanston: Northwestern University Press, 1952. – 115 p.
39. Lipski J. M. La lengua española en los Estados Unidos: avanza a la vez que retrocede // Revista Española de Lingüística № 33, 2003. – Pp. 231-260.

40. Lipski J.M. ¿Existe un dialecto estadounidense del español? // V Congreso Internacional de la Lengua Española. Valparaíso, Chile, 2010. URL: http://www.cervantestv.es/v_cile/
41. Lipski J.M. Varieties of Spanish in the United States. – Georgetown University Press, 2008. – 320 p.
42. Martinet A. Elements de linguistique generate. – 5 Ed. – Paris, 1960. – 224 p.
43. Martínez, R. “Spanglish” as Literacy Tool: Toward an Understanding of the Potential Role of Spanish-English Code-Switching in the Development of Academic Literacy // Research in the Teaching of English, 45(2), 124-149. URL: <http://www.jstor.org/stable/40997087>
44. Matras Y. Mixed language: a functional-communicative approach // Bilingualism: Language and cognition 3 (2). – Cambridge University Press, 2000. – Pp. 79-99.
45. Mora, L., Lopez, M.H. Latinos’ Views of and Experiences with the Spanish Language // Pew Research Center. September 20, 2023. URL: <https://www.pewresearch.org/race-and-ethnicity/2023/09/20/latinos-views-of-and-experiences-with-the-spanish-language/>
46. Morris N. Puerto Rico: Culture, Politics, and Identity. – Praeger/Greenwood, 1995. – Pp. 60-63.
47. Muhvić-Dimanovski V. Languages in contact // Institute of Linguistics, Faculty of Philosophy. – University of Zagreb, Croatia, 2005. – Pp. 321-332.
48. Muñoz A.A. Idioma castellano amenaza derrotar al inglés en su propia tierra: ¿spanglish? – 2017. URL: <http://www.surysur.net/idioma-castellano-amenaza-derrotar-al-ingles-en-su-propia-tierra-spanglish/>
49. Muysken, P. Bilingual Speech. A Typology of Code-Mixing. – Cambridge, 2000. – 306 p.
50. Myers-Scotton C. Contact Linguistics: Bilingual encounters and grammatical outcomes. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 342 p.
51. Myers-Scotton C. Social Motivations for Codeswitching: evidence from Africa // Oxford Studies in Language Contact. – Clarendon Press, Oxford, 1993. – Pp. 148-154.

52. Nginios Rosa-Triantafilian. Sobre el spanglish en los Estados Unidos // Section d'études hispaniques – Montréal: Université de Montréal, 2011. – Pp. 118-126.
53. Nueliep, J. W. Intercultural communication a contextual approach (2nd ed.). – Boston, MA, 2003. Houghton Mifflin Company. – 528 p.
54. Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. – 1880. Русский перевод: Г. Пауль. Принципы истории языка. – М., 1960. Шу
55. Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: Toward a typology of code-switching // Linguistics 18, 1980. – Pp. 581-618.
56. Porzucki, N. A hidden history of Spanglish in California // TheWorld, February 11, 2015. URL: <https://theworld.org/stories/2015/02/11/hidden-history-spanglish-california>
57. Rainey, Tiffany. Hispanic Radio Stations Go Spanglish // Hispanic Magazine, 2012. URL: <https://imdiversity.com/channels/language/hispanic-radio-stations-go-spanglish/>
58. Ramírez A. G. El español de los Estados Unidos. – Madrid: Mapfre, 1992. – Pp. 186-188.
59. Ramirez David Pinera. Tijuana En La Historia: Una Expresion Fronteriza De Mexicanidad. — Mexico: Ediciones ILCSA, 2003. – 122 p.
60. Ramirez, J., Ramos, L. The Value of Spanglish in the Rio Grande Valley // Journal of Bilingual Education Research & Instruction, The University of Texas, 2019. – Pp. 47-61.
61. Roca A. 2000. “El español en los Estados Unidos a principios del siglo XXI: apuntes relativos a la investigación sobre la variedad de la lengua y la coexistencia con el inglés en las comunidades bilingües”, J. Calvo (ed.). Teoría y práctica del contacto: el español en el candelero. - Madrid/Frankfurt: Iberoamericana/Vervuert . – Pp. 193-211.
62. Rodríguez González F., Lillo Buades A. Nuevo diccionario de anglicismos. – Madrid: Gredos, 1997. – 564 p.
63. Roig, X.C. El ciberespanglish, el español comercial y el español neutro en la Red // Revista de medicina, lenguaje y traducción. – 2001. No 5. – Pp. 36-41.

64. Selinker L. Interlanguage // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. 1972. Vol. 10. – Pp. 209-241.
65. Sinner C. Zur Terminologie in der Sprachkontaktforschung // Gerda Haßler: Sprachkontakt und Sprachvergleich. – Münster, 2001. – S. 125-152.
66. Smith A. Spanglish in Advertising // Revista de lenguas modernas, 2015. – № 23. – Pp. 168-183.
67. Stavans I. Impulsor del spanglish desafía a profesores, traductores y lingüistas // Second Seminar on the Transatlantic Dimension of the Spanish Language. Nueva York, 2001. URL: <http://www.casadellibro.com/palabra>
68. Stavans I. Spanglish: The Making of a New American Language. – New York: HarperCollins Publishers, 2003. – 288 p.
69. Suggett P. 10 Most Powerful Words in Advertising. URL: <https://www.liveabout.com/paul-suggett-5202045>
70. Sutterby, J. A., Ayala, J., & Murillo, S. El sendero torcido al español [The Twisted Path to Spanglish]: The Development of Bilingual Teachers' Spanish Language Proficiency // Bilingual Research Journal, 29(2), 2005. – Pp. 435-452. URL: <https://doiorg.ezhost.utrgv.edu/10.1080/15235882.2005.10162843>
71. Taylor, N., McQuillen, J. S. Hispanic Consumers' Preference for Spanglish in Print and Television Advertisement // International Journal of Innovative Research and Development. – University of Texas-Pan American, Texas, 2018. – Pp. 240-245.
72. Timm L. A. Spanish-English Code-Switching: El Porqué and How-Not-To // Romance Philology № 28, 1975. – Pp. 473-482.
73. Valenzuela Farías M. G. A comparative analysis of intonation between Spanish and English speakers in tag questions, wh-questions, inverted questions, and repetition questions // Revista Brasileira de Linguística Aplicada, 13(4). – Pp. 1061-1083.
74. Valenzuela J. El vigor del 'spanglish'. – Madrid: El País, 1997. URL: <http://www.el-castellano.com/elpais.html>

75. Volpe J. Mira! Spanglish Breaks Into the Advertising World. URL: <https://www.adweek.com/creativity/spanglish-breaks-into-the-advertising-world/>
76. Whitney W. D. On Mixture in Language // Transactions of the American Philological Association (1869-1896), Vol. 12 (1881), pp. 5-26. Published by: The Johns Hopkins University Press. – Pp. 5-26.
77. Абаев В. И. О языковом субстрате. // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. – 1956, т. IX. – С. 57-69.
78. Абдуазизов А.А. Сопоставительный анализ гласных фонем английского и узбекского языков (на основе рентгенографических фотографических данных): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1967. – 34 с.
79. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). – Л.: Наука, 1975. – 274 с.
80. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Вводный курс: учеб. пособие для студ. филол. спец. высш. учеб. заведений. – М., 2004. – 280 с.
81. Алиева Б.Б. Фонетическая интерференция и ее причины // World Science. 7(35), Vol.3, 2018. doi: 10.31435/rsglobal_ws/12072018/6014. – С. 11-14.
82. Алимов В.В. Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации): Дис...докт. филол. наук. – М., 2004. – 260 с.
83. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. Учебное пособие 2-е издание, переработанное. – Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. – 376 с.
84. Асқарова Ш.И. Лингвистик интерференциянинг хусусиятлари ҳақида (Фарғона вилоятида немис тилини ўрганиш мисолида): Филол. фан. бўйича фал. д-ри (PhD) дис. ... автореф. – Фарғона, 2022. – 56 с.
85. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Либроком, 2010. – 576 с.

86. Ахунзянов Э.М. Двухязычие и лексико-семантическая интерференция. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 189 с.
87. Ашурова Д.У., Галиева М.Р. Cultural linguistics. – Ташкент, 2019. – 207 с.
88. Багана Ж., Хапилина Е. Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм. Монография. – М.: Флинта, 2016. – 160 с.
89. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Издательство иностр. лит., 1955. – 416 с.
90. Бархударов Л.С. К вопросу о типах межъязыковых лексических соответствий (на материале английского и русского языков) // Иностранные языки в школе. – 1980. – №5. – С. 11-17.
91. Беликов В.И. Пиджины и креольские языки Океании. Социолингвистический очерк. – М., 1998. – 198 с.
92. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. – М.: РГГУ, 2001. – 439 с.
93. Бикертон Д. Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей. (Adam's Tongue: How humans made language, how language made humans, 2009). Перевод с англ. О. Кураковой, А. Карпухиной и Е. Прозоровой. – Москва: Языки славянских культур, 2012. – 310 с.
94. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. – Т. – М., 1963. – 364 с.
95. Боева-Омелечко Н.Б. Краткий толковый словарь социолингвистических терминов. – М.: Готика, 2004. – 60 с.
96. Большая Советская Энциклопедия. – М., 1990.
97. Бондарко Л.В., Павлова Л.П. О фонетических критериях при определении места слоговой границы // Русский язык за рубежом. – 1987. – № 4. – С. 11-20.
98. Бонфанте Дж. Позиция неолингвистики // История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. — Ч. 1. — Москва: Просвещение, 1964. – С. 336-358.
99. Буранов Дж. Б. Сравнительная типология английского и тюркских языков. Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1983. – 267 с.
100. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6 / под ред. В. Ю. Розенцвейга. – М.: Прогресс, 1972. – С. 25-60.

- 101.Вайнрайх У. Языковые контакты. – Киев: «Вища школа», 1979. – 263 с.
- 102.Вардуль И. Ф., Беликов В. И. Возникновение и функционирование контактных языков: Материалы рабочего совещ. – М.: «Наука», 1987. – 106 с.
- 103.Васильева В.Н., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. – М.: Русс.яз., 1995. – 176 с.
- 104.Вахтин Н., Головкин Е. Социолингвистика и социология языка. Учеб. пособие. – СПб: «Гуманитарная академия», 2004. – 336 с.
- 105.Верещагин Е.М. Понятие «интерференция» в лингвистической и психологической литературе // Иностранные языки в высшей школе. №4.– 1968. – С. 103-110.
- 106.Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (Билингвизма). – М.,1969. – 162 с.
- 107.Виноградов В.В. К истории лексики русского литературного языка / под ред. Л. В. Щербы. – «Русская речь», Новая серия, I. – Л.: Изд-во «Academia», 1927. – С. 90-118.
- 108.Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) // Вопр. теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 99-152.
- 109.Вишневская, Г.М. Интерференция и акцент: Дис...докт. филол. наук. – СПб, 1993. – 481 с.
- 110.Войнова Е. А. Лексикология современного английского языка: учебник. – Москва: Просвещение, 1991. – 193 с.
- 111.Гавранек Б. К проблематике смешения языков // Новое в лингвистике. Вып. 6 / под ред. В. Ю. Розенцвейга. – М.: Прогресс, 1972. – С. 94-111.
- 112.Гальский Д. Великие авантюры. История создания Суэцкого и Панамского каналов. – М.: Прогресс, 1990. – 442 с.
- 113.Гальчук Л.М. Семантическое освоение русизмов как критерий их заимствованности (на материале алтайского языка): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Новосибирск, 1997. – 20 с.

114. Гарбовский Н. К. Теория перевода. – М.: Издательство Московского университета, 2004. – 544 с.
115. Геращенко В.Н. Лексико-семантические африканизмы во французском языке Республики Берег Слоновой Кости. – Дис... канд. фил. наук. – М., 1982. – 192 с.
116. Дарбеева А.А. Русско-монгольские языковые контакты в условиях двуязычия / Отв. ред. Тенишев Э.Р. – М.: Наука, 1984. – 192 с.
117. Дегтяренко Л.В. Феномен появления заимствований в испанском языке. Спэнглиш // Культура народов Причерноморья, 2007, № 107. – С. 67–71.
118. Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. – Л.: Наука, 1970. – 90 с.
119. Дешериева Ю.Ю. Проблема лингвистической интерференции в современном языкознании // Теоретические проблемы социальной лингвистики. – М., 1981. – С. 240-255.
120. Джусупов М. Звуковые системы русского и казахского языков. Слог. Интерференция. Обучение произношению. – Т.: Фан, 1991. – 239 с.
121. Джусупов М.Дж. Билингвальное образование: проблема звуковой и лингвокультурной интерференции // Вестник РУДН. Вопросы образования: языки и специальность. Vol. 14. No. 3. 2017. – С. 351-358.
122. Домнич О.В. Аспекты теории типологии языковых контактов // Вісник Запорізького державного університету. Філологічні науки. 2002. №1. – С. 26-32.
123. Домнич О.В. Лексические заимствования в аспекте контактной лингвистики и теории лексикографии (на материале автохтонных заимствований в канадский, австралийский и новозеландский варианты английского языка): дис. канд. наук: 10.02.04. – Запорожье, 2010. – 274 с.
124. Домнич О.В. Особенности взаимодействия английского и малайского языков в Сингапуре // Вісник Запорізького державного університету. Філологічні науки. 2017. №6. – С. 263-288.

- 125.Дьячков М.В. Креольские языки. – М.: «Наука», 1987. – 107 с.
- 126.Дьячков М.В. Проблемы двуязычия (многоязычия). – М.: Институт национальных проблем в МО РФСР, 1992. – 104 с.
- 127.Дьячков М.В. Социально-исторические условия пиджинизации языка // Вопросы социолінгвістики. – М., 1986. – С. 107-122.
- 128.Ефимов В. А. Язык афганских хазара. Якаулангский диалект. – М.: Наука, 1965. – 100 с.
- 129.Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. – Киев: «Вища школа», 1970. – 176 с.
- 130.Жлуктенко Ю.О. Мовні контакти: Проблеми інтерлінгвістики. – К., 1966. – 135 с.
- 131.Захватаева К. С. Роль английского языка в процессе современного англо-русского языкового контактирования // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород: №3 (1), 2012. – С. 400-403.
- 132.Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. – М.: «Либроком», 2009. – 384 с.
- 133.Земская Е.А. Функции словообразования в языке русского зарубежья. Уч. пособие. – М.: «Флинта», «Наука», 2011. – 324 с.
134. Золотарева И.В., Живодрова Д.Ю. Spanglish как результат заимствований в современном испанском языке // Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований. Мат-лы II Всеросс. нац. науч. конф-и студентов, аспирантов и молодых ученых. – г. Комсомольск-на-Амуре, 2019. – С. 142-144.
- 135.Ивкина Л. А. Экспансионизм США на рубеже XIX-XX вв. // Латиноамериканский исторический альманах. – 2015. – Т. 15. – С. 134-135.
- 136.Ильяшенко Т.П. Языковые контакты на материале славяно-молдавских отношений. – М.: «Наука», 1970. – 209 с.
- 137.Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – 180 с.
- 138.Киселева Д.С. О некоторых фонетических особенностях spanglish как результатах действия межъязыковой интерференции // Научное

сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. IV междунар. студ. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2012. – С. 166-173.

139.Ковылина Л.Н. Синтаксическая интерференция и способы ее изучения. – Дис. на соис. степени к.ф.н. – М., 1981. – 226 с.

140.Кожемякина В.А., Колесник Н.Г., Крючкова Т.Б. Словарь социолингвистических терминов. – М.: ИЯРАН, 2006. – 312 с.

141.Кондратенко Р. В. Испано-американская война (1898 г.) – СПб.: Цитадель, 2000. – 159 с.

142.Кудряшова С.В. Тематическая классификация англо-американских заимствований в испанском языке // Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2014. – № 5. – С. 217-221.

143.Кузнецова И.Н. Теория лексической интерференции: (На материале фр. яз.). – Дис...докт. филол. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1998. – 401 с.

144.Куртаева М.О. Англоязычные заимствования в испанском биржевом дискурсе // Интернет-конференция «Испания и Россия: диалог культур в свете современной цивилизационной парадигмы». – Иркутск, 2011. URL: <http://e1ib.sfu-kras.ru/handle/2311/20774>

145.Лабунец Н.В. Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта: автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.01. – М., 2007. – 51 с.

146.Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Проблемы перевода. – М., 1976. – 130 с.

147.Лингвистический энциклопедический словарь. Под редакцией В.Н. Ярцевой. – М., 1990. – 709 с.

148.Лобковская Л.П. О понятии межъязыковой омонимии (к проблеме термина «ложные друзья переводчика») // Вестник Челябинского государственного университета, 2012. № 20 (274). – Филология. Искусствоведение. Вып. 67. – С. 79-87.

149.Лотман Ю.М. Культура и интеллигентность / Воспитание души. По трактату Балла «Шесть книг о красотах латинского языка» /

Elegantiarum linguae latinae libri VI. – СПб, «Искусство-СПб», 2003 г. – С. 482-483.

150.Любимова Н. А. Фонетический аспект общения на неродном языке (в условиях финно-русского двуязычия). – Л.: Изд. ЛГУ, 1988. – 65 с.

151.Март Н.Я. Избранные работы. Тт. 1–5. – М. – Л., 1933-1937.

152.Масляков В.С. «Спанглиш» как явление языковой межкультурной коммуникации. // Язык и культура. 2011. №1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spanglish-kak-yavlenie-yazykovoy-mezhkulturnoy-kommunikatsii>.

153.Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М., 2000. – 208 с.

154.Мечковская Н.Б., Норман Б.Ю., Плотников Б.А., Супрун А.Е. Общее языкознание: Учебное пособие для филолог. факультетов вузов. – Минск: Вышэйшая школа, 1983. – 456 с.

155.Михеева Н.Ф. Межвариантная диалектология испанского языка. – Учебное пособие. – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2006. – 117 с.

156.Молодкин А.М. Взаимодействие языков разного типа в этнокультурном контексте. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – 378 с.

157.Осинцева Т.В. Спэнглиш как феномен заимствований в испанском языке. – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2016. URL: <https://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-sovremennykh-gumanitarnykh-nauk-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodnoy-sektsiya-20-romanskije-yazyki-spetsialnost-10-02-05/spenglish-kak-fenomen-zaimstvovaniy-v-ispanskom-yazyke/>

158.Панов М.В. Энциклопедический словарь юного филолога. – М.: Книга по требованию, 1984. – 352 с.

159.Панченко С.В. Лексика хантыйского происхождения в русских письменных источниках конца XIX – начала XX века: Дис. на соис. степени к.ф.н. – Екатеринбург, 2003. – 308 с.

160.Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – 579 с.

- 161.Потокова Н. В. Агрессия США против Мексики. 1846-1848. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 141 с.
- 162.Прошина З.Г. Вариантность английского языка и межкультурная коммуникация // Личность. Культура. Общество. Междунар. журн. социальных и гуманитарных наук. – 2010. Т. XII, Вып. 2, № 55-56. – С. 242-252.
- 163.Прошина З.Г. Дистинктивные признаки вариантов английского языка, неродного для его пользователей // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. Том 56, № 3. – С. 123-128.
- 164.Прошина З.Г. Лингвоконтактология: современные проблемы и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. – С. 73–88.
- 165.Прошкина И. Диалекты английского языка. – 2015. URL: <http://englishgu.ru/dialekty-angliyskogo/>
- 166.Раск Р. Исследования в области древнесеверного языка или происхождение исландского языка. Перев. с нем. – «Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков». – 1818. – 312 с.
- 167.Розанова С.П. Динамика внутриязыковой лексической интерференции и её нейтрализация. – Вестник РУДН // Вопросы образования: языки и специальность. № 1. – М., 2009. – С. 67-74.
- 168.Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. – М.: «Прогресс», 1972. – 535 с.
- 169.Самарин Д.А. Проблема смешения языков в концепции Г.Шухардта. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. II. – С. 174-177.
- 170.Семчинский С.В. Семантична інтерференція мов. – К.: Вища школа, 1974. – 256 с.
- 171.Серебренников Б.А. Общее языкознание. – М.: «Наука», 1970. – 597 с.
- 172.Словарь-справочник лингвистических терминов. – Сост. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. – М., 1976. – 399 с.

173. Современный словарь иностранных слов. – Сост. Л.П. Крысин. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2012. – 410 с.
174. Степанов Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки. – Издательство литературы на иностранных языках, 1963. – 202 с.
175. Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. – URSS, 2021. – 328 с.
176. Сударь Г.С. К вопросу о статусе spanglish // Вестник Российского нового университета, 2010, № 1. – С. 171–175.
177. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. – М., 1999. – 688 с.
178. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. – Вып. 6. – М., 1972. – С. 61-80.
179. Хроленко А.Т., Бондалетов В. Д. Теория языка: учебное пособие. – М.: 2004. – 512 с.
180. Цегнер С.С. Морфологическая интерференция при контакте французского и русского языков. – Дисс... на соис. уч. степени канд. фил. наук. – М., 2014. – 233 с.
181. Швейцер А. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. – 2-е изд. – М.: Либроком, 2009. – 174 с.
182. Шинаренко Д., Былкова С. Стилистическая интерференция в приказах и постановлениях командования СССР 30-40-х годов XX века // Молодой исследователь Дона. – Донской государственный технический университет, 2022, № 1(34). – С. 94-99.
183. Шишкина Т.Г. Русский «акцент» в письменном переводе (морфологический уровень): Дис... канд. филол. наук. – М., 1996. – 193 с.
184. Шишмарёв В. Ф. Очерки по истории языков Испании. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 344 с.
185. Шлейхер А. Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков (Compendium der vergleich. Grammatik der indogermanischen Sprachen). – 1864. Перевод на рус.яз. А.А. Хованского.

- 186.Шпехт Ф., Мюллер Г., Пизани В. Сборник. Общее и индоевропейское языкознание. – М.: Изд. «Издательство иностранной литературы», 1956. – 200 с.
- 187.Шухардт Г. К вопросу о языковом смешении // Избранные статьи по языкознанию. – Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С. 174-184.
- 188.Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – 432 с.
- 189.Щерба Л.В. О понятии смешений языков // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. – Л., 1958. URL: <https://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba8.htm>
- 190.Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб: АО «Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон», 1890-1907. – 485 с.
- 191.Юсупов У.К. Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина // Методы сопоставительного изучения языков. – Москва, 1988. – С. 6-11.
- 192.Юсупов У.К. Теоретические основы сопоставительной лингвистики. – Т.: Фан, 2007. – 127 с.

Интернет-сайты

- 1.Interview: Spanglish is an emergent dialect in Florida (Peña Ch. with Francisco J. (Paco) Fernández-Rubiera). URL: <https://mynews13.com/fl/orlando/news/2023/11/15/christian-pena---spanglish-emerges-in-florida->
- 2.MLA Language Map Data Center. URL: https://apps.mla.org/cgi-shl/docstudio/docs.pl?map_data_results.
- 3.Population and Housing Unit Estimates. URL: <https://www.census.gov/programs-surveys/popest.html>
- 4.Profile of General Population and Housing Characteristics: 2010. 2010 Census Summary File 1. United States Census Bureau (2010). URL: https://www.nyc.gov/assets/planning/download/pdf/data-maps/nyc-population/census2010/t_sf1_dp_nyc.pdf

5. Salvador Tió's 100th Anniversary, 2011. URL: <https://repeatingislands.com/2011/11/15/salvador-tio%E2%80%99s-100th-anniversary/>
6. Spanglish in Advertising. Spanglish at UO. URL: <https://blogs.uoregon.edu/micahandmatt/home-2/>
7. United States Census Bureau. URL: www.census.gov/population/
8. UTHealth Rio Grande Valley. URL: <https://uthealthrgv.org/>
9. Горшков А. Разные языки или разные диалекты? // Грамота. Языковая политика. 2023. URL: <https://gramota.ru/journal/stati/yazykovaya-politika/raznye-yazyki-ili-raznye-dialekty>

Художественная литература

1. Braschi G. Yo-yo Boing! – Las Vegas: Amazon Crossing, 2011. – 249 p.
2. Díaz J. The Brief Wondrous Life of Oscar Wao. – Riverhead Books, 2007. – 340 p.
3. Flor Ada Alma. Me encantan los Saturdays y los domingos. – Alfaguara, 2004. – Pp. 230-245.
4. Stavans I., de Cervantes M. Don Quixote of La Mancha. – The Pennsylvania State University Press, University Park, Pennsylvania, 2018. – 124 p.
5. Vega Ana Lydia. Pollito Chicken. – Puerto Rico, 1977. – 4 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Первые 15 языков мира, на которых говорят не менее 50 миллионов человек³

Languages with at least 50 million first-language speakers

Rank	Language	Primary Country	Total Countries	Speakers (millions)
1	Chinese [zho]	China	104 ↘	1,349 ↘
	Chinese, Gan [gan]	China	1	22.6
	Chinese, Hakka [hak]	China	14	43.9
	Chinese, Huizhou [czh]	China	1	5.42
	Chinese, Jinyu [cjy]	China	1	48.0
	Chinese, Mandarin [cmn]	China	18	941
	Chinese, Min Bei [mnp]	China	2	11.7
	Chinese, Min Dong [cdo]	China	6	10.9
	Chinese, Min Nan [nan]	China	10	50.6
	Chinese, Min Zhong [czo]	China	1	3.65
	Chinese, Pu-Xian [cpx]	China	3	3.15
	Chinese, Wu [wu]	China	1	83.4
	Chinese, Xiang [hsn]	China	1	38.1
	Chinese, Yue [yue]	China	15	86.1

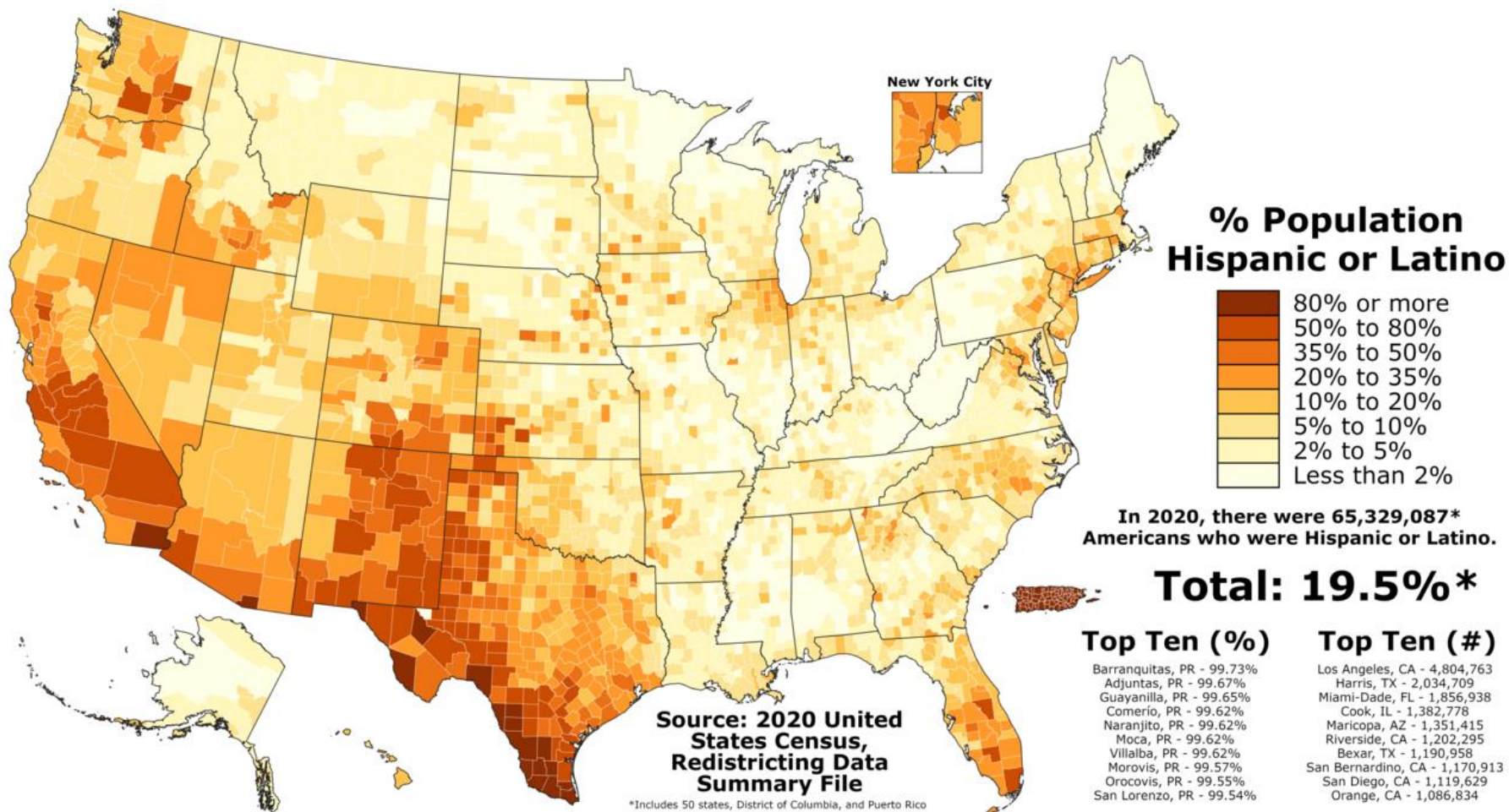
	Pinghua, Northern [cnp]	China	1	1.76
	Pinghua, Southern [csp]	China	1	2.37
2	Spanish [spa]	Spain	43 →	486 →
3	Arabic [ara]	Saudi Arabia	111 ↘	383 ↘
	Arabic, Algerian [arq]	Algeria	2	35.7
	Arabic, Chadian [shu]	Chad	5	2.27
	Arabic, Eastern Egyptian Bedawi [avl]	Egypt	4	3.01
	Arabic, Egyptian [arz]	Egypt	2	78.4
	Arabic, Gulf [afb]	Kuwait	10	10.9
	Arabic, Hadrami [ayh]	Yemen	1	5.11
	Arabic, Hijazi [acw]	Saudi Arabia	4	10.8
	Arabic, Levantine [apc]	Syria	9	51.2
	Arabic, Libyan [ayl]	Libya	3	5.58
	Arabic, Mesopotamian [acm]	Iraq	4	17.5
	Arabic, Moroccan [ary]	Morocco	4	29.4
	Arabic, Najdi [ars]	Saudi Arabia	5	18.5
	Arabic, North Mesopotamian [ayp]	Iraq	4	10.5

³ <https://www.ethnologue.com/statistics/>

	Arabic, Omani [acx]	Oman	4	3.20
	Arabic, Sa'idi [aec]	Egypt	1	25.1
	Arabic, Sanaani [ayn]	Yemen	1	12.6
	Arabic, Sudanese [apd]	Sudan	5	37.4
	Arabic, Ta'izzi-Adeni [acq]	Yemen	3	12.2
	Arabic, Tunisian [aeb]	Tunisia	2	12.0
4	English [eng]	United Kingdom	171 ↗	380 ↗
5	Hindi [hin]	India	5 ↗	345 ↗
6	Bengali [ben]	Bangladesh	4 ↗	237 ↗
7	Portuguese [por]	Portugal	16 ↗	236 ↗
8	Russian [rus]	Russian Federation	23 ↗	148 ↗
9	Japanese [jpn]	Japan	5 ↗	123 ↗
10	<i>Lahnda [lah]</i>	<i>Pakistan</i>	16 ↘	119 ↘
	Hindko, Northern [hno]	Pakistan	1	5.25
	Hindko, Southern [hnd]	Pakistan	1	1.75
	Pahari-Potwari [phr]	Pakistan	2	3.54

	Punjabi, Western [pnb]	Pakistan	2	82.3
	Saraiki [skr]	Pakistan	2	25.6
11	Vietnamese [vie]	Vietnam	5 ↗	85.4 ↗
12	Turkish [tur]	Turkey	13 ↗	84.1 ↗
13	Marathi [mar]	India	1 ↗	83.2 ↗
14	Telugu [tel]	India	4 ↗	82.8 ↗
15	<i>Malay [msa]</i>	<i>Malaysia</i>	30 ↘	82.3 ↘
	Banjar [bjn]	Indonesia	2	3.66
	Indonesian [ind]	Indonesia	2	43.7
	Malay [zlm]	Malaysia	3	16.2
	Malay, Central [pse]	Indonesia	1	1.59
	Malay, Jambi [jax]	Indonesia	1	1.00
	Malay, Kedah [meo]	Malaysia	2	2.60
	Malay, Manado [xmm]	Indonesia	1	1.82
	Malay, Pattani [mfa]	Thailand	1	1.47
	Minangkabau [min]	Indonesia	1	4.88
	Musi [mui]	Indonesia	1	3.12

Процент испаноговорящего населения по США на 2020 год⁴

⁴ United States Census Bureau

Число и процент национальных сегментов испаноговорящего населения по штатам⁵

U.S. states by Mexican American population

State/Territory	Mexican American Population (2020)	Percentage
 Alabama	124,210	2.6
 Alaska	28,049	3.8
 Arizona	1,926,274	27.8
 Arkansas	159,273	5.4
 California	12,621,844	32.3
 Colorado	869,149	15.8
 Connecticut	57,383	1.6
 Delaware	34,244	3.7
 District of Columbia	14,146	1.6
 Florida	713,518	9.8
 Georgia	561,710	5.5
 Hawaii	45,832	3.3
 Idaho	181,185	10.8
 Illinois	1,715,831	13.4
 Indiana	333,219	5.1
 Iowa	143,368	4.6
 Kansas	278,213	9.6

 Kentucky	89,217	2.1
 Louisiana	93,750	2.1
 Maine	6,251	0.5
 Maryland	97,231	1.7
 Massachusetts	47,911	0.7
 Michigan	363,421	4.9
 Minnesota	201,580	3.7
 Mississippi	56,282	1.9
 Missouri	172,055	2.9
 Montana	27,510	2.7
 Nebraska	150,424	7.9
 Nevada	629,469	21.6
 New Hampshire	8,686	0.7
 New Jersey	230,875	2.6
 New Mexico	658,516	31.5
 New York	477,194	2.5
 North Carolina	538,505	5.3
 North Dakota	17,915	2.3
 Ohio	200,060	1.8
 Oklahoma	333,166	8.5

 Oregon	431,169	10.6
 Pennsylvania	152,537	1.2
 Puerto Rico	10,834	0.4
 Rhode Island	11,123	1.1
 South Carolina	150,582	3.1
 South Dakota	21,229	2.5
 Tennessee	217,557	3.3
 Texas	9,394,506	33.7
 Utah	306,375	10.7
 Vermont	3,335	0.6
 Virginia	173,046	2.1
 Washington	728,208	10.0
 West Virginia	10,982	0.6
 Wisconsin	278,789	4.9
 Wyoming	44,704	7.7
Total US	36,600,000	12.2

⁵ United States Census Bureau

U.S. states by Puerto Rican population

State/Territory	Puerto Rican-American Population (2010 Census)	Percentage
 Alabama	12,225	0.3
 Alaska	4,502	0.6
 Arizona	34,787	0.5
 Arkansas	4,789	0.2
 California	189,945	0.5
 Colorado	22,995	0.5
 Connecticut	252,972	7.1
 Delaware	22,533	2.5
 District of Columbia	3,129	0.5
 Florida	847,550	4.5
 Georgia	71,987	0.7
 Hawaii	44,116	3.2
 Idaho	2,910	0.2
 Illinois	182,989	1.4
 Indiana	30,304	0.5
 Iowa	4,885	0.2
 Kansas	9,247	0.3
 Kentucky	11,454	0.3

 Louisiana	11,603	0.3
 Maine	4,377	0.3
 Maryland	42,572	0.7
 Massachusetts	266,125	4.1
 Michigan	37,267	0.4
 Minnesota	10,807	0.2
 Mississippi	5,888	0.2
 Missouri	12,236	0.2
 Montana	1,491	0.2
 Nebraska	3,242	0.2
 Nevada	20,664	0.8
 New Hampshire	11,729	0.9
 New Jersey	434,092	4.9
 New Mexico	7,964	0.4
 New York	1,070,558	5.5
 North Carolina	71,800	0.8
 North Dakota	987	0.1
 Ohio	94,965	0.8
 Oklahoma	12,223	0.3
 Oregon	8,845	0.2

 Pennsylvania	366,082	2.9
 Rhode Island	34,979	3.3
 South Carolina	26,493	0.6
 South Dakota	1,483	0.2
 Tennessee	21,060	0.3
 Texas	130,576	0.5
 Utah	7,182	0.3
 Vermont	2,261	0.4
 Virginia	73,958	0.9
 Washington	25,838	0.4
 West Virginia	3,701	0.2
 Wisconsin	46,323	0.8
 Wyoming	1,026	0.2
<i>United States</i>	4,623,716	1.5

Рост численности испаноязычного населения в США с 1910 по 2020 год⁶

% of Population of Mexican Origin (1910-1930) and of Hispanic/Latino Origin (1940-2020) by U.S. State

State/Territory	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2020
 Arizona	28.6%	30.4%	30.2%	20.4%	17.2%	14.9%	17.3%	16.2%	18.8%	25.3%	29.6%	30.7%
 Texas	7.1%	9.9%	13.8%	11.5%	13.3%	14.8%	17.7%	21.0%	25.5%	32.0%	37.6%	39.3%
 New Mexico	6.9%	9.8%	15.2%	41.7%	36.5%	28.3%	37.4%	36.6%	38.2%	42.1%	46.3%	47.7%
 California	2.1%	3.7%	6.8%	6.0%	7.2%	9.1%	13.7%	19.2%	25.8%	32.4%	37.6%	39.4%
 Nevada	1.1%	1.8%	3.7%	2.8%			5.6%	6.7%	10.4%	19.7%	26.5%	28.7%
 Kansas	0.5%	0.9%	1.1%	0.7%			2.1%	2.7%	3.8%	7.0%	10.5%	13.0%
 United States	0.4%	0.7%	1.2%	1.5%	2.1%	3.2%	4.4%	6.4%	9.0%	12.5%	16.3%	18.7%
 Colorado	0.4%	1.6%	5.7%	8.2%	9.0%	9.0%	11.6%	11.8%	12.9%	17.1%	20.7%	21.9%
 Oklahoma	0.3%	0.4%	0.2%	0.2%			1.4%	1.9%	2.7%	5.2%	8.9%	11.9%
 Wyoming	0.2%	1.1%	3.2%	2.4%			5.6%	5.2%	5.7%	6.4%	8.9%	10.2%
 Louisiana	0.1%	0.2%	0.3%	0.2%			1.9%	2.4%	2.2%	2.4%	4.2%	6.2%
 West Virginia	0.0%	0.0%	0.0%	0.1%			0.4%	0.7%	0.5%	0.7%	1.2%	1.9%
 Maine	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%			0.4%	0.4%	0.6%	0.7%	1.3%	2.0%
 Vermont	0.0%	0.0%	0.0%	0.2%			0.6%	0.6%	0.7%	0.9%	1.5%	2.4%
 Mississippi	0.0%	0.0%	0.1%	0.0%			0.4%	1.0%	0.6%	1.4%	2.7%	3.6%
 Montana	0.0%	0.1%	0.5%	0.4%			1.1%	1.3%	1.5%	2.0%	2.9%	4.2%
 New Hampshire	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%			0.4%	0.6%	1.0%	1.7%	2.8%	4.3%
 North Dakota	0.0%	0.0%	0.1%	0.0%			0.3%	0.6%	0.7%	1.2%	2.0%	4.3%

⁶ United States Census Bureau

% of Population of Mexican Origin (1910-1930) and of Hispanic/Latino Origin (1940-2020) by U.S. State

State/Territory	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2020
 South Dakota	0.0%	0.0%	0.1%	0.0%			0.4%	0.6%	0.8%	1.4%	2.7%	4.4%
 Ohio	0.0%	0.0%	0.1%	0.1%			0.9%	1.1%	1.3%	1.9%	3.1%	4.4%
 Kentucky	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%			0.3%	0.7%	0.6%	1.5%	3.1%	4.6%
 Missouri	0.0%	0.1%	0.1%	0.1%			0.9%	1.1%	1.2%	2.1%	3.5%	4.9%
 Alabama	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%			0.4%	0.9%	0.6%	1.7%	3.9%	5.3%
 Michigan	0.0%	0.0%	0.3%	0.2%			1.4%	1.8%	2.2%	3.3%	4.4%	5.6%
 Minnesota	0.0%	0.0%	0.1%	0.1%			0.6%	0.8%	1.2%	2.9%	4.7%	6.1%
 Iowa	0.0%	0.1%	0.2%	0.1%			0.6%	0.9%	1.2%	2.8%	5.0%	6.8%
 South Carolina	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%			0.4%	1.1%	0.9%	2.4%	5.1%	6.9%
 Tennessee	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%			0.4%	0.7%	0.7%	2.2%	4.6%	6.9%
 Wisconsin	0.0%	0.0%	0.1%	0.1%			0.9%	1.3%	1.9%	3.6%	5.9%	7.6%
 Pennsylvania	0.0%	0.0%	0.0%	0.1%			0.9%	1.3%	2.0%	3.2%	5.7%	8.1%
 Indiana	0.0%	0.0%	0.3%	0.2%			1.3%	1.6%	1.8%	3.5%	6.0%	8.2%
 Arkansas	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%			0.5%	0.8%	0.8%	3.2%	6.4%	8.5%
 Georgia	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%			0.6%	1.1%	1.7%	5.3%	8.8%	10.5%
 Virginia	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%			1.0%	1.5%	2.6%	4.7%	7.9%	10.5%
 Delaware	0.0%	0.0%	0.0%	0.1%			1.1%	1.6%	2.4%	4.8%	8.2%	10.5%
 North Carolina	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%			0.4%	1.0%	1.2%	4.7%	8.4%	10.7%
 District of Columbia	0.0%	0.0%	0.0%	0.1%			2.1%	2.8%	5.4%	7.9%	9.1%	11.3%
 Maryland	0.0%	0.0%	0.0%	0.0%			1.4%	1.5%	2.6%	4.3%	8.2%	11.8%
 Nebraska	0.0%	0.2%	0.5%	0.4%			1.4%	1.8%	2.3%	5.5%	9.2%	12.0%

% of Population of Mexican Origin (1910-1930) and of Hispanic/Latino Origin (1940-2020) by U.S. State

State/Territory	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2020
 Massachusetts	0.0%	0.0%	0.0%	0.1%			1.1%	2.5%	4.8%	6.8%	9.6%	12.6%
 Idaho	0.0%	0.3%	0.3%	0.5%			2.6%	3.9%	5.3%	7.9%	11.2%	13.0%
 Washington	0.0%	0.0%	0.0%	0.1%			2.1%	2.9%	4.4%	7.5%	11.2%	13.7%
 Oregon	0.0%	0.1%	0.2%	0.1%			1.7%	2.5%	4.0%	8.0%	11.7%	13.9%
 Utah	0.0%	0.3%	0.8%	0.5%			4.1%	4.1%	4.9%	9.0%	13.0%	15.1%
 Rhode Island	0.0%	0.0%	0.0%	0.1%			0.7%	2.1%	4.6%	8.7%	12.4%	16.6%
 Connecticut	0.0%	0.0%	0.0%	0.1%			2.4%	4.0%	6.5%	9.4%	13.4%	17.3%
 Illinois	0.0%	0.1%	0.4%	0.3%			3.3%	5.6%	7.9%	12.3%	15.8%	18.2%
 New York	0.0%	0.0%	0.0%	1.0%			8.0%	9.5%	12.3%	15.1%	17.6%	19.5%
 New Jersey	0.0%	0.0%	0.0%	0.2%			4.3%	6.7%	9.6%	13.3%	17.7%	21.6%
 Florida	0.0%	0.0%	0.0%	1.3%			6.6%	8.8%	12.2%	16.8%	22.5%	26.5%
 Alaska							2.1%	2.4%	3.2%	4.1%	5.5%	6.8%
 Hawaii							3.0%	7.4%	7.3%	7.2%	8.9%	9.5%
 Puerto Rico										98.8%	99.0%	98.9%

ЯРЦЕВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА

«Спанглиш» в свете теории языковых контактов
Монография

2412

Разрешено к печати 14.07.2026 г. Размер бумаги 84х60 1/16. Набрано
в гарнитуре Times New Roman. Офсетная печать. Печатных листов
издательства 3.0. Тираж 15 экз.
Заказ № 01-35. Цена договорная

Напечатано в типографии “ZUXRO BARAKA BIZNES”.
Адрес: город Ташкент Чиланзарский район
улица Бунёдкор дом 27 А.